

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1908.

№ VII.

АПРѢЛЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ:

Стр.

- Бесѣда въ великій и пресвѣтлый праздникъ воскресенія изъ мертвыхъ Господа нашего Іисуса Христа. *Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго* 1—11
- Слово въ праздникъ Благовѣщенія Божіей Матери (25-го марта). *Протоіерей Василій Добровольскаго* 12—16
- Воззрѣнія ветхозавѣтныхъ пророковъ на паству и ихъ оцѣнка недостатковъ современнаго имъ паствырскаго (левитскаго) служенія. (Окончаніе). *Доцента Е. А. Воронцова*. 17—34
- Положеніе древне-русской женщины—христіанки. (Церковно-историческій очеркъ). (Продолженіе) *Д. М. Багрецова*. 35—63
- Вѣра, какъ психологическій фактъ съ научной точки зрѣнія и какъ добродѣтель, по ученію священнаго писанія и церкви. *Ф. Кожеевникова*. 64—88
- Практическая невозможность соціализма. Соч. В. Катрейна. (Авторизованный переводъ съ 9-го нѣмецкаго изданія). (Продолженіе). *Священника Н. Дипскаго*. 89—102

II. ОТДѢЛЪ ИЗВѢСТІЙ И ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. I. Епархіальныя извѣщенія.—Отъ Центральнаго Комитета Мѣстныхъ Отдѣловъ Общества.—Отъ Товарищества Студентовъ Императорской Академіи Художествъ.—II. Мысли пастыря. (Окончаніе). *Священника Николая Загорскаго*.—О выборахъ церковныхъ старостъ. *Сельскаго Священника Ин. Горайна*.—Миссіонерскій листокъ. На миссіонерскихъ курсахъ у сектантовъ. *Миссіонера Гр. Щелчкова*.—Епархіальная хроника.—Иноепархіальныя отдѣлы.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія.—(Стр. 103—142).

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Соборная пл., въ зд. Присут. мѣсть.
1908.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣла богословско-философскаго. Въ него входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженій, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ. Сюда же съ аналогическою цѣлю будутъ входить изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе и менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыми мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человека и во временахъ составило предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

2. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнять для Харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“, то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Извѣстія и замѣтки по Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №. Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 рублей, а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТЪ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной Семинаріи, при свѣчной лавкѣ Харьковскаго Покровскаго монастыря, въ Харьковской конторѣ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гостиный дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени». Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданій за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 4 р. 50 к. за каждый годъ; по 5 р. за 1890—1897 г., по 6 р. за 1898—1902 годы. За 1903 г. и 1904 г. 7 руб., за 1905 и 1906 г. 8 р.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 100 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. „Древніе и современные софисты“. Сочиненіе Т. Ф. Brentano. Съ французскаго перевелъ Яковъ Новицкій. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкою.

2. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождественна. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

3. БЕСѢДЫ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. Благочинными Харьковской епархіи. 1903 г. Цѣна 25 к. съ пересылкою.

4. „СОВЕСѢДОВАНІЯ“ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. благочинными, выборными отъ духовенства и другими лицами. 1906 г. Цѣна 40 к.

Πίστει νοοῦμεν.

Върою разумѣаемъ.

Евр. XI.

БЕСѢДА

въ великій и пресвѣтлый праздникъ воскресенія изъ мертвыхъ Господа
нашего Іисуса Христа.

Арсенія, Архієпископа Харьковского.

Христось воскресе!

Христось воскресе, православные христіане!

Христось воскресе, возлюбленные братіе!

Въ настоящій великій, преславный, пресвѣтлый и пре-
радостный праздникъ побесѣдуемъ, братіе, какъ со-
вершилось великое, побѣдоносное и спасительное для
насъ событіе — воскресеніе Господа нашего Іисуса
Христа изъ мертвыхъ.

Когда великій Страдалецъ-Спаситель нашъ на крестѣ
испустилъ духъ, благообразный Іосифъ Аримаѳейскій,
знаменитый членъ синадріона, но не участвовавшій
вмѣстѣ съ своими сочленами въ убійствѣ возлюбленнаго
своего Учителя, будучи благочестивымъ и правед-
нымъ, испросилъ у Пилата-Понтія позволеніе снять съ
креста пречистое тѣло Іисуса Христа, чтобы похо-
ронить оное. Позволеніе дано было. Въ этомъ прискорб-
номъ, но благочестивомъ дѣлѣ, принялъ участіе и дру-
гой святой мужъ, бывшій тайнымъ ученикомъ Іисуса
Христа, Никодимъ. При снятіи тѣла Спасителя со
Креста и положеніи Его во гробъ присутствовали
также: Матерь Его Пресвятая Дѣва Марія, любимый

ученикъ Его — евангелистъ Іоаннъ Богословъ и святая жены мурносицы. Всѣ они, взирая на божественнаго Мертвеца, проливали слезы и принимали участіе въ погребеніи Спасителя: погребавшіе обвили пречистое тѣло Его чистою плащаницею и облагоухали оное, пелены и гробъ дорогими ароматами, принесенными Никодимомъ. Пречистое тѣло Спасителя съ горы Голгофы — отъ Креста, перенесено было ими въ садъ Іосифа Аримаѳейскаго. Въ этомъ саду заранѣе Іосифъ для себя приготовилъ пещеру, или гротъ, изсѣченный въ скалѣ и въ ней имъ же былъ приготовленъ каменный — новый гробъ, въ которомъ еще никто не былъ положенъ. Въ этомъ то гротѣ и въ этомъ гробѣ со слезами и глубокою скорбію участники погребенія положили Іисуса и закрыли входъ въ пещеру большимъ камнемъ.

Что же дѣлали въ это время враги Христовы — книжники, фарисеи, начальники іудейскіе?.. О, у нихъ была своя забота: они поспѣшили къ Пилату съ требованіемъ отъ него стражи къ пещерѣ, въ которой былъ погребенъ Спаситель. Они злобно и коварно клеветуютъ на учениковъ Христовыхъ, говоря Пилату: „мы опасаемся, что ночью ученики Его изъ пещеры украдутъ тѣло Его и скажутъ людямъ, что Онъ воскресъ; посему повели гробъ Его оградить стражею и укрѣпить входъ въ пещеру печатями“. Пилатъ безучастно отвѣтилъ имъ: „дѣлайте, какъ знаете“. И вотъ начальники іудейскіе приставили стражу къ пещерѣ, въ которой былъ погребенъ Спаситель, и входъ въ нее запечатали.

Такъ, враги Христовы, совершивши безпримѣрное въ родѣ человѣческомъ злодѣйское дѣло убіенія величайшаго Праведника, и послѣ погребенія Его, по ихъ понятіямъ, приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы Его не

могли взять изъ пещеры. Покончивши съ симъ кровавымъ дѣломъ, евреи приступили къ празднованію своего великаго праздника—пасхи...

Сколько же времени пролежалъ Спаситель нашъ во гробѣ и въ чемъ заключалась божественная, промыслительная и спасительная дѣятельность Господа нашего Іисуса Христа во время тѣлесной смерти Его?

Пребываніе Спасителя во гробѣ простиралось на три дня—пятницу, субботу и воскресеніе: въ пятницу, по нашему счету времени, въ три часа дня Онъ на крестѣ *предалъ душъ свой Богу Отцу*; всю субботу пречистое—нетлѣнное тѣло Его пролежало во гробѣ, а на третій день—въ воскресенье рано утромъ силою Божества своего, Онъ воскресъ изъ мертвыхъ.

Но и во время пребыванія пречистаго тѣла Спасителя во гробѣ, Господь нашъ Іисусъ Христосъ, Спаситель нашъ, предвѣчное Слово Отчее, второе Лицо Пресвятыя Троицы, Сынъ Божій, совершилъ великія спасительныя дѣла. Св. Церковь наша воспѣваетъ: *Во гробъ плотски, во адъ же съ душою яко Богъ, въ рай же съ разбойникомъ и на престолъ былъ еси Христосъ съ Отцемъ и Духомъ, вся исполняяй—неописанный...* Вотъ гдѣ находился Спаситель во время смерти тѣлесной!

Душа умершаго Спасителя, подобно душамъ всѣхъ умершихъ прежде Него людей, отошла въ адъ, въ мѣсто жилища всѣхъ прежде Него скончавшихся. Но отошла не затѣмъ, чтобы тамъ остаться и жить вмѣстѣ съ другими умершими во власти діавола, а для того, чтобы *расторгнуть узы ада, побѣдить діавола, стереть главу змія*, исконнаго врага рода человѣческаго, и вывести оттуда души всѣхъ людей, съ вѣрою ожидавшихъ пришествія на землю Сына Человѣческаго—Богочеловѣка, Іисуса Христа, давно ожидаемаго Мессію. Теперь на-

сталъ тотъ день, который желалъ видѣть ветхозавѣтный праведникъ — патриархъ Авраамъ, и видѣлъ и возрадовался, такъ какъ Сшедшій во адъ Христосъ плѣнилъ адъ, расторгъ веревы ада, сломалъ и уничтожилъ всѣ его заклепы. Властелинъ ада дьяволъ, со всѣми своими ангелами, низвергнутый Богомъ еще до сотворенія міра, вторично понесъ пораженіе отъ снисшедшаго во адъ Творца своего и Бога, нашего Спасителя. Всѣхъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ, начиная отъ прародителей, нашихъ Адама и Евы и оканчивая величайшимъ праведникомъ, стоявшимъ на рубежѣ ветхаго и новаго завѣта, Иоанна Предтечи и Крестителя Своего Онъ вывелъ изъ ада и переселилъ въ райскія обители небесныя и открылъ двери рая для всѣхъ людей, вѣрующихъ въ Него и отходящихъ изъ этой жизни въ загробную съ несомнѣнною надеждою на Его помилованіе, хотя бы при жизни и не успѣли принести достойныхъ плодовъ покаянія. Слава и благодареніе Господу Своею смертію нашу смерть поправшему и сущимъ во гробѣхъ животъ (спасеніе и вѣчную жизнь) даровавшему!...

Вотъ зачѣмъ Спаситель, умершій, нисходилъ во адъ!... Далѣе:

И во время смерти Своей, находясь тѣломъ во гробѣ, а душою носѣтивъ адъ, Спаситель Божествомъ Своимъ былъ на небѣ, на Престолѣ Троицкаго Божества, какъ предвѣчный Сынъ Божій вмѣстѣ съ Отцемъ и Духомъ, засвидѣтельствовавъ Троицкаму Богу о совершеніи Имъ искупленія и спасенія рода человѣческаго. Кромѣ того, когда Спаситель висѣлъ на крестѣ посрединѣ двухъ разбойниковъ, — одинъ изъ разбойниковъ поносилъ Его, а другой исповѣдалъ Его — *Господомъ* и молилъ Его, о спасеніи своемъ словами: *помяни мя Господи, егда приидеши во Царствіи Твоемъ. И мило-*

сердый Христось, Самъ претерпѣвая крестныя муки, сказалъ ему: *днесь, т. е. сегодня, со Мною ты будешь въ раю.* Этотъ покаявшійся и прощенный разбойникъ, умершій на крестѣ, и былъ первымъ христіанскимъ праведникомъ, представленнымъ Спасителемъ Богу Отцу, какъ первый плодъ Его искупительной жертвы. Вотъ почему св. Церковь въ восторгѣ воспѣваетъ: *Благодаразумнаго разбойника во единомъ часѣ раевн сподобилг еси, Господи, и насъ древоми крестнымъ просвѣти и спаси...*

Совершивши великое дѣло спасенія рода человѣческаго на землѣ и въ преисподней,—изведши изъ ада всѣхъ увѣровавшихъ въ Него и засвидѣтельствовавъ о семъ на небѣ Тріипостасному Божеству, Господь нашъ Исусъ Христось утвердилъ и запечатлѣлъ оное преславнымъ своимъ воскресеніемъ, даровавъ тѣмъ самымъ всѣмъ намъ, вѣрующимъ въ Него, твердое и непоколебимое основаніе нашей вѣры въ Его искупительныя заслуги и надежды на наше всеобщее воскресеніе.

Насталъ третій день послѣ смерти Спасителя, великій и преславный день *Воскресенія Христова.* Было раннее утро, только что начало свѣтатъ. Свѣтоносный Ангелъ сошелъ съ неба, приступилъ къ пещерѣ, гдѣ въ гробѣ лежало тѣло Иисусово, *отвалилг камень отъ дверей гроба.* Въ это время душа Спасителя и Божество Его соединились въ тѣлѣ и Онъ ожилъ, силою Божества Своего возсталъ изъ гроба—*воскресг изъ мертвыхъ.* При семъ совершилось великое землетрясеніе, возсіялъ необычайный свѣтъ и осіялъ все мѣсто, гдѣ лежалъ Господь, такъ что видѣ свѣтоноснаго Ангела, отвалившаго камень отъ гроба, былъ, какъ молнія и одѣяніе его бѣло какъ снѣгъ. Отъ 'страха войны (стрегущіе) пришли въ трепеть, отъ сильнаго свѣта

очи ихъ померкли, они попадали на землю и стали какъ мертвые. Такъ совершилось великое и преславное событие—воскресеніе Господа нашего изъ мертвыхъ! *Воскресеніе Твое Христе Спасе Ангели поютъ на небесахъ, и насъ на земли сподоби чистымъ сердцемъ Тебе славити!... Величитъ душа моя воскресшаго тридневно отъ гроба Христа Жизнодавца!...*

Скоро узнали о воскресеніи Спасителя архіереи и начальники іудейскіе: воины, приставленные ко гробу Его, пришедши въ себя, побѣжали къ нимъ и рассказали о великомъ и страшномъ событіи воскресенія. Тогда снова собрались архіереи со старцами еврейскими, снова составили совѣтъ о томъ—чтобы воспрепятствовать распространенію вѣсти о воскресеніи Спасителя, и рѣшились распространить молву, будто ученики украли изъ гроба тѣло Спасителя; для этого они подкупили стражу: *сребреники довольно даша воинамъ, научивъ ихъ говорить, яко ученицы Его ночью пришедши украдоша Его въ то время, когда они спали, обѣщая имъ за мнимое небреженіе защиту и безопасность предъ правительствомъ.* Воины приняли сребреники и такъ стали говорить: *И промчѣся ложная вѣсть сія между іудеями даже до сего дне...* Этою ложью убійцы Спасителя и враги христіанства хотѣли затмить славу воскресенія Христова и уничтожить христіанство въ его началѣ и основаніи!... Но мы, братіе, воскресеніе Христово видимъ и вѣруемъ, поклоняемся Святому Господу Иисусу, единому безгрѣшному; Онъ Богъ нашъ и мы иного Бога не знаемъ, Воскресеніе Его поемъ и славимъ; потому что *Крестомъ Его прииде радость всему міру: распятіе бо претерпѣвъ, смертію своею нашу смерть разруши...*

Но не смотря на коварство и злобу враговъ Иисуса Христа, желавшихъ затмить славу воскресенія Христова, вѣсть о семъ сдѣлалась извѣстною въ день

воскресенія рано утромъ и въ продолженіе перваго дня Воскресенія Христова она быстро распространилась по всему Іерусалиму. Святыя жены Мирносицы, побуждаемая сильнымъ чувствомъ любви и преданности своему небесному Учителю, въ этотъ же день пришли ко гробу Спасителя рано утромъ, предъ восходомъ солнца, когда только начало свѣтатъ, чтобы поклониться пречистому тѣлу Его и еще разъ помазать оное благовонными ароматами. Въ великомъ и сильномъ чувствѣ скорби объ умершемъ Спасителѣ, въ благоговѣніи къ Нему и въ страхѣ за свою безопасность отъ ночной стражи, онѣ недоумѣвали, кто отвалитъ имъ большой камень отъ гроба. Но пришедши ко гробу, Марія Магдалина увидѣла, что камень уже отваленъ, и на камнѣ сидѣлъ свѣтоносный Ангель, въ бѣлоснѣжныхъ ризахъ съ молніеноснымъ лицомъ, а остальные Мирносицы въ самомъ гротѣ увидѣли такихъ же свѣтоносныхъ Ангеловъ, одного по правую, а другаго по лѣвую сторону гроба. „*Не бойтесь, ска- залъ женамъ мирносицамъ одинъ изъ Ангеловъ: вѣмъ бо, яко Іисуса распятаго ищите; нѣтъ здѣ: воста, прїидите, видите мѣсто, идѣже лежа Господь. И скоро шедше рцѣте ученикомъ Его, яко воста отъ мертвыхъ, и Онъ встрѣтитъ (предваритъ) васъ въ Галилеи, тамъ Его увидите*“. И, изшедши скоро отъ гроба, со страхомъ и радостію святыя жены Мирносицы, поспѣшили возвѣститъ ученикамъ Господа о Его Воскресеніи, прежде всего Петру и Іоанну, а затѣмъ и остальнымъ. И когда онѣ бѣжали, благоволилъ явиться имъ и обрадовать ихъ самъ Господь, говоря: *радуйтесь! Онъ же (въ неописанномъ восторгѣ) приступльше ястеся за нозѣ Его, и поклонились Ему. Іисусъ же сказалъ имъ: „не бойтесь, идите, возвѣстите братіи моей (ученикамъ), да идутъ въ Галилею, и тамъ Меня*

увидятъ“. Одиннадцать учениковъ радостно пошли въ Галилею, въ мѣсто, которое указалъ Господь; тамъ они увидѣли Его и поклонились Ему. Въ это-то время Иисусъ сказалъ имъ: „дадеса Мнѣ всяка власть на небеси и на земли. Идите научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа,—и се Азъ съ вами во вся дни до скончанія вѣка“...

Кромѣ этихъ богоявленій, въ первый день Пресвѣтлаго Воскресенія своего Господь Иисусъ Христосъ являлся нѣкоторымъ лицамъ отдѣльно: Маріи Магдалинѣ, апостоламъ Петру, Іоанну и Іакову, брату Своему по плоти, бывшему затѣмъ первымъ епископомъ Іерусалимскимъ, двумъ ученикамъ, шедшимъ въ Эммаусъ, десяти апостоламъ и другимъ бывшимъ съ ними учениками въ Іерусалимѣ, кромѣ ап. Θомы. Но священное предавіе говоритъ и Церковь вѣруетъ, что прежде всѣхъ Своимъ явленіемъ по воскресеніи Онъ обрадовалъ Пречистую Матерь свою: *Ангелъ вопіяше Благодатный: чистая Дѣво—радуйся, и пакы реку радуйся! Твой Сынъ воскресе тридневенъ отъ гроба и мертвѣя воздвижувый, людіе веселитесь!..* А въ продолженіе сорока дней—отъ воскресенія своего до вознесенія на небо Иисусъ Христосъ являлся Матери Своей и ученикамъ нѣсколько разъ: въ Іерусалимѣ во второй воскресный день, когда Онъ далъ ап. Θомѣ осязать свои язвы гвоздинныя, на морѣ Тиверіадскомъ, когда Онъ возстановилъ ап. Петра въ апостольскомъ достоинствѣ, на горѣ Галилейской; когда Онъ явился болѣе пятистамъ вѣрующимъ въ Него. При своихъ появленіяхъ Онъ бесѣдовалъ съ учениками о тайнахъ Царствія Божія, т. е. о распространеніи между людьми Его евангельскаго ученія и утвержденія на землѣ Церкви Христовой. Для этого великаго дѣла и для дарованія спасительной силы благодати Божіей въ Церкви, Онъ объ-

началь по вознесеніи своемъ на небо ниспослать отъ Бога Отца (и ниспослалъ) Святаго Духа.

Такъ, возлюбленные братіе, совершилось преславное событіе — Воскресеніе Господа нашего Иисуса Христа изъ мертвыхъ!

Вождельныя для насъ слова, исходящія съ нашихъ устъ въ нынѣшній всерадостный день и во всѣ дни Св. Пасхи: *Христосъ воскресъ и воистину воскресъ*, воспріяты съ устъ свѣтоноснаго Ангела, сидѣвшаго у гроба Спасителя и возвѣстившаго объ Его воскресеніи святымъ женамъ Муроносицамъ и святымъ Апостоламъ, бывшимъ непосредственными свидѣтелями Его воскресенія. Первый произнесъ радостную вѣсть — *Христосъ Воскресе* — свѣтоносный Ангелъ и первые непосредственные свидѣтели увѣрительно дали утѣшительный и радостный отвѣтъ *воистину воскресъ Христосъ* — святая жены Муроносицы и св. Апостолы. Съ того времени въ христіанской Церкви *эти четыре слова* стали радостнымъ привѣтствіемъ въ устахъ и сердцахъ вѣрующихъ христіанъ съ великимъ и пресвѣтлымъ праздникомъ Воскресенія Христова. Такъ будетъ до скончанія вѣка!

Вся сила этого привѣтствія и все значеніе этихъ четырехъ словъ заключается въ томъ, что Господь Иисусъ Христосъ — Спаситель нашъ своимъ воскресеніемъ запечатлѣлъ и утвердилъ Свое евангельское ученіе и Свое спасительное дѣло, показавъ во всей силѣ оное и Свое Божество: *Если бы Христосъ не возсталъ отъ мертвыхъ, то суетна была бы наша вѣра, тщетно и наше оправданіе. Но Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ... Нынѣ вся исполнишася свѣта, небо и земля и преисподняя: да празднуетъ вся тварь во-*

станіе Христова, въ Немъ же утверждается, поетъ нынѣ Св. Церковь. Нынѣ великій праздникъ на небѣ, на землѣ и въ преисподней!..

Нынѣ великое торжество на небѣ: Воскресеніе Твое Христе Спасе Ангелы поютъ на небеси. Св. Ангелы всегда принимали и принимаютъ милосердное участіе въ судьбѣ рода человѣческаго. И въ дѣлѣ спасенія людей они исполняли и исполняютъ многоразличныя порученія Божіи. Нынѣ, въ пресвѣтлый день Воскресенія Христова, въ день побѣды Спасителя надъ смертію, адомъ и діаволомъ, они радуются, торжествуютъ и прославляютъ Воскресеніе Христова своею небесною радостію, выражая сочувствіе и сорадованіе торжеству на землѣ людей.

Нынѣ всерадостное торжество на землѣ: все дѣло спасенія Іисусомъ Христомъ совершено на землѣ и для жителей земли—для людей. Здѣсь на землѣ по преимуществу и должно быть празднованіе завершенія спасенія нашего—побѣдоноснаго Воскресенія Христова: Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, своею смертію нашу вѣчную смерть уничтожилъ и всѣмъ умирающимъ—людямъ—открылъ путь въ Царство небесное, къ вѣчной жизни.

Нынѣ побѣда въ преисподней: тамъ Спаситель расторгъ узы ада, побѣдилъ діавола, вывелъ оттуда всѣхъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ и переселилъ ихъ въ рай. Послѣ воскресенія Христова уже никто да не убоится смерти, свободы бо насъ Спасова смерть. Воскресе Христосъ, и падоша демоны; воскресе Христосъ, и радуются Ангелы; воскресе Христосъ, и жизнь торжествуетъ. Никто да не плачетъ о прегрѣшеніяхъ: воскресе Христосъ, и всѣмъ отъ гроба Христова возсіяло прощеніе. Кто благочестивъ и боголюбивъ, да насладится

свѣтлаго и добраго торжества Воскресенія Христова. Видите вси въ радость воскресшаго Господа. Воскресенія день и просвѣтимся торжествомъ; рцемъ, братіе, другъ другу: Христосъ воскресъ, воистину воскресъ! другъ друга обьемъ и ненавидящимъ насъ простимъ ея воскресеніемъ и такъ возопіимъ:

Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смерти поправъ и сущимъ во гробѣхъ животъ даровавъ. Аминь.

С Л О В О

въ праздникъ Благовѣщенія Божіей Матери (25 марта).

(О ПРЕДАННОСТИ ВЪ ВОЛЮ БОЖІЮ).

„Се раба Господни; буди мнѣ по глаголу твоему“ (Лук. 1, 38).

Въ этихъ словахъ Пресвятой Матери Божіей, сказанныхъ Ею архангелу Гавріилу, слышится Ея безпримѣрное смиреніе и беззавѣтная преданность волѣ Божіей. Преданіе говоритъ, что въ минуту появленія предъ Нею Архангела Она читала Слово Божіе и остановилась на извѣстномъ пророчествѣ Исаи: *„Се Дѣва во чревь приметъ, и родитъ Сына, и нарекутъ имя Ему Еммануилъ“* (VII, 14). Ея мысль и сердце были благоговѣйно устремлены къ личности этой дивной и блаженной Дѣвы. Привѣтственныя слова Архангела—*„Радуйся, благодатная, Господь съ Тобою“*—имѣли, очевидно, прямое отношеніе къ тому, чѣмъ запята была Ея душа и внезапно намекали Ей, что Она Сама и есть та избранная отъ всего рода человѣческаго Дѣва, Которой въ предвѣчномъ Совѣтѣ Божіемъ назначено быть Матерію Господа. Смутилась кротчайшая и смиреннѣйшая Дѣва Марія, мысленно отрицая отъ себя эту недосыгаемую честь и величіе,—и лишь только послѣ того, какъ Небесный Посланникъ объяснилъ Ей, какъ все это будетъ,—Она всецѣло покорилась волѣ Божіей, сказавъ: *„Се раба Господня, буди мнѣ по глаголу твоему“*.

Такую же всецѣлую покорность волѣ Божіей, соединенную съ глубочайшимъ смиреніемъ и кротостію, мы видимъ у Матери Божіей и въ теченіе всей Ея земной жизни. Ей—чистѣйшей и святѣйшей изъ всѣхъ людей—суждено было испы-

тадь на землѣ тяжелыя, мучительныя скорби, предсказанныя Богопримцемъ Симеономъ въ словахъ: „Тебѣ же самой душу пройдетъ оружіе“ (Лук. 2, 35). И это предсказаніе постепенно сбывалось. Восхищаясь словами и дѣлами своего Божественнаго Сына, Она въ то же время не могла не замѣчать зависти и враждебности въ отношеніи къ Нему книжниковъ и фарисеевъ,—зависти, и враждебности, которыя перешли потомъ въ открытую и страшную ненависть и злобу. Въ душѣ Пресвятой Богоматери должны были появиться мучительныя тревоги и опасенія за Его участь. Эти тревоги и опасенія оправдались и на дѣлѣ, когда Христосъ Господь, наконецъ, преданъ былъ книжникамъ и фарисеямъ, которые осудили Его на смерть и предали язычникамъ на поруганіе, біеніе и распятіе. Тогда для Пресвятой Матери Божіей наступило время самыхъ тяжелыхъ испытаній. Она своимъ материнскимъ сердцемъ должна была почувствовать и пережить всѣ хуленія и клеветы, излитыя на Божественнаго Страдальца безумной толпой. Ей довелось видѣть возлюбленнаго Сына распятымъ на крестѣ, посреди двоихъ разбойниковъ, стоять у подножія Его креста, быть свидѣтельницею Его крестныхъ страданій, и смерти. Ея сердце обливалось кровью, при видѣ своего Святѣйшаго Божественнаго Сына, измученнаго, изъязвленнаго, страдающаго, и умирающаго на крестѣ. Но всѣ эти страшныя душевныя мученія Она переносила кротко, съ полною преданностію волѣ Божіей.

Бд, сл! Примѣръ Пресвятой Дѣвы Маріи да послужитъ для насъ великимъ урокомъ—во всѣхъ обстоятельствахъ жизни—радостныхъ и скорбныхъ—предавать себя всецѣло въ волю Божію.

Преданность волѣ Божіей должна быть присуща намъ въ счастливыхъ обстоятельствахъ жизни. При житейскихъ успѣхахъ и удачахъ мы обыкновенно предаемся самопревозношенію, самовосхваленію. Всѣ успѣхи своихъ дѣлъ мы любимъ приписывать собственному уму, опытности, знацію жизни и людей. Мы увѣряемъ себя, что все зависѣло отъ нашего благо-разумія, нашей предусмотрительности, нашихъ высокихъ дарованій. Мы желаемъ, чтобы и всѣ люди такъ думали о

насъ, высоко цѣнили наши дарованія, превозносили насъ. Но такого рода грѣховныя чувства и расположенія, бр., должны быть чужды душѣ христіанина. Вѣруя, что жизнь наша, во всѣхъ подробностяхъ, зависитъ отъ воли Божіей, мы наши житейскіе успѣхи и удачи должны приписывать главнымъ образомъ милости Божіей, вліянію всеблагой Промыслительной Силы Божіей. А потому въ счастливыхъ обстоятельствахъ жизни мы прежде всего должны благодарить Господа Бога, исполняющаго во благихъ наши желанія. Но благодаря Бога за Его милости и щедроты, мы не должны считать себя заслуживающими ихъ. Ибо намъ неизвѣстно,—можетъ быть Господь даруетъ намъ земное благосостояніе единственно по Своей благости для того, чтобы расположить насъ къ раскаянію и исправленію жизни, или—можетъ-быть— оно, при скудости нашей вѣры и добродѣтелей, есть окончательное воздаяніе за малое добро, содѣланное нами и несоставляющее заслуги, достойной вѣчнаго блаженства, какъ указано въ притчѣ о богачѣ и бѣдномъ Лазарѣ (Лук: 16, 25). "Посему, пользуясь благосостояніемъ, мы должны всегда заботиться о своемъ раскаяніи и исправленіи жизни, о своемъ духовномъ преуспѣянніи, всецѣло предавая себя, свою жизнь и дѣла, во святую волю Божію.

"Еще болѣе необходима наша покорность волѣ Божіей въ тяжелыхъ, скорбныхъ обстоятельствахъ жизни. По примѣру Господа нашего Иисуса Христа, претерпѣвшаго на землѣ крестныя страданія и смерть, и намъ, вѣрующимъ въ Него, приходится испытывать на землѣ разнаго рода нужды, бѣды, страданія. Одни много терпятъ отъ злыхъ людей, которые по своему жестокосердію обижаютъ невинныхъ, причиняютъ имъ ничѣмъ незаслуженныя скорби и огорченія. Другіе мучаются отъ тѣнущей бѣдности или отъ разнаго рода неудачъ по службѣ, дѣлающихъ жизнь полною нуждою и лишеній. Третьи страдаютъ, видя страшныя несчастія собственныхъ дѣтей, которымъ они помочь ничѣмъ не могутъ. Инымъ приходится переносить тяжелыя болѣзни, внезапныя несчастія, обидѣніе, смерть близкихъ и дорогихъ лицъ и т. д. Тяжело тогда бываетъ на душѣ: умъ—въ смущеніи; сердце—полно унынія,

безнадежія; не радуется болѣе свѣтъ Божій; самая жизнь обращается въ бремя; нѣтъ охоты ни къ какой дѣятельности. Все это приходится испытывать многимъ страждущимъ отъ разныхъ бѣдъ и несчастій. Человѣкъ въ такихъ случаяхъ бываетъ склоненъ къ ропоту на свою судьбу, жалобамъ на людей и даже на Бога, пославшаго ему ту, а не иную участь.

Но не такія мысли и чувства, бр., должны господствовать въ душѣ христіанина. Нашъ христіанскій долгъ требуетъ, чтобы и въ несчастныхъ обстоятельствахъ жизни мы имѣли полную, беззавѣтную преданность Господу Богу, и въ этой преданности искали себѣ всецѣлаго успокоенія. Въ самомъ дѣлѣ, Слово Божіе учитъ, что *„Богъ есть любовь“*, что *„отъ Него исходятъ только всякое даяніе благо и всякій даръ совершенъ“*. (1 Іоан. 4, 8; Іак. 1. 17). Намъ изъ ученія Слова Божія извѣстно, что Господь, непостижимыми судьбами Своего Божественнаго Промысла, не нарушая свободы человѣка, направляетъ всѣхъ людей къ самому высшему благу—вѣчному спасенію, до безконечности разнообразя путь жизни каждаго человѣка (Псал. 33, 11; притч. 20, 24; псал. 24, 10). (1 Тимоѳ. 2, 4). Намъ извѣстно, что Господь *„любитъ праведныхъ“*, что Онъ *„хранитъ ихъ, какъ зеницу ока“*, содѣйствуетъ имъ *„во всемъ ко блигу“*, производитъ *„въ нихъ доброе хотѣніе и дѣйствіе по своему благоволенію“* (Псал. 90; 145, 8; 16, 8; Римл. 8, 28; Филип. 2, 13). Что же касается житейскихъ бѣдъ и скорбей, то онѣ, вслѣдствіе грѣхопаденія людей и господства въ нихъ грѣха и страстей, стали неизбѣжнымъ и ничѣмъ неотвратимымъ явленіемъ земной жизни. И Господь попускаетъ ихъ людямъ, по требованію своей правды и любви, употребляя какъ приготовительное и воспитательное средство для религіозно-нравственнаго образованія людей, для преуспѣванія ихъ въ религіозно-нравственной жизни. Онъ употребляетъ ихъ—или для наказанія и вразумленія насъ многогрѣшныхъ, или для болѣе полнаго очищенія праведныхъ отъ всякихъ нечистотъ грѣховныхъ, или для ихъ испытанія и утвержденія въ добродѣтели и святости. При томъ Господь попускаетъ эти испытанія каждому по его силамъ и въ дѣлѣ перепесенія ихъ оказываетъ свою благодатную помощь (1 Кор. 10, 13). По-

сему, при житейскихъ бѣдахъ и напастяхъ, какъ бы онѣ велики ни были, не должно быть у насъ мѣста ропоту и жалобамъ на свою участь. Мы благодушно, съ полною преданностію всеблагой и всесвятой волѣ Вожіей, должны нести этотъ крестъ въ слѣдъ за Божественнымъ Крестоносцемъ и при Его всеильной помощи. Если Онъ—Господь нашъ Іисусъ Христосъ, живя на землѣ, пилъ горькую чашу страданій и смерти, если святѣйшая изъ людей Матерь Божія терпѣла здѣсь страшныя сердечныя муки; то намъ-ли—грѣшнымъ—сѣтовать и жаловаться на тѣ бѣды и скорби, которыя Провидѣнію Божію угодно попустить намъ для нашего наказанія или исправленія?! Мы съ радостію должны быть готовы сносить ихъ, лишь бы Господь не лишилъ насъ Своей милости и благоволенія, простилъ намъ согрѣшенія наши и велъ насъ, ими же вѣдаетъ судьбами, къ нашему спасенію. Переноса всякаго рода житейскія бѣды и многообразныя нужды съ полною надеждою на Милосердаго Бога и емиренною преданностію Его волѣ, мы должны располагать себя ими къ раскаянію во грѣхахъ и самоисправленію, привыкать черезъ нихъ къ терпѣнію, кротости, выносливости, незлобію, любви ко врагамъ и прочимъ въ высшей степени важнымъ добродѣтелямъ христіанскимъ.

Въ часы же глубокой скорби и унынія будемъ припадать ко Господу и Пресвятой Богоматери съ усердною молитвою о нашемъ подкрѣпленіи и помилованіи. Согласно наставленію Слова Божія—*„Возверзимъ на Господа печаль свою“*, *„Предадимъ Ему—Создателю—души наши, дѣлая добро“*, *„Возложимъ на Него всѣ заботы наши“*, и Онъ—Всеблагій—*„насъ препитаетъ“*, явитъ намъ Свою благодатную помощь и даруетъ намъ все, для временной и вѣчной жизни потребное (Псал. 54, 23; 1 Петр. 4, 19; 5, 7). Аминь.

Протоіерей Василій Добровольскій.

Воззрѣніа ветхозавѣтныхъ пророковъ на пастырство и
ихъ оцѣнка недостатковъ современнаго имъ пастырскаго
(левитскаго) служенія.

*Имамы извѣстнѣйшее пророческое
слово, емуже внимающе, якоже свѣтлы,
сіяюще въ темнѣхъ мѣстѣхъ, добръ тво-
рите (2 Петр. 1, 19).*

(Окончаніе *).

Подробный разборъ прещеній на недостойныхъ левитскихъ священниковъ заключающихся въ книгѣ Малахіи, раскрываетъ вліяніе на этихъ пастырей духа времени: источникомъ преступнаго поведенія поражаемыхъ прещеніями Малахіи священниковъ было зараженіе ихъ религіознымъ равнодушіемъ и скептицизмомъ эпохи, воспринятіе ими нравственныхъ недуговъ паствы. Въ сношеніяхъ съ паствой, пастырь долженъ уподобляться врачу, который, посѣщая больного, ему глубоко сочувствуетъ, принимаетъ всѣ старанія, чтобы помочь ему, но въ интересѣ самого больного тщательно избѣгаетъ зараженія его болѣзнью. Пастырь уподобляется кормчему судна, который долженъ избѣгать малодушнаго страха толпы путешественниковъ въ минуту бури, но и не раздѣлять ея безконечности во время тихаго плаванія: корабль, спасшійся изъ волнъ разъяреннаго моря, можетъ потерпѣть крушеніе отъ едва замѣтнаго подводнаго рифа. Если бдительностью кормчаго должно руководить сознаніе важности занимаемаго имъ поста, то не тѣмъ ли болѣе основаній у пастыря быть бдительнымъ? Его нравственное усыпленіе не только грозитъ гибелью его душѣ, но и многимъ ввѣреннымъ ему душамъ: если пастыри, свѣтъ въ

*) См. журналъ «Вѣра и Разумъ» за 1908 г., № 5.

народѣ, обращаются въ тьму, то какова же тьма въ народѣ! (отъ Матѳея ср. 6, 23). Источникъ для освѣженія благочестія и укрѣпленія въ нравственности указанъ пророкомъ: это сознание пастыремъ высоты его служенія и значенія обѣтовъ, данныхъ Богу. Въ минуту внутренней борьбы между сознаниемъ долга и искушеніями міра у него есть надежное врачество въ пророческихъ книгахъ, къ которымъ нужно обращаться какъ къ свѣтильнику, сіяющему въ темномъ мѣстѣ (2 Петра 1, 19).

Прещенія Малахія падали на пастырей главнымъ образомъ за ихъ небрежность въ отправленіи Богослуженія и лишь нѣсколько касались другихъ сторонъ ихъ дѣятельности, менѣе освѣщенныхъ Пятюкнижіемъ. Въ 34 главѣ Іезекіиля мы встрѣчаемся съ прещеніями, возникшими исключительно на почвѣ отступленій пастырей отъ обязанности нравственно вліять на народъ чрезъ ученіе и жизнь: пастыри не были бдительны и не врачевали духовныхъ ранъ въ паствѣ (Іезек. 34, 1—6).

Въ указанной главѣ книги Іезекіиля (1—17) мы встрѣчаемъ точное изображеніе тѣхъ обязанностей пастыря, какія составляютъ сферу его просвѣтительной дѣятельности, каковую священный писатель уподобляетъ уходу пастуха за стадомъ. Эта дѣятельность заключается въ укрѣпленіи слабыхъ овецъ, въ надсмотрѣ за больными, въ перевязкѣ раненыхъ, въ заботѣ о возвращеніи угнанныхъ и потерянныхъ, однако нравственное основаніе такого отношенія пасущаго къ пасомымъ у пророка какъ бы остается подъ завѣсой, которую приподнялъ воплотившійся Господь въ словахъ: Я есмь Пастырь добрый... Я пришелъ для того, чтобы имѣли жизнь и имѣли съ избыткомъ... Я жизнь Мою полагаю за овецъ (отъ Іоанна 10, 10—11—15). Итакъ самоотреченіе пастыря, умерщвленіе себялюбія—источникъ его плодотворной дѣятельности,—пока пастырь погруженъ въ личную жизнь, овцамъ грозитъ опасность расхищенія, а ему самому искушеніе пасти себя самого (Іез. 34, 2). Съ обыденной точки зрѣнія вниманіе пастыря должно направляться на сохраненіе сильныхъ, здоровыхъ овецъ, слабыя, уродливыя, больныя животныя мало его интересуютъ: ихъ гибель не отражается на благосостояніи стада, котораго раз-

множеніе прямо зависитъ отъ количества нормальныхъ особей, иное должно имѣть мѣсто въ области нравственной: здѣсь презрѣніе къ слабому и больному неизвинительно, такъ какъ дѣло идетъ не о временной гибели слабого существа, но о вѣчныхъ мукахъ бессмертной души. Врожденная слабость, болѣзни приближаютъ лишь къ смерти тѣлесной, въ сущности неизбѣжной развязкѣ, такъ какъ она—путь всей земли (Иисуса Навина 23, 14); слабость же духовнаго начала, пороки и грѣхи влекутъ за собой то, чего и ветхозавѣтный человѣкъ могъ избѣжать чрезъ вѣру въ грядущаго Икупителя: „Ты не оставишь души Моей во адѣ, восклицалъ псалмопѣвецъ, уповая на Того, Кто сказалъ о Себѣ: Я даю имъ жизнь вѣчную и не погибнуть во вѣкъ (Іоан. 10, 28)“.

По обличительной рѣчи Іезекіиля можно намѣтить главные черты миссіонерской дѣятельности пастыря. 1) Въ различеніи пророкомъ въ стадѣ слабыхъ, больныхъ, пораненныхъ, блуждающихъ дана мысль о необходимости для пастыря хорошо знать свою паству въ ея духовной жизни, поскольку она открывается постороннему наблюдателю. 2) Открытія несовершенства нравственной жизни пасомыхъ должны находить въ пастырѣ заботливаго и умѣлаго врача: одного ухода требуютъ слабыя, другого раненыя, иного заблуждающіяся овцы. Если настоящій врачъ долженъ при пользованіи больного сообразоваться съ его индивидуальностью, то тѣмъ болѣе съ нею долженъ осторожно обращаться врачъ духовный, ибо духовныя раны несравненно чувствительнѣе къ неосторожному прикосновенію: одно неумѣстное слово можетъ ожесточить человѣка и закрыть двери его сердца для пастырскихъ внушеній. 3) Пастырь долженъ быть на стражѣ своего стада, чтобы овцы не разсѣялись, по своему произволу или будучи привлечены лжепастырями. О невнимательномъ пастырѣ Августинъ говоритъ: пастырь небрежный предъ Богомъ то же, что отсутствующій (*pastor negligens praesens coram Deo quasi absens sest*). Мѣста, по какимъ разсѣялись овцы словеснаго стада, указываютъ на ихъ душевное состояніе: онѣ бродятъ по лицу земли, т. е. ищутъ только земной выгоды, временнаго наслажденія чувственными благами, бродятъ и по горамъ и холмамъ,

т. е. питаютъ гордость и тщеславіе; подобные чувственники и гордецы должны быть приведены пастыремъ на добрую пажить Слова Божія, въ которомъ много совѣтовъ противъ этихъ нравственныхъ недуговъ. 4) Въ виду важности и отвѣтственности служенія пастыря отъ него требуется терпѣніе, настойчивость въ уходѣ за словесными овцами: нужно развѣдывать объ овцахъ, неумышленно искать заблудшихъ (Іез. 34, 6), какъ объ этомъ замѣчаетъ Августинъ: „Буду снова призывать заблуждающуюся овцу, отыскивать потерянную, желаетъ ли она этого или нѣтъ, буду такъ дѣйствовать. Если меня въ поискахъ поранитъ терновникъ въ лѣсу, все же буду проходить по ущельямъ и узкимъ тропинкамъ, осмотрю всѣ недоступныя на видъ мѣста“. Августинъ заключаетъ свою рѣчь обращеніемъ ко овцѣ своего словеснаго стада, съ словами: „хотя ты и упрямисься мнѣ повиноваться, не допущу тебя до гибели, истощу всѣ средства, находящіяся въ моемъ распоряженіи (sermo 46). 5) Пасторъ долженъ избѣгать искушенія владычествовать надъ паствою, какъ говоритъ Апостоль въ посланіи къ Филиппійцамъ: всѣ ищутъ своего, а не того, что угодно Іисусу Христу (2, 21), здѣсь предостерегаются читатели посланія отъ погруженія въ сферу чувственности и узкаго себялюбія, поставляющаго выше всего свое „я“ и его матеріальное благополучіе. Сердце эгоиста бываетъ легко уязвимымъ для корысти и властолюбія, истинный же пастырь долженъ трудиться не для гнусной корысти и не ради господства надъ стадомъ, ему ввѣреннымъ, но для приобрѣтенія неувядающаго вѣнца славы (1 Петра 5, 2—5). Пастырь, по Августину, получаетъ отъ паствы содержаніе (sustentationem), но награду отъ Бога (mercedem); когда эта награда стоитъ у него на первомъ планѣ, уменьшается стремленіе, естественное у cadaго челоуѣка, къ удобствамъ житейской обстановки: мелочныя заботы выступаютъ со всей удручающей духъ силой лишь при ослабленіи душевной жизни, при истощеніи ея внутренняго родника, какъ звѣзды появляются на небосклонѣ только по наступленіи сумерокъ, будучи не примѣтными при солнечномъ сіяніи. Пастырь, проходя ангельское служеніе, однако плотяненъ, а потому нуждается въ матеріальномъ со-

держаніи, получаемомъ имъ отъ паствы; пріобрѣтеніе тако- ваго—не дань корыстолюбію, ибо и Апостолъ говоритъ: Кто, насадивъ виноградъ, не ѣстъ плодовъ его? Кто, пася стадо, не ѣстъ молока отъ стада? (1 Коринѳ. 9, 7). Итакъ пастырь, получая отъ пасомыхъ необходимое, долженъ чуждаться страсти къ наживѣ, не требовать отъ паствы вмѣсто молока самого мяса, вмѣсто остриженной шерсти самой кожи: такой благо- разумный пастырь не подражаетъ тѣмъ корыстолюбцамъ, на которыхъ направлены угрозы Божіи чрезъ пророка: Исторгну овецъ Моихъ изъ челюстей ихъ, и не будутъ онѣ пищей ихъ (Іез. 34, 4, 10).

Таково ученіе о пастырствѣ, какое можно извлечь изъ 34 (1—11) глава Іезекіиля. Центръ тяжести этого ученія ле- житъ въ сферѣ наставнической дѣятельности пастыря, воспи- тывающаго пасомыхъ для вѣчности. Сознвая отвѣтственность пастырей—педагоговъ, мужи апостольскіе нерѣдко уподобляли ихъ стоглазымъ аргусамъ (баснословная птица), чтобы харак- теризовать ихъ бдительность въ надзорѣ за каждой овцой ихъ стада. По Кипріану, пастырь долженъ быть *totus mens, totus oculus*—весь вниманіе, весь зоркій глазъ, дабы, продолжаетъ Святой мужъ, ни одна изъ предоставленныхъ на свой произ- воль овецъ не сдѣлалась недостойной. Григорій Двоесловъ, указавъ на примѣръ Іакова, пасшаго съ тщаніемъ и въ томи- тельный жаръ дня и въ пронизывающій ночной холодъ овецъ Лавана и давшаго этому послѣднему право взыскивать съ него за каждую утраченную изъ нихъ, выводитъ отсюда заключеніе о необходимости сугубой ревности для пастыря о цѣлости и благосостояніи стада словесныхъ овецъ, ибо онъ работаетъ не за Лію или Рахиль, но для пріобрѣтенія блаженной вѣчности. Очи народа—пастыри: когда глаза закрыты: человѣкъ легко впадаетъ въ сонъ, такъ, при отсутствіи дѣятельности у па- стырей, вся ихъ паства неизбѣжно засыпаетъ; пробужденіе пастырей оканчиваетъ нравственную летаргію въ народѣ. Златоустъ въ книгѣ о священствѣ также говоритъ, что за нравственную дремоту пасомыхъ отвѣтственъ пастырь. Пре- щенія Іезекіиля имѣютъ своимъ основаніемъ указанное требо- ваніе бдительности и попечительности со стороны пастыря;

если ясныхъ предписаній въ этой сферѣ мы не находимъ въ Пятикнижїи, то это еще не доказываетъ второстепеннаго значенія подобной дѣятельности въ Ветхозавѣтныя времена. Давая священникамъ точныя предписанія касательно охраненія израильтянъ отъ болѣзней (хотя бы приказы), законъ не пренебрегалъ и нравственной гигиеной и ставилъ санитарями въ народѣ тѣхъ же священниковъ, которыхъ призывалъ къ руководству членами теократическаго общества въ случаяхъ ихъ недоумѣнїя. Къ соблюденію закона во всемъ его объемѣ, а не одной его литургической части, т. е. устанавливавшей порядокъ жертвоприношеній, призывало священниковъ и левитовъ Второзаконїе (31, 9); въдствие чего они должны были слѣдить за жизнью народа, удерживая его отъ нарушенія Божїихъ повелѣній и наоборотъ согласуя его дѣйствїя съ ними, однимъ словомъ священники должны были быть проводниками Бога и законовѣднїя въ темную народную массу, ея совѣтниками въ религиозно-нравственныхъ вопросахъ и судьями въ подобнаго же рода проступкахъ (Второз. 17, 10—11). Правда, глубочайшаго основанія для подобной пастырской дѣятельности писанїя Ветхаго завѣта не открывали священникамъ, по крайней мѣрѣ съ такою ясностью, какъ Апостоль, говорящїй о наставникахъ духовныхъ: они неусыпно пекутся о душахъ, какъ обязанные дать отчетъ (къ Евреямъ 13, 17), какъ собирающіе себѣ сокровище, доброе основаніе для будущаго, чтобы достигнуть вѣчной жизни (1 къ Тимоѣею 6, 19). Однако основною мотивъ для ревности въ служенїи Богу данъ и ветхозавѣтному человѣку: Будьте святы, ибо Я святъ, Господь Богъ вашъ (Левитъ, 19, 2),—вотъ основаніе для борьбы съ себялюбїемъ и его мелкими интересами, съ чувственностью и ея низкими пожеланїями, чтобы не пасти самихъ себя, не утучняться мясомъ ввѣренныхъ овецъ, пренебрегая заботой о слабыхъ между ними.

Прещенїя, аналогичныя заключающимися въ 34 главѣ Іезекїїля, находимъ и у Іеремїи: „Горе пастырямъ, которые губятъ и разгоняютъ овецъ паствы Моей, говоритъ Господь. Посему такъ говоритъ Господь Богъ Израилевъ къ пастырямъ, пасущимъ народъ Мой: вы разсѣяли овецъ Моихъ и разо-

гнали ихъ и не смотрѣли за ними; вотъ. Я накажу васъ за злыя дѣянiя ваши, говоритъ Господь (23, 1)“. Впрочемъ большинство новѣйшихъ толкователей относитъ это мѣсто къ свѣтской власти въ Иудеѣ, указывая на обличенiе пророкомъ царей въ предшествующей главѣ и на дальнѣйшее противоположенiе надостойныхъ пастырей Царю изъ дома Давидова, но Господь говорилъ, что царство Его не отъ мiра сего: оно не осуществляется, какъ грубо чувственная политическая форма жизни, но зиждется въ сердцахъ, вѣрующихъ во истину: Царствiе Божiе внутри васъ (Лука 17, 21). Изъ предыдущей рѣчи пророка о царяхъ изъ дома Иудина также не вытекаетъ необходимости предположенiя, что и дальнѣйшiя его облаченiя касаются тѣхъ же лицъ, ибо быстрый переходъ отъ одной группы мыслей къ другой, какъ бы, употребляя терминъ риторики, нѣкоторый лирической безпорядокъ—обычное явленiе въ текстѣ пророческихъ книгъ; къ тому же разбираемое мѣсто начинается собою новую главу, и мы, ни мало не насилуя его вербальнаго смысла, можемъ его примѣнять и къ священникамъ, хотя бы по сходству съ уже рассмотрѣннымъ мѣстомъ Лезекiиля. Мысль о необходимости учительства для пастыря мы находимъ еще у Осii: „Я хочу Боговѣдѣнiя болѣе нежели всесожженiй (6, 6)“. Въ приведенныхъ словахъ Господь открываетъ чрезъ пророка, что всѣ обрядовыя постановленiя отступаютъ на заднiй планъ предъ изученiемъ закона, какъ замѣчаетъ Иеронимъ: „напрасно по отсѣченiи головы (т. е. Боговѣдѣнiя) заботиться объ остальныхъ членахъ вѣры“, т. е. сохранять внѣшнiя формы религii. Но какъ могъ бы народъ имѣть познанiя о Богѣ и Его волѣ, если бы его не учили? Какъ призывать Того, въ Кого не увѣровали? Какъ вѣровать въ Того, о Комъ не слыхали? Какъ слышать безъ проповѣдующаго? (къ Римл. 10, 14). Однако по Исаи (28, 9—10) видно, что священники сами неохотно принимали обращенныя къ нимъ наставленiя въ законѣ. вмѣсто радости, каковую даруетъ человѣку познанiе воли Божiей, являющееся по библейскому выраженiю свѣтомъ для озаренiя всей его дѣятельности (Слово Твое свѣтильникъ ногѣ моей и свѣтъ стезѣ моей (пс. 118, 165)) священники, слыша пророческiя рѣчи, испытывали раз-

драженіе. Въмѣсто восторженнаго признанія псалмоповѣща: „На пути откровеній Твоихъ я радуюсь какъ во всякомъ богатствѣ. Откровеніе Твое—утѣшеніе мое“ (ис. 118, 14, 24), мы отъ нихъ слышимъ ропотъ недовольства: „кого хочетъ онъ учить вѣдѣнію, говорятъ они о пророкѣ, кого вразумлять проповѣдью? отнятыхъ отъ груднаго молока, отлученныхъ отъ сосцовъ? Ибо все заповѣдь на заповѣдь, правило на правило, тутъ немного, тамъ немного (Исаи 28, 9, 10)“. Могли ли священники при такомъ отношеніи къ духовному толкованію закона пророками выполнять свое назначеніе быть регуляторомъ нравственности въ народѣ, т. е. исполнять то назначеніе, на какое помимо Библии можно находить указаніе и у Иосифа Флавія (2 книга противъ Аціона). Священники того времени какъ бы уподоблялись новозавѣтнымъ николаитамъ и гностикамъ, стремившимся на основѣ отрицанія значимости заповѣдей (антиномизмъ) предаваться произволу страстей.

Прямымъ слѣдствіемъ разложенія духовной жизни въ средѣ священниковъ являлось ихъ наемническое отношеніе къ паствѣ: наемникъ не радитъ объ овцахъ (Іоан. 10, 13). Для наемника стоитъ на первомъ планѣ мзда за принятый имъ на себя трудъ. Не чувствуя сердечнаго расположенія къ своей дѣятельности, не имѣя нужнаго терпѣнія, всепрощающей любви, подобные пастыри-наемники всегда готовы злоупотреблять своею властью, обращать пасуцій жезлъ въ карающую палицу, удары которой падаютъ не только на буйныхъ разжирѣвшихъ овецъ (Іез. 34, 16), но и на слабыхъ и кроткихъ, требующихъ къ себѣ по болѣзненности вниманія и тщательнаго ухода (Зах. 11, 16): ножъ для срѣзанія травы въ пищу овцамъ въ этомъ случаѣ легко обращается въ орудіе для умерщвленія ихъ (Григорій Двоесловъ). Во 11-й главѣ книги Захаріи находится изображеніе такого пастыря наемника: „Я поставлю на этой землѣ пастуха, который о погибающихъ не позаботится, потерявшихся не будетъ искать и больныхъ не будетъ лечить, здоровыхъ не будетъ кормить, а мясо тучныхъ будетъ ѣсть и копыта ихъ оторветъ“ (11, 16). Нѣкоторые толкователи видятъ (напр. Іеронимъ) въ начертанномъ пророкомъ образѣ изображеніе Антихриста, другіе (Ѳеодоръ Мопсуэтскій).

изображеніе опредѣленныхъ лицъ, игравшихъ печальную роль въ послѣдующей исторіи Палестины: Антиоха Елифана, Ирода Великаго или первосвященниковъ, Язона и Менелая (см. Маккавейскія книги). Склоняясь къ мнѣнію авторитетнаго большинства, можно дѣйствительно усматривать въ пастухѣ 16 стиха Захаріи образъ Антихриста, такъ какъ его дѣятельность изображена въ чертахъ прямо противоположныхъ тѣмъ, какіе характеризуютъ добраго Евангельскаго Пастыря (Іоанна Х глава). Если Господь Себя именовалъ добрымъ Пастыремъ, то есть основаніе въ образѣ дѣйствія пастыря злого искать знаменій Антихриста. Для нашей темы не имѣетъ значенія рѣшеніе вопроса, кого изобразилъ Захарія какъ негоднаго пастуха: Антихриста или историческую личность въ ближайшемъ будущемъ его отечества,—прямое отношеніе къ нашей задачѣ имѣетъ указаніе пророкомъ на 2 главныхъ обязанности пастыря; заботу о стадѣ и самонаблюденіе; о первой обязанности мы уже говорили подробно, а потому обратимся ко второй.

„Мясо тучныхъ будетъ ѣсть и копыта ихъ оторветъ (11, 16)“,—здѣсь указывается пророкомъ на крайнюю чувственность пастыря (мясо *тучныхъ*), его ненасытимую алчность (не пренебрегаетъ и сухими конечностями овецъ, ѣсть и это безвкусное мясо до самыхъ копытъ). Нѣкоторые толкователи (Теодоръ Мопсуэтскій) относятъ слово, „ихъ“ не къ предшествующему „тучныхъ“, а къ начальному слову „овецъ“, каковое должно подразумѣваться у пророка, и даютъ мѣсту тотъ смыслъ, что пастырь, лишенный всякаго состраданія, подвергаетъ не однихъ тучныхъ, но вообще всѣхъ овецъ стада мучительной операціи отдѣленія копытъ, дабы стадо и безъ надзора не разбѣжалось. Итакъ пастырь—черствый эгоистъ, погруженный въ чувственность,—могъ ли таковой вліять на нравственность паствы въ добромъ направленіи?

„На высокую гору войди, благовѣствующій Сіонъ“ (Исаи 40, 9), по Григорію Двоеслову это означаетъ, что пастырь для успѣха своей дѣятельности долженъ возвыситься надъ массой своей добродѣтели. Тѣсную связь между плодотворностью учительства и жизнью пастыря устанавливаетъ и Августинъ въ книгѣ „de doctrina christiana“: соблюденіе запо-

вѣдѣй должно не только сопровождать касающіяся ихъ поученія пастыря, но и предварять таковыя: пастырь не столько учитъ словомъ, сколько примѣромъ своей жизни, въ нравственномъ отношеніи онъ долженъ столь же возвышаться надъ паствою, какъ избранный въ цари Саулъ превосходилъ ростомъ своихъ подданныхъ. Нравственное воздѣйствіе на пасомыхъ прежде всего коренится въ любви къ Богу и людямъ: человѣкъ инстинктивно отличаетъ сухое морализированіе отъ поученія, одушевленнаго горячей нелицемѣрной любовью къ Богу и ревностью объ Его славу, а равно и искреннимъ желаніемъ блага паствы, земнымъ дѣтямъ общаго небеснаго Отца. Въ нравственной области пастырь съ помощью благодати можетъ совершать подобное Евангельскому чуду умноженія хлѣбовъ: изъ стремленія его къ чистотѣ жизни, можетъ быть, и не всегда торжествующаго надъ живущимъ въ человѣкѣ грѣхомъ, развивается въ немъ самомъ все большая нравственная стойкость, а равно и въ паствѣ укореняются добродѣтели: изъ зерна горюшна вѣры пастыря и согласованной съ нею жизни развивается благосѣбнолиственное древо религіозной жизни его пасомыхъ, подражающихъ доброму примѣру пастыря, ибо не можетъ укрыться отъ взоровъ градь, стоящій наверху горы (Мате. 5, 14). Иное ждетъ паству, во главѣ которой стоитъ эгоистъ, предпочитающій всему на свѣтѣ чувственныя блага: „Горе негодному пастуху, оставляющему стадо: мечъ на руку его и на правый глазъ его: рука его совершенно иссохнетъ и правый глазъ его совершенно потускнеть“ (Захаріи, 11, 17), т. е., какъ изъясняетъ Григорій Двоесловъ, Господь погубитъ злыя дѣла и замыслы преступныхъ пастырей. Если пастырь—око паствы, то ея жизнь столь же печальна и изобилуетъ несчастіями, какъ жизнь человѣка, утратившаго зрѣніе, въ случаѣ отверженія ея пастыря Богомъ: если око твое худо, то и все тѣло твое будетъ темно. (Мате. 6, 23); кто ходитъ ночью (а для слѣпца—вѣчная ночь), спотыкается, ибо нѣтъ свѣта съ нимъ (Іоан. 11, 10).

Если таково значеніе пастыря, говорятъ нѣкоторые толкователи, то какъ же уравниваетъ Писаніе въ отвѣтственности пастыря и пасомыхъ: „что будетъ съ народомъ, то и со свя-

щенникомъ“ (Исаіа 24, 2; Осіа 4, 9)? Въ изъясненіе этого нужно сказать, что Писаніе имѣетъ въ виду не внѣшній актъ преступности, но вызвавшее его настроеніе, а оно могло быть одинаковымъ у пастырей и народа. Кромѣ того, судя по контексту, въ 2 указанныхъ мѣстахъ пророческихъ книгъ рѣчь идетъ совсѣмъ не объ отвѣтственности пастырей предъ Богомъ, а о слѣдствіяхъ ихъ порочности: Исаіа имѣетъ въ виду одинаковую внѣшнюю судьбу священниковъ и народа во время имѣвшихъ постигнуть Іудею завоевательныхъ вторженій язычниковъ, а Осіа—одинаковыя слѣдствія овладѣвшей священниками и народомъ чувственности; въ этомъ мѣстѣ прещенія на пастырей Осіа отъ лица Божія открываетъ пагубныя послѣдствія страстей, которыя не удовлетворяются обладаемымъ и становятся тѣмъ требовательнѣе, чѣмъ уступчивѣе по отношенію къ нимъ человѣкъ, какъ замѣчаетъ Іеронимъ, разъясня Осіа 4, 10: „страсть ненасытима и чѣмъ болѣе получаетъ удовлетворенія, тѣмъ алчнѣе становится; наоборотъ блаженны алчущіе и жаждущіе правды, ибо они насытятся. Какъ правда насыщаетъ, такъ беззаконіе оставляетъ чрево питающихся имъ пустымъ. Въ сравненіи паденія пастырей съ уничтоженіемъ дорогого сосула (Іереміа 25, 34) дана ясно мысль объ особомъ значеніи ихъ служенія

Мы уже выяснили на основаніи пророческихъ книгъ отраженіе настроенія порочныхъ священниковъ и на ихъ общественной дѣятельности, теперь сосредоточимъ все вниманіе на частной жизни пастырей, насколько возможно ее себѣ представить, пользуясь разбросанными въ тѣхъ же прещеніяхъ отдѣльными чертами. Даже до изслѣдованія относящихся сюда мѣстъ пророческихъ книгъ можно непогрѣшительно высказать а ргіогі предположеніе, что и въ этой сферѣ своей жизни пастыри не стояли высоко. Чистота нравовъ, одухотвореніе всего склада жизни—всецѣло плодъ возвышеннаго настроенія: душа, увлеченная искренними порывами къ Богу, къ истинѣ, добру и чистой красотѣ какъ бы становится нечувствительной къ искушеніямъ низменныхъ страстей, легко покоряющимъ себѣ чувственно настроеннаго человѣка. Художникъ во время своей творческой дѣятельности безстрастно смотритъ на свою обнажен-

ную коную натурщицу, знаменитый Галилей за работой забывалъ о подкрѣпленіи себя пищей; если такъ дѣйствуетъ вдохновеніе на людей искусства и науки, то не тѣмъ ли болѣе должно вліять чистое религіозное чувство на жизнь призванныхъ къ служенію Богу: здѣсь къ обыкновенному психическому воздѣйствію идеала красоты и истины присоединяется непостижимое благодатное дѣйствованіе Божества, немощная врачующее и скудная восполняющее. Съ измельчаніемъ духовной жизни порабощеніе священниковъ чувственности являлось неизбѣжнымъ: священникъ и пророкъ спотыкаются отъ крѣпкихъ напитковъ, побѣждены виномъ, обезумѣли отъ сикеры...

У пророка Осія, жившаго во время правленія Іеровоама II въ Израильскомъ царствѣ, находится много чертъ, касающихся частной жизни священниковъ; но прежде ихъ разсмотрѣнія нужно рѣшить вопросъ, противъ какихъ именно пастырей направлено пророкомъ обличеніе. Если Осія имѣлъ въ виду священниковъ въ Израильскомъ царствѣ, то были ли они на самомъ дѣлѣ служителями Іеговы? Мы знаемъ, что по отпаденіи Израіля отъ Іуды, для обезпеченія первымъ за собой политической независимости, былъ введенъ культъ тельцовъ въ Данъ и Веѣилъ. Іеровоамъ I набралъ священниковъ не изъ колѣна Левіина, вѣроятно, не сочувствовавшего религіозному расколу, но изъ всего народа: и поставилъ священниковъ, которые не были изъ сыновъ Левіиныхъ (3 Царств. 12, 31); такъ по самому своему избранію священники Израильскаго царства были лицами, вошедшими во дворъ овчій не чрезъ дверь, но перелѣзшими индѣ (Іоан. 10, 1). При противозаконности своего избранія были ли по крайней мѣрѣ эти священники чтилителями Іеговы? Культъ тельцовъ несомнѣнно стоялъ въ близкомъ отношеніи къ поклоненію Іеговъ въ Іерусалимѣ: вылитые у подошвы Синая тельцы, были названы богами, выведшими народъ изъ Египта, т. е. они изображали Іегову; то же имѣло мѣсто и въ Израильскомъ царствѣ. Іеровоамъ, вводя культъ тельцовъ, имѣлъ цѣлью замѣнить имъ духовное поклоненіе народа Іеговъ въ Іерусалимѣ; въ надписи Моавитскаго царя Мѣши отнятыя у израильтянъ въ Веѣилъ сосуды называются сосудами Іеговы (kelei Iehovah). При

Ахавъ съ началомъ чисто языческаго культа финикійскаго Ваала служители его назывались не священниками, но пророками и сказавъ Илія пророкамъ Вааловымъ (3 Царст. 18, 25, ср. 4 Царствъ 3, 13); къ тому же при допущеніи, что культъ тельцовъ былъ чисто языческимъ служеніемъ, страннымъ являлось бы замѣчаніе священнаго писателя, что Іеровоамъ взялъ священниковъ не изъ сыновъ Левіиныхъ; ибо для языческаго жречества происхожденіе отъ Левія лишено всякаго значенія. Подобно Осіи Амось также называетъ Веилльскихъ жрецовъ священниками: Амасія, священника Веилльскій, послалъ къ Іеровоаму, царю Израильскому сказать: „Амосъ производитъ возмущеніе“ (Амоса 7, 10). На основаніи сказаннаго мы можемъ и прещенія пророка Осіи относить къ израильскимъ лжепастырямъ, но возможно, что онъ имѣлъ здѣсь въ виду и пастырей Іерусалимскихъ, такъ какъ, предрекая гибель Израилю, пророкъ говорилъ, что и Іуда падетъ съ ними (Осіи 5, 5). „Я какъ левъ для Ефрема (т. е. для Израильскаго царства), глаголетъ Господь, и какъ скимень (молодой левъ) для дома Іудина (т. е. для Іудейскаго царства), Осіи 5, 11. Во всякомъ случаѣ дальнѣйшая рѣчь пророка въ 6 главѣ о Галаадѣ и Сихемѣ указываетъ на лжесвященниковъ Израильскихъ, какъ на лицъ, противъ которыхъ направлены пророкомъ обличенія. Частнѣйшему раскрытію недостойной жизни священниковъ Осія предпосылаетъ общее положеніе: „грѣхами народа кормятся они, и къ беззаконію его стремится душа ихъ“ (4, 8). Слово—грѣхъ, какимъ пользуется пророкъ, имѣетъ двойственный смыслъ: грѣхопаденія и жертвы за грѣхъ, отсюда смыслъ стиха таковъ: священники ѣдятъ предоставленныя имъ части жертвенныхъ животныхъ, приносимыхъ за грѣхи народомъ, и заражаются, какъ бы поглощаютъ самые грѣхи; иначе сказать грѣховность народа какъ бы прививается къ самому священству. Сначала небрежно относясь къ своимъ обязанностямъ наставниковъ (вы пасли самихъ себя, Іез. 34, 2), а потомъ слѣдуя внушеніямъ корыстолюбія (отъ малаго до большаго каждый изъ нихъ преданъ корысти (Іер. 6, 13), священники не обличали народа,—такъ, разрѣшая паствѣ недозволимое, они усыпили собственную совѣсть, загасили свѣтъ

внутренняго нравственнаго закона и, блуждая въ темнотѣ, пали (ср. Іер. 23, 11—12); ибо горе тому, кто жаждетъ неправедныхъ приобрѣтеній (Аввакума 2, 9). Григорій Двоесловъ въ толкованіи этого мѣсто замѣчаетъ: „что значитъ, что священники кормятся грѣхами народа, какъ не то, что они благосклонны къ грѣхопаденіямъ его, дабы не утратить временнаго дохода“. Августинъ говоритъ, что пастыри того времени были снисходительны къ богатымъ: „живите, какъ хотите, будьте на счетъ себя спокойны,—Господь никого не погубляетъ“. Къ такому толкованію даетъ особый поводъ мазоретскій текстъ въ его современномъ видѣ, гдѣ вмѣсто „душа ихъ“ читается „душа его“ „и къ беззаконію его стремится душа его“, т. е. священники уничтожаютъ грѣхи народа, очищаютъ его своими жертвоприношеніями, но, чуждаясь нравственнаго воздѣйствія на паству, они этимъ актомъ только умножали въ народѣ пороки: снисходительность пастырей влекла за собою деморализацію паствы, которой душа стремилась къ беззаконію.

Наказаніе, имѣвшее постигнуть этихъ священниковъ, открываетъ намъ ихъ нравственный недугъ: они впали въ крайнюю чувственность. Кириллъ Александрійскій и Теодоритъ однако разумѣютъ подъ чувственностію священниковъ духовное любодѣяніе, т. е. отпаденіе отъ завѣта Іеговы, такъ какъ извѣстно, что въ ветхомъ завѣтѣ отношенія между Израилемъ и Іеговой изображались какъ отношенія между мужемъ и женою, какъ брачное сожитіе. Однако въ современномъ мазоретскомъ текстѣ стоитъ глаголъ *paras*, что вынуждаетъ перевести: „не размножатся вмѣсто: не будутъ направлены“, а въ такомъ случаѣ стихъ скорѣй говоритъ о тѣлесномъ блудѣ, чѣмъ о духовномъ, т. е. уклоненіи отъ Іеговы. Съ тѣлеснымъ блудомъ дѣйствительно соединяется растрата какъ моральныхъ такъ и физическихъ силъ, преждевременная дряхлость. За прямой смыслъ разбираемаго мѣста помимо значенія глагола *paras* говоритъ примѣръ сыновей Ілія, спавшихъ съ женщинами, собиравшимися у скинии (1 Царствъ 2, 22), показывающій, что тѣлесный блудъ былъ не чуждъ и священникамъ въ иныя эпохи, кромѣ того при принятіи блуда въ значеніи расторженія союза съ Богомъ трудно толковать Осіи 4, 11:

блудъ, вино и напитки овладѣли сердцемъ ихъ (точнѣе поглотили разумъ ихъ),—при допущеніи, что блудъ у пророка означаетъ отпаденіе отъ Бога, страннымъ являлось бы сопоставленіе его съ виномъ и напитками. Намекъ на чувственный блудъ Израильскихъ жесвященниковъ можно находить у Осіи 14, 4: съ любодѣйцами приносите жертву, а невѣжественный народъ гибнетъ; по изъясненію самого Кирилла Александрійскаго любодѣйцы, упоминаемые пророкомъ, были безнравственными жрицами Вааль-Пегора, такъ называемыя *іераі γυναικες*, *іераі παρθένοι*, священныя дѣвы. Погруженію въ чувственный развратъ обычно сопутствуетъ и преступность, то же находимъ и по отношенію къ Израильскимъ жесвященникамъ: они убивали путниковъ на дорогѣ въ Сихемъ, а Галаадъ, левитскій городъ, представлявшій право убѣжища (*Ius asyli*) всѣмъ невольнымъ убійцамъ, сдѣлала запятнанымъ кровію (Осіи 6, 8—10). Можно думать, что жесвященники убивали въ Галаадѣ скрывавшихся въ немъ бѣглецовъ, искавшихъ убѣжища отъ мщенія родныхъ убитыхъ ими лицъ; что же касается до убійствъ, совершаемыхъ по дорогѣ въ Сихемъ, то Иеронимъ слышалъ отъ своего еврея наставника, что Веѣльскіе жесвященники убивали на этомъ пути людей, имѣвшихъ направиться отсюда въ Іерусалимъ на праздники, такъ сказать ренегатовъ отъ культа тельцовъ. Но нужно замѣтить, что LXX перевели разбираемое мѣсто о Галаадѣ словами *возмущающій извращающій воду* городъ, вмѣсто запятнанной кровью т. е. Θεοδορίτῃ, толкуя данное мѣсто по 70, придаетъ ему такой смыслъ: „Галаадскіе священники извращали чистое, какъ вода, Божественное ученіе“. Далѣе примѣчательно, что дорога въ Сихемъ, ставшая мѣстомъ кровавой расправы, должна была имѣть священное значеніе для каждаго члена теократическаго общества, тѣмъ болѣе для священника: въ Сихемѣ находилась могила Іосифа (Исуса Навина 24, 32), а подлѣ него возвышались Геваль и Гаризинъ, откуда Моисей изрекъ благословеніе исполнителямъ и проклятіе нарушителямъ закона; теперь съ вершины Гаризина, безмолвной свидетельницы проступковъ священниковъ, на нихъ падало Божіе проклятіе (Ис. Нав. 24, 26—27).

Печальное состояніе овецъ рисуютъ намъ пророческія преценія на недостойныхъ пастырей, но мрачныя тѣни, налегающія на картину внутренняго состоянія Богоизбраннаго народа, просвѣтляются отъ нѣкоторыхъ лучей свѣта, падающихъ изъ тѣхъ же преценій: „И соберу остатки стада изъ всѣхъ странъ, куда Я изгналъ ихъ, и возвращу ихъ во дворы ихъ, и будутъ плодиться и размножаться, и поставлю надъ ними пастырей, которые будутъ пасти ихъ, и онѣ уже не будутъ бояться и пугаться и не будутъ теряться, говоритъ Господь“ (Іереміи 23, 3—4). „Какъ пастухъ повѣряетъ стадо свое, такъ Я пересмотрю овецъ Моихъ и высвобожу ихъ изъ всѣхъ мѣстъ, въ которыя онѣ были разсѣяны въ день облачный и мрачный... буду пасти ихъ на хорошей пажити. Я буду пасти овецъ Моихъ и Я буду покоить ихъ, потерявшуюся отыщу и угнанную возвращу и пораненую перевяжу и больную укрѣплю... буду пасти ихъ по правдѣ“ (Іезекіиля 34, 11—17). Такъ Богъ, твердыня вѣчная (Исаіи 4, 26), предуказывалъ, поражая недостойныхъ пастырей своими преценіями, на имѣвшаго явиться добраго Пастыря, исполненнаго ревности, милосердія и состраданія, Единороднаго Сына Своего, Который въ своей первосвященнической молитвѣ ко Отцу говорилъ: тѣхъ, которыхъ Ты далъ Миѣ, Я сохранилъ, и никто изъ нихъ не погибъ, кромѣ сына погибели, да сбудетъ Писаніе (Іоан. 17, 12). По образу сего добраго Пастыря явилось много пастырей по сердцу Божію, пасущихъ съ знаніемъ и благоразуміемъ (Іерем. 15, 3). Хотя земля была осквернена подъ живущими на ней, ибо они преступили законы, измѣнили уставы, нарушили вѣчный завѣтъ (Исаіи 5, 24), однако нечестіе и пороки не отвратили отъ грѣшнаго человѣчества Всесвятого, могущаго красны, какъ пурпуръ, убѣлить какъ волну (Исаіи 1, 18): Богъ Свою любовь къ людямъ явилъ чрезъ то, что Христосъ умеръ за нихъ, когда они были грѣшниками (къ Римл. 5, 8), и собралъ блуждающихъ овецъ во единое стадо Пастыря и Блюстителя душъ (1 Петра 2, 25). Воплотившійся Сынъ Божій Своею жизнью и ученіемъ осуществилъ идеаль пастырскаго служенія, начертанный предуказывавшими на Него пророками, и даруетъ во всѣ времена возгрѣвающимъ въ себѣ

даръ Божій священства (2 къ Тимоѳею 1, 6) преуспѣваніе въ правдѣ, благочестіи, вѣрѣ, любви, терпѣніи и кротости (1 къ Тимоѳею 6, 11), такъ какъ, приступая съ дерзновеніемъ къ престолу благодати, они получаютъ милость и обрѣтаютъ благодать для благовременной помощи (къ Евреямъ 4, 10).

Подводя итогъ всему сказанному о пророческихъ прещеніяхъ на недостойныхъ пастырей, мы должны попытаться извлечь изъ нихъ тѣ положенія относительно пастырства, какія имѣютъ не временное, но пребывающее значеніе: 1) Пастырство—подвигъ, приобрѣтающій себѣ воздаяніе въ вѣчности; это открывается изъ отрицательнаго отношенія пророковъ къ дѣятельности пастырей, стремившихся вознаграждать себя за труды исключительно обильной мздой, вымогаемой ими отъ ихъ словесныхъ овецъ (у пророковъ метафорическій образъ тука): пастырь, ожидающій воздаянія отъ Бога, не можетъ столь прилѣпяться къ чувственнымъ благамъ, чтобы ради приобрѣтенія ихъ угнетать овецъ, разрушать ихъ благосостояніе. 2) Пастырство зиждется на союзѣ немощнаго человѣка со всемогущей благодатью Божіею и служитъ проводникомъ ея въ паству (ср. Числь 25, 12—13). Когда пастырь недостойной жизнью замыкаетъ для себя источники благодати, вся его нравственная жизнь приходитъ въ разложеніе: болѣзнетворный ядъ живущаго во плоти грѣха (къ Римлянамъ 7, 18) снова получаетъ свободу для разрушительнаго вліянія на духовную жизнь,—отсюда власть чувственности надъ отпадшимъ отъ Бога пастыремъ, неотразимое дѣйствіе на него искушеній корысто-и властолюбія. 3) Пастырство требуетъ самоотверженія, обузданія себялюбія: пастырь долженъ быть готовъ въ своемъ служеніи уподобиться свѣчѣ, которая, разливая вокругъ себя свѣтъ, сама сгораетъ. Хотящій спасти жизнь свою потеряетъ ее, а потерявшій жизнь ради Бога сбережетъ ее (отъ Матѳея 10, 39). Исключительная забота пастыря о своемъ благосостояніи, о внѣшнихъ преимуществахъ неизбѣжно влечетъ за собой нежеланіе посѣщать больныхъ овецъ, перевязывать нравственныя раны пасомыхъ, пастырь спѣшитъ отъ нихъ освободиться, говоря: миръ! миръ!, когда надобно было бы запретить, обличить, увѣщать со вся-

кимъ долготерпѣніемъ и назиданіемъ (Іереміи 6, 14; 2 къ Тимоеею 4, 2); такіе пастыри—себялюбцы подражаютъ весьма часто приточнымъ священнику и левиту, прошедшимъ мимо израненнаго разбойниками, не оказавъ ему помощи. 4) Пастырство должно быть соединено съ наставленіемъ паствы въ истинахъ вѣры и благочестія: паства должна воспитываться въ храмѣ подобно Самуилу. Левитское священство учило народъ, но его безнравственная жизнь стояла въ рѣзкомъ противорѣчій съ закономъ, а потому левитскіе священники болѣе развращали народъ дурнымъ примѣромъ, чѣмъ назидали его своимъ словомъ. 5) Пастырство—важнѣйшее изъ служеній на землѣ, ибо оно—подражаніе служенію чистыхъ небожителей Богу (см. Василія Великаго на псаломъ 28). Въ ветхозавѣтныя времена священники должны были по смыслу своего призванія хранить сокровище вѣры при бурныхъ переворотахъ во внѣшней судьбѣ народа Божія и руководить членами теократическаго общества на пути достиженія ими блаженной вѣчности, имѣвшей наступить, когда Сынъ Божій, сойдя въ мрачный шеолъ (адъ), озарилъ его свѣтомъ Свсего Божества и даровалъ уповавшимъ на Его пришествіе радости рая, первое обѣтованіе которыхъ получилъ покаявшійся разбойникъ (см. 1 Петра 3, 18—19).

Нѣкогда въ Сихемѣ Іисусъ Навинъ положилъ камень подъ дубомъ подлѣ святилища, заключилъ съ народомъ завѣтъ повиновенія Богу и, указывая на камень, сказалъ: вотъ этотъ камень будетъ свидѣтелемъ, онъ да будетъ свидѣтелемъ противъ васъ въ послѣдующіе дни, чтобы вы не солгали предъ Богомъ вашимъ (Іис. Нав. 24, 26—27). Если Сихемскій камень у святилища безмолвствовалъ, являясь лишь памятникомъ пережитаго прошлаго, то его нѣмые укоры были воспомнены рѣчами пророковъ, обличавшими тѣхъ, кто дерзнулъ солгать Богу, Которымъ живемъ и движемся и существуемъ (Дѣян. 17, 28).

Доцента Е. А. Воронцова.

ПОЛОЖЕНІЕ

ДРЕВНЕ-РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ—ХРИСТІАНКИ.

(ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

(Продолженіе *).

II.

Измѣненія положенія женщины подь каноническимъ и юридическимъ вліяніемъ христіанства и Византіи.

Христіанство встрѣтило на Руси очень простыя семейныя и общественныя отношенія. При простотѣ и естественности быта необходимо должно было встрѣтиться много грубости и непосредственной чувственности въ правахъ и отношеніяхъ. Христіанство, какъ религія духа, должно было оказать прежде всего вліяніе именно на грубый и чувственный бытъ язычника. Оно необходимо должно было смягчить его такимъ или инымъ образомъ, скоро или поздно. Въ этомъ случаѣ христіанство должно было раньше всего встрѣтиться съ отношеніями семейными, потому что въ семьѣ должны были получать воспитаніе будущіе христіане. Такъ нужно разсуждать теоретически. Но, съ другой стороны, христіанство на Руси, какъ и всякій другой фактъ, было явленіемъ историческимъ. Какъ такое, оно осложнялось многими историческими условіями, привившими ему съ теченіемъ вѣковъ массу характерныхъ особенностей, слѣдовавшихъ за христіанствомъ, какъ необходимый придатокъ. Христіанство распространялось на Руси вмѣстѣ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 5 за 1908 г.

съ византійскою установившеюся культурою. Эта культура должна была мало по малу проникать во всю жизнь язычника, во всѣ его взгляды и отношенія. Какъ человекъ естественнаго развитія, онъ, конечно, продолжалъ первое время жить по своему, но онъ долженъ былъ со временемъ уступить настойчивому руководителству, которымъ управляли его учителя христіанства. Христіанство къ намъ пришло изъ Греціи и съ нимъ же, естественно, должна была явиться къ намъ масса духовныхъ и другихъ руководителей, которые всѣ выросли и прониклись своею Византійскою культурою. Эти пришельцы сразу же заняли всѣ видныя и даже невидныя мѣста въ духовномъ управленіи; въ ихъ рукахъ всецѣло находилась проповѣдь новой вѣры, они были устроителями новыхъ христіанскихъ отношеній между обращенными, чрезъ ихъ руки прошли грамотность и предварительное обученіе грамотѣвъ нашего народа, наконецъ, все время они распространяли на Руси свою образованность, свои взгляды, свои понятія. Естественно послѣ этого, что они должны были наложить на наше культурное развитіе сильные слѣды своего, чисто національнаго вліянія. А Греки не даромъ прожили столько вѣковъ. Самый обликъ христіанина у нихъ уже долженъ былъ получить свой особый—византійскій—оттѣнокъ; точно также какъ и отношенія его ко всему были передуманными, перестраданными привычками долгой культурной жизни. Все это мало по малу должно было перейти, хотя отчасти, на русскую почву, по крайней мѣрѣ, въ высшихъ классахъ общества. Въ результатѣ получались два слѣдствія. Во первыхъ, измѣненіе русской жизни подъ вліяніемъ собственно христіанскихъ началъ и, во вторыхъ, измѣненіе ея подъ вліяніемъ исторической византійской культуры.

Русская женщина очень скоро должна была почувствовать, что она стала уже не языницею. Греки пришли съ своими взглядами на образъ ея поведенія; они принесли свои законы и обычаи, которыми опредѣлялось общественное и семейное положеніе женщины. Они стали именно *опредѣлять* это положеніе, подводить его подъ церковно-каноническіе и свои гражданскіе законы. Новая христіанка, жившая прежде по

традиціямъ обычая, свободно, располагавшая собою во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда жизненный инстинктъ подстрекалъ ее къ дѣлу, должна была отнынѣ знать, что не все то прилично, что естественно. На ея чувственную природу прежде всего была наложена узда умѣренности, а за тѣмъ и всей ея личности было отведено мало, по малу такое мѣсто, которое приличествовало занимать женщинѣ по понятіямъ Грековъ того времени. Это, такъ сказать, „сокращеніе“ женской личности началось самымъ положительнымъ, юридическимъ путемъ. Весьма понятно, что съ первыхъ же временъ христіанства открылась нужда въ законахъ, которыми бы опредѣлялись разные новыя положенія обращенной Руси. Греки, конечно, пришли на помощь этой нуждѣ, потому что у нихъ уже были готовые правила на всѣ такіе случаи. Правила были, несомнѣнно, обращены въ „обдержной“ законъ. Они были тѣмъ болѣе обязательны, что въ значительной степени состояли изъ соборныхъ и другихъ каноническихъ постановленій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они все же были чужды русской жизни, которая шла по своимъ обычаямъ. Приходилось измѣнять жизнь и принаравлять ее къ тому, что постоянно.

Женщина прежде всего должна была почувствовать новое вліяніе въ состояніи брачномъ. Тутъ, впрочемъ, она терпѣла ограниченія наравнѣ съ мужчиною. Язычникъ очень часто не зналъ умѣренности въ брачныхъ отношеніяхъ. У насъ прежде встрѣчалось и многоженство и особенно наложничество. И то, и другое было несогласно ни съ канонами Церкви, ни съ духомъ христіанства. Церковь, естественно, сразу же вооружилась противъ такихъ отношеній. Митр. Іоаннъ сильно возставалъ противъ тѣхъ, „иже безъ труда и безъ страха, и безъ срама двѣ жены имѣютъ“¹⁾.

Затѣмъ мы наблюдаемъ, какое серьезное вниманіе было обращено на самое заключеніе брака. Прежнія русскія формы вступленія въ супружескій союзъ были нерѣдко довольно грубы; къ тому же онѣ были необычайны у Грековъ. И въ нашей

¹⁾ Русская Историческая Библіотека. Т. VI. Статья 6. Въ Уставѣ Смоленскаго князя Ростислава (въ 1150 г.) въ числѣ дѣлъ, подсудныхъ епископу, упоминается *двоеженство*.

Церкви такія формы являются въ числѣ запрещенныхъ. Умыканіе жены со времени христіанства уже подлежитъ суду. Такъ слѣдуетъ по *церковному Уставу Владиміра* ¹⁾ и по грамотѣ Новгородскаго князя *Всеволода Новгородскому владыкѣ* ²⁾. Въ уставной грамотѣ *Ростислава Смоленскаго* тоже отнесено къ числу подсудныхъ духовному суду дѣль „умыканіе, ажъ уволочеть кто дѣвку“ ³⁾. Предполагають, что Церковь вооружилась и противъ продажи и покупки женъ ⁴⁾. Объ этомъ можно судить на основаніи статьи изъ *церковнаго Устава Ярослава*: „аже дѣвка не восхоцеть за мужь, а отецъ и мать силою дадутъ, а что створить надъ собою, отецъ и мать епископу въ винѣ“ ⁵⁾, или по обратной статьѣ того же Устава: „аще дѣвка восхоцеть за мужь, а отецъ и мати не дадятъ и т. д.“ ⁶⁾... Дѣйствительно, это можно отнести какъ разъ противъ обычая продажи невѣсты, гдѣ нерѣдко желаніе или нежеланіе дѣвушки могло расходиться съ интересами родителей.

Прежніе языческіе обряды вѣнчанія болѣе уже не могли имѣть мѣста. Въ этомъ направленіи видна особенная ревность церковныхъ пастырей. Русскіе еще долго сохраняли свои прежніе обычаи языческихъ бракосочетаній и простой народъ бѣгалъ отъ церковнаго брака. Въ 15 правилѣ митроп. Іоанна (XI в.) мы читаемъ: „і іеже жрутъ бѣсомъ и болотомъ и кладяземъ, и еже поймаются безъ благословенья, и жены отмѣтаются и своя жены пуцають и прилѣпляются инѣмъ... ты вѣси, тѣмъ всѣмъ чужемъ быти наша непорочныя вѣры“ ⁷⁾. Тотъ же митрополитъ въ 30 правилѣ жалуется на это еще сильнѣе: „якоже реклъ если, иже не бываетъ на простыхъ людехъ благословенія и вѣнчанія, но бояромъ токмо и княземъ вѣнчаніе, но простымъ же людямъ, яко и меньшицѣ ⁸⁾ поймають

¹⁾ П. С. Р. Л. VI, 82 и 84.

²⁾ Макарій м. моск. Исторія русской Церкви. Т. II, стр. 381.

³⁾ Дополненіе къ актамъ историческ. II, 319. Въ „Церковномъ Уставѣ Ярослава“—тоже. П. С. Р. Л. VI, 84.

⁴⁾ Д. Дубакинъ. Вліаніе христіанства на семейный бытъ... Стр. 22.

⁵⁾ П. С. Р. Л. VI, стр. 21.

⁶⁾ П. С. Р. Л. VI, 81.

⁷⁾ Р. Ист. Вибл. „Прав. Іоанна II, статья 15.

⁸⁾ Т. е. какъ „паломникъ“. См. 21 примѣч. къ ст. 30 Р. П. Б—ки.

жены своа съ плясаніемъ і гуденіемъ и плесканіемъ“¹⁾. Противъ такихъ браковъ приняты были серьезныя мѣры,—суды, пеня, разводъ и т. д. Въ „Уставной грамотѣ“ кн. Ростислава Смоленскаго въ числѣ „тяжъ“, подлежащихъ суду Церкви, упоминается третья тяжа, „аще кто поимется чрезъ законъ“, т. е. если кто вступитъ въ брачное сожитіе помимо законнаго брака.—Въ отвѣтахъ *Нифонта* (XII в.) находимъ такое за-прщеніе: „се слышахомъ въ предѣлѣхъ новгородскимъ не-вѣсты водять къ водѣ, и нынѣ не велимъ тому тако быти, или то проклинати повелѣваемъ“²⁾. Но особенно настойчиво звучать слѣдующія слова въ поученіи митрополита Максима (1283—1305): „да држите жены отъ св. соборное и апостоль-ское церкви, занеже жена спасенія ради чловѣчьскаго бысть. Аще же ихъ држите въ блудъ—безъ благословенія церков-наго, то что ти въ помощь есть? Но молися имъ и нуди ихъ, аще и старіи суть, и младіи, да вѣнчаются въ церкви“³⁾.

Уставъ Ярослава присуждаетъ мужа къ уплатѣ шести гри-венъ въ пользу епископа „буде (онъ) не вѣнчался“⁴⁾.

Всѣ эти заботы Церкви, если и налагали узы на чувстви-тельную сторону брачнаго союза, но на чловѣческомъ обликѣ женщины должны были отразиться самымъ выгоднымъ обра-зомъ. Церковь приучала смотрѣть на бракъ совершенно иначе, чѣмъ смотрѣлъ язычникъ. Смотри на жену, какъ на помощ-ницу своего мужа, она требовала, чтобы послѣдній дорожилъ своимъ брачнымъ состояніемъ. Бракъ христіанина есть *таин-ство*, которое имѣетъ свой высшій смыслъ, помимо удовлетво-ренія природныхъ инстинктовъ. Въ такой бракъ вносилось начало нравственное, чего прежде не имѣлось въ виду. Въ чемъ состоялъ смыслъ христіанскаго брака новообращенный, конечно, могъ узнать только въ церкви отъ пастырей. Вотъ почему духовенство особенно сильно убѣждало всѣхъ „да вѣн-чаются въ церкви“. Разумѣется, рядомъ усиленныхъ требова-

1) Р. П. Б. статья 30.

2) Коричая Румяни. музеума. 1620 г. № 288. л. 410 на обор. См. Востокова, „Описание Румяни. муз.“. Стр. 321.

3) Р. П. Б. VI. Стр. 142. „Правло митропол. Максима“.

4) „Уставъ Ярослава“. Статья 14.

ній оно достигло того, что русскіе стали заключать бракъ по христіански, а вмѣстѣ съ этимъ дошли и до пониманія смысла брака.

Но помимо этого вѣчнаго смысла христіанскаго брака Византія познакомила Русь съ новымъ отношеніемъ къ нему, которое вполне вѣрно называютъ „внѣшнимъ“, „гражданскимъ“, „юридическимъ“. Можно сказать, что у Славянъ-язычниковъ бракъ заключался по склонности или вслѣдствіе необходимости. Греки научили насъ заключать его по „возможности“. Въ чинѣ вѣнчанія греческой церкви совсѣмъ даже нѣтъ вопросовъ, обращенныхъ къ жениху и невѣстѣ,—по своему ли желанію она вступаютъ въ бракъ ¹⁾. Сущность же брачныхъ условій изложена въ такъ называемыхъ „главахъ закона градскаго“, вошедшихъ въ составъ нашихъ кормчихъ книгъ. Здѣсь мы читаемъ: „бракъ есть мужеви и женѣ сочетаніе и съ бытіе во всей жизни, божественныя же и человѣческія правды общеніе. Законныя же браки, составляютъ между собою грецы, егда же о брацѣхъ законны повелѣнныя сохранять. Подобаеть убо юношамъ въ наусіи быти: дѣвицамъ же пріятнымъ браку, се же есть, мужемъ убо презвыти четьренадесять лѣтъ; дѣвамъ же вящимъ быти двунадесяти лѣтъ, сія же глаголемъ, аще самовластны, аще же и подъ властію родителей суть совокупяющимся браку. *Не бывастъ брака, аще не советуютъ собравшеся имушии власть, на хотящихъ женитися, или посягати*“ ²⁾. „Аще плѣненъ будетъ отецъ, и до скончанія тріехъ лѣтъ не возвратится, сынъ его можетъ женитися. Аще же за три лѣта отецъ невѣдомъ будетъ, гдѣ живетъ, или живъ есть, или мертвъ, сынове его и дщери могутъ законно женитися, или посягати; аще же прежде скончанія тріехъ лѣтъ дѣти плѣненнаго оженятся, или посягнутъ, и пришедшу отцу, не годѣ будетъ ему невѣста, или зять, *не составленъ бракъ*“ ³⁾. Греческій обычай отдавалъ брачующихся подъ безусловную власть родителей, которые при извѣстныхъ обстоятельствахъ могли

¹⁾ См. „Εὐχολόγιον“ sive rituale graecorum complectens... Opera Iakobi Goar. p. 386.

²⁾ Корячая книга (печатная) (гр. 4) гл. 1—4, л. 408.

³⁾ Тамъ-же, гл. 8—9, л. 409.

разстроить бракъ даже черезъ два съ лишнимъ года. Это уже значительный шагъ назадъ для правъ женщины. На ея долю особенно выпало подчиненіе родительскому усмотрѣнію. А что это не замедлило случиться, насъ убѣждаетъ цѣлый рядъ фактовъ. Въ кормчей брачный возрастъ опредѣляется такъ: мужчинѣ 14 лѣтъ, дѣвушкамъ 12. Конечно, бракъ въ этомъ возрастѣ могъ состояться не иначе, какъ подъ полнѣйшимъ контролемъ родителей. Въ русской церкви родительская опека не замедлила найти себѣ широкое примѣненіе. Мы встрѣчаемъ браки не только въ указанномъ возрастѣ, но даже гораздо ниже. Минимумъ лѣтъ, возможныхъ для брачнаго союза женщины у насъ доходитъ до 8. Всеволодъ Юрьевичъ отдалъ свою дочь Верхуславу за князя Ростислава Рюриковича, когда ей было только восемь лѣтъ ¹⁾. Князь Константинъ Всеволодовичъ и Святославъ Игоревичъ Сѣверскій были женаты, имѣя отъ роду по одиннадцати лѣтъ ²⁾. Эти самые яркіе примѣры юридическихъ брачныхъ сдѣлокъ, конечно, говорятъ за безусловный родительскій авторитетъ въ этомъ дѣлѣ. Но они также ясно указываютъ намъ на то, что общество привыкло къ такому ходу вещей, что онъ вошелъ уже въ обычай. Такъ и было на самомъ дѣлѣ, судя по лѣтописямъ, откуда видно, что брачные стоворы производились исключительно или почти исключительно при участіи только родителей.

Подъ 1106 г. въ лѣтописи читаемъ: поя Володимеръ за Юргя Аепину дщерь, Осневу внуку, а Олегъ поя за сына Аепину дщерь, Гергенеу внуку" ³⁾. Подъ 1121 г.: „се же лѣто приведоша изъ Новгорода Мстиславу жену, другую Дмитровну, Завидову внуку" ⁴⁾. Подъ 1143 г.: „Изяславъ отда дщерь свою Полотъску за Борисовича за Роговольда" ⁵⁾; подъ 1150 г.: „вда Гюрги дщерь свою за Святославича за Олга, другую за Володимерича за Ярослава въ Галич" ⁶⁾; подъ тѣмъ же годомъ: „Изяславъ, сгадавъ съ зятемъ своимъ королемъ и съ сестрою

¹⁾ П. С. Р. Л. II, 136.

²⁾ Соловьевъ. Исторія Россіи, III. примѣч. 24, стр. 11.

³⁾ П. С. Р. Л. I, 120.

⁵⁾ Тамъ-же, II, 19.

⁴⁾ Тамъ-же, II, 9.

⁶⁾ Тамъ-же, II, 48.

своею королевою, и пошла у Бана дочь за Володимера“ ¹⁾ и т. д. ²⁾).

Родительскій престижъ, основанный столь твердо, съ теченіемъ времени обрисовывался все рѣзче и рѣзче. Столѣтія не измѣнили ничего, хотя дали извѣстную самостоятельность сыну, но у женщины они отняли всякое участіе въ рѣшеніи своей судьбы.

Въ Московскомъ государствѣ дѣвушка не могла даже и увидеть своего жениха до послѣ свадебнаго пира. Здѣсь юридическое отношеніе къ браку, какъ къ выгодному или невыгодному сговору между родителями достигло своей высшей точки. Котошихинъ (XVIII в.) такъ описываетъ заключеніе брачнаго союза у его современниковъ: „а случитца которому боярину и ближнему челоуѣку женити сына своего, или самому, или брата и племянника женити... и посылають къ отцу невѣсты, или къ матерѣ или къ брату, говорити друзей своихъ... И тотъ челоуѣкъ, будетъ хочетъ дать своихъ, или иного кого, выдать замужь, на тѣ рѣчи скажетъ въ отвѣтъ, что онъ дѣвицу свою выдать замужь радъ, только подумаетъ о томъ съ женою своею и съ родичами... А дочерѣ или кому другому-нибудь о томъ не скажутъ и не вѣдаетъ до замужества своего“. Когда невѣста жениху по росписи приданого понравится, и обѣ стороны назначаютъ сговоръ, то женихъ прѣзжаетъ въ домъ родителей невѣсты, пишутъ рядную запись и пируютъ; „а невѣсту ему не покажутъ и невѣста его жениха не выдастъ“ ³⁾).

Византійское юридическое отношеніе къ заключенію брака привело русскую женщину къ очень безотрадному положенію. О прежней языческой свободѣ въ выборѣ жениха теперь не могло быть и рѣчи. Такимъ образомъ женщина была стѣснена въ самой важной для нея области.—Но на этомъ, конечно, не остановилось чужое вліяніе.

Русскіе вообще хотѣли, „судити судъ свой... по св. отецъ

¹⁾ Тамъ же, II, 53.

²⁾ Тамъ же, II, 79, 87—88, 92, 94, 121 125, 139 и т. д.

³⁾ Григ. Котошихинъ. О Россіи въ царствов. Алексѣя Михайлов. Сиб. 1859 г. изд. Археологическ. ком. гл. XIII, § 3.

правилу, по *манакануну*“. А въ этотъ „манаканунъ“ (номоканонъ), который въ своей сферѣ былъ обязателенъ во всемъ своемъ составѣ, вошло не мало различныхъ кодексовъ и свѣтскаго византійскаго права; въ частности въ греческихъ номоканонахъ, или нашихъ *кормчихъ*, было не мало правилъ относящихся до правъ и положенія женщинъ. Все это мало по малу было перенесено на почву русской дѣйствительности и создало извѣстное юридическое положеніе нашей женщины.

Мы видѣли, что въ язычествѣ женщина, какъ гражданское лицо, могла пользоваться даже очень виднымъ положеніемъ. Жизнь вообще не отказывала ей въ правоспособности на ряду съ мужчиною. Положимъ, думаютъ иные, это допускала только жизнь; что же касается до понятій языческаго общества объ общественной правоспособности женщины, то они всегда считали ее гораздо ниже мужчины. Пусть будетъ и такъ, но безъ женщины все же не обходились даже такія общественныя предпріятія, какъ военные походы. Греки принесли свои уже давно осмысленныя понятія о женской правоспособности и понятія эти были очень опредѣленны. Они опирались на словахъ ап. Павла: „жена да боится своего мужа“, ¹⁾ „жена въ безмолвіи да учится со всякимъ покореніемъ. Женъ же учити не повелѣваю ниже владѣти мужемъ, но быти въ безмолвіи“ ²⁾. Обстоятельства заставили Грековъ обратить особенное вниманіе на слова апостола. Ихъ взгляды появились у насъ уже въ болѣе рѣзкихъ и опредѣленныхъ чертахъ. Слова апостола получили обстоятельное богословское объясненіе. Вотъ какъ учитъ древній книжникъ вообще о правахъ жены: „сотворихъ тя, рече, равночестну..., не сътрѣпѣ свободы, то прими работу; не умѣ власти, то буди убо обладаема и мужа позна (ѿ) и господина, и тѣ да господствуетъ ти“ ³⁾.—Въ нѣкоторыхъ рукописныхъ спискахъ русскихъ *Кормчихъ* есть замѣчательное наставленіе о томъ, „яко не подобаетъ жены звати госпожею“. „Не подобаетъ жены своя звати госпожею, говорится тамъ, но лѣно

¹⁾ Ефес. III, 28.

²⁾ 1 Тим. II, 11—15.

³⁾ „О змѣхъ женахъ“ въ Изборникѣ Святослава. Тоже въ „Притчи о женской злобѣ“. Памятныя старин. рус. литературы. В. I. 461.

женѣ звати мужа господиномъ, наипаче славится" ¹⁾). Кормчія были общеобязательнымъ руководствомъ и взгляды ихъ должны были прилежно усвоиться. Кормчія же предлагали мужу титулъ „господина“, а женѣ оставалось на долю „работа“ и подневольное состояніе. Русское общество обязано было усвоить эти взгляды и, гдѣ нужно, проводить ихъ въ жизнь.

Не нужно забывать, что это было тенденціозное внушеніе, которое умѣло заставить себя слушаться. Тенденція именно и внесла въ понятія общества различіе между „ззорнымъ“ и „неззорнымъ“ поведеніемъ и сама собою охладила прежнія смѣлыя проявленія женской силы и мощи. Женщина предстала предъ глазами общества какимъ то слабымъ, хрупкимъ существомъ, нуждающимся въ помощи, въ наблюденіи. Уже съ первыхъ временъ христіанства мы видимъ ее причисленной къ „людямъ Божиимъ“. Всѣ семейныя дѣла, гдѣ женщина заявляла свой обвинительный голосъ, „Уставомъ кн. Владиміра“ были отданы подъ непосредственное вѣдѣніе церковныхъ судовъ, гдѣ рѣшеніе давалъ епископъ. Въ области церковныхъ судовъ входили: „ропусты (разводы) и смилное (брачныя дѣла), застатіе (прелюбодѣяніе), пошибаніе (драка мужа и жены за имущество), умычки, промежи мужемъ и женою о животѣ ихъ, въ племени или сватовствѣ поимутся, вѣдство, потвори, чародѣяніе, волхвованіе и т. д.“ ²⁾).

Епископъ судилъ по „манакануну“. Номоканонъ же безспорныя преимущества даетъ мужу—„господину“ предъ женщиною.

Посмотримъ, какъ рѣшали нѣкоторые изъ церковныхъ судовъ.

Дѣла о „ропустѣ“—разводѣ—могли начинаться съ обѣихъ сторонъ. Поводомъ для развода на первыхъ порахъ, кажется, служило лишь уличенное прелюбодѣяніе. Но съ водвореніемъ греческаго права мы находимъ въ различныхъ дѣйствовавшихъ у насъ церковныхъ и свѣтскихъ кодексахъ слѣдующія общія

¹⁾ Рукописная Кормчая Новгород. Софійск. Библиот. XV в. № 1173 л. 427 г. на обор. л. 428. Рукоп. Кормчая XV в. Румянц. муз. № 231, л. 390 обор. См. у Востокова.

²⁾ Уставъ св. кн. Володимера... о церковныхъ судѣхъ и десятинахъ. П. С. Р. Л. VI, 82.

условія: безвѣстное отсутствіе супруга (трехлѣтняя давность), неспособность, заразная болѣзнь ¹⁾, монашество, покушеніе на жизнь и государственныя преступленія ²⁾. Въ странной редакціи церковнаго *Устава Ярослава* находится изложеніе „винъ“ жены, по которымъ мужъ имѣлъ право требовать развода. Вины эти, кромѣ указанныхъ, слѣдующія: если жена пьетъ съ посторонними мужчинами, если проведетъ ночь (безъ вѣдома мужа) *онъ дома*, если присутствуетъ на конскихъ ристалищахъ, въ спектакляхъ и на охотѣ ³⁾. Разумѣется, о подобныхъ винахъ по отношенію къ мужу нѣтъ и помину. Между тѣмъ редакція устава Ярослава, допуская разводъ мужа съ женою, если жена будетъ обличена въ невѣрности мужу, глухо замѣчаетъ: „аще мужъ отъ жены блудеть, митрополиту у винѣ“ ⁴⁾.

Если считать „Уставъ Ярослава“ дѣйствительнымъ юридическимъ мѣриломъ, бывшимъ прежде въ употребленіи ⁵⁾, а отрицать это нѣтъ особенныхъ основаній, то мы имѣемъ предъ собою наглядный фактъ громаднаго различія между мужскими и женскими правами. Обратившись къ лѣтописямъ, мы найдемъ слѣдствія такого юридическаго положенія. Такъ какъ женщина въ дѣлахъ разводныхъ юридически была признаваема почти безправною, то и страдала отъ развода только она. Великій князь Василій Ивановичъ насильно развелся съ своею женою Соломонією, обвинивъ ее въ безплодіи и предварительно заставивъ принять монашество. Великій князь Семень Ивановичъ по смерти первой жены женился (въ 1345 г.) на Евпраксіи, дочери кн. Θεодора Святославича Смоленскаго; но чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ князь отослалъ молодую къ отцу

1) Кормчая (печ.) л. 502.

2) Уставъ Ярослава. У митр. Макарія Исторія рус. Церкви, т. II Стр. 380.

3) Уставъ Ярослава. У митр. Макарія, указ. соч. II, 380. Тоже въ „Закопѣ градскомъ“. Кормчая, гл. 49, гр. II, 7 л. 428.

4) Митроп. Макарія, указ. соч. II. 377.

5) Въ постановленіяхъ о разводѣ въ различныхъ древнихъ юридическихъ памятникахъ встрѣчается не мало разногласій и противорѣчій. Указать дѣйствительные законы, бывшіе въ практикѣ, не легко, потому что, можетъ быть, всѣ эти памятники въ различное время были въ большемъ или меньшемъ употребленіи. Но „Уставъ Ярослава“ имѣетъ то преимущество, что его подтверждаютъ бытовые факты.

и велѣлъ сказать, что ее на свадьбѣ испортили. Послѣ этого князь женился въ третій разъ на Тверской княгинѣ Марьѣ Александровнѣ.

Въ русской практикѣ появилась даже такая причина развода: „ожели вельми зло будетъ, яко не мочи мужю держати жены, или жепа мужу“¹⁾ (последнее, конечно, не принималось въ расчетъ), т. е. если супруги будутъ жить очень несогласно. Какъ выходили изъ такого положенія въ Московскомъ государствѣ, мы читаемъ у Котошихина. Здѣсь на помощь приходилъ монастырь. „Мужъ, говоритъ Котошихинъ, найдя жену несовѣтливою или увѣчною, или самъ постригается, или умышляетъ надъ нею учинить, чтобы она постриглась: бьетъ и мучитъ всячески и вмѣстѣ съ нею не спитъ“²⁾. Впрочемъ мы находимъ, что и женщина имѣла лазейку, чтобы освободиться отъ мужа тирана. Но сдѣлать это она могла только чрезъ родичей, но отнюдь не сама. Котошихинъ рассказываетъ, что родичи въ такомъ случаѣ били челомъ патриарху и если мужъ оказывался виновнымъ, то его разводили и сажали на полъгода въ монастырь³⁾.

Замѣтимъ наконецъ, что самыя послѣдствія развода были очень различны для обѣихъ сторонъ. Мужъ во всякомъ случаѣ могъ вступить въ бракъ, жена же, признанная виновною, заключалась въ монастырь, откуда въ теченіи первыхъ двухъ лѣтъ могла быть извлечена волею мужа, въ противномъ же случаѣ оставалась тамъ навсегда⁴⁾.

Въ дѣлахъ, носящихъ названіе „смильное“, т. е. въ дѣлахъ брачныхъ женщина является какимъ то пассивнымъ существомъ, которому часто безъ вины—выпадаетъ не легкая участь. Къ преступленіямъ этого рода относились: бракъ въ близкихъ степеняхъ родства или свойства, самовольное отпущеніе жены мужемъ и т. д. По смыслу „Устава Ярослава“ виновникомъ намѣреннымъ здѣсь былъ почти исключительно мужчина, по этому на него и налагаются извѣстные денежные наказанія.

¹⁾ Одинъ памятникъ XII в. См. у Владимірскаго-Буданова, Обзоръ исторіи русскаго права. Стр. 376.

²⁾ Котошихинъ, О Россіи, гл. XIII, § 10.

³⁾ Тамъ-же, гл. XIII, § 10.

⁴⁾ Профес. Владимірскаго-Буданова. Обзоръ исторіи русскаго права. Стр. 372.

По тому же уставу слѣдуетъ, что женщина часто и не знала про вину мужа, но и она должна была нести наказанія. По статьѣ седьмой слѣдуетъ, что если мужъ женится на другой, не разведшись съ старой, *мужъ епископу въ винѣ, „а молоду въ домъ церковный; а со старою жити“* ¹⁾. То же самое, если мужъ взялъ одновременно двухъ женъ: онъ платитъ епископу 40 гривенъ, „а которая поддегла, ту поняти въ домъ церковный“ ²⁾. Такимъ образомъ главный виновникъ, а часто даже единственный платился денежной вирой, женщина же *лишалась свободы*. Пребываніе въ церковномъ домѣ, должно быть, было не легкимъ, потому что туда назначалась и та „женка“, которая жила съ двумя братьями ³⁾.

„Застатіе“—прелюбодѣяніе судилось различно. У насъ собственно два главныхъ источника для сужденія объ этомъ. Первый безусловно греческаго происхожденія, но бывшій, можетъ быть, одно время въ употребленіи на Руси,—это „Судебникъ... царя Константина“ ⁴⁾. „Что этотъ Судебникъ, дѣйствительно, имѣлъ практическое значеніе, это, по словамъ профес. Владимірскаго-Буданова, доказывается тѣмъ, что онъ въ рукописныхъ кормчихъ иногда излагается въ перемежку съ статьями Русской Правды“ ⁵⁾. Другой источникъ—„Уставъ Ярослава“, подлинность котораго заподозрѣна; но возможно, что это позднѣйшая добросовѣстная передѣлка первоначальныхъ постановленій ⁶⁾. По первому памятнику наказанія за прелюбодѣяніе очень строги: они не миловали ни мужчины, ни женщины. Такъ, находящійся въ связи съ работою долженъ быть битъ, рабу же продавали въ другую область ⁷⁾; согрѣ-

1) Уставъ Ярослава. II. С. Р. Л. VI. Статья 7.

2) Тамъ-же, статья, 13.

3) Уставъ Ярослава. Статья 20.

4) Этотъ памятникъ приписанъ Константину какимъ-нибудь переписчикомъ, а на самомъ дѣлѣ есть выборка разныхъ статей изъ *Эклои* (Льва Исавринина и Константина Копронима (789—761 г.г.), *Новелль, Закона Моисеева*, выборка, сдѣланная славянскими книжниками—юристами для практическихъ цѣлей. См. проф. Влад-Будан., *Обзоръ...*, стр. 90.

5) Профес. Владимірскаго-Буданова, *Обзоръ...*, стр. 90.

6) Тамъ-же, стр. 90.

7) „Судебникъ царя Константина, Греческаго закона судебникъ людямъ“. II. С. Р. Л. VI. Ст. 70.

шившій съ дѣвицею, „аще възлюбить ю отрокъ пояти, и всхопщета родителя ея“, долженъ на ней жениться, въ противномъ случаѣ долженъ заплатить за срамъ литру золота, или половину своего имѣнія ¹⁾; изнасиловавшій дѣвушку въ пустомъ мѣстѣ подвергался тѣлесному наказанію и продавался въ рабство, а имѣніе его отдавалось оскорбленной ²⁾. Согрѣшившій съ обрученною, даже и съ ея согласія, платился урѣзываніемъ носа и тяжелымъ тѣлеснымъ наказаніемъ ³⁾. А „иже съ мужатою женою обрѣтается, носы обѣма урѣзати, да битъ будетъ; аще самъ мужъ застанеть, да убіетъ я обою, яко пса у мерзости“ ⁴⁾.

Но мы имѣемъ много основаній сомнѣваться въ томъ, что эти законы исполнялись на практикѣ. Дѣло въ томъ, что несомнѣнный юридическій памятникъ „договоръ русскихъ съ нѣмцами 1229 г.“ говоритъ въ послѣднемъ случаѣ совершенно другое. По договору, „если русинъ застанеть латинина со своею женою, то платится 10 (гривенъ“ ⁵⁾); насиліе свободной женщины цѣломудреннаго поведенія оплачивается пятью гривнами серебра ⁶⁾ и т. д. Другое также говоритъ и „вопрошаніе Кириково“ (XII в.): „рѣхъ ему: а аже, владыко, се *друзи наложницы водятъ яви* и дѣти родятъ, яко со своею, а *друзи съ многими отай рабами*; которое лучше?—Се не добро, рече, ни се, ни оно. Рѣхъ: владыко, аже пустити свободна? (вѣроятно, замѣчаетъ г. Владимірскій-Будановъ ⁷⁾, можетъ ли жена по этой причинѣ расторгнуть бракъ?) *Сдѣ рече, обычаи нѣстѣ такооз*; а лѣпше иного челоувѣка въскупити, абы ся и другая потомъ казнила“ ⁸⁾ (м. б. „лучше наказать денежнымъ штрафомъ, чтобы и другимъ то было не повадно“ ⁹⁾). Повидимому, святительскій судъ имѣлъ въ данномъ случаѣ другія

1) Тамъ-же, стр. 72.

2) Тамъ-же, стр. 72.

3) „Судебникъ ц. Константина“..., стр. 73.

4) Тамъ-же, стр. 73.

5) Договоръ русскихъ съ нѣмцами, 1229 г. Кн. Мстислава. Ст. 17.

6) Тамъ-же, ст. 18.

7) Обзоръ исторіи рус. права. Стр. 376.

8) „Вопршаніе Кириково“. Памятники Россійской словесности XII в. изд. Калайдовича. Москва, 1821 г. XVII гл.

9) Владимірскій-Будановъ, указан. соч., стр. 376.

правила, чѣмъ предлагаетъ „Судебникъ царя Константина“. Съ приведенными историческими свидѣтельствами очень сходится „Уставъ Ярослава“. Поэтому намъ кажется, что этотъ послѣдній въ настоящемъ-ли видѣ, или въ прежнемъ, похожемъ на этотъ, и былъ юридическимъ мѣриломъ для рѣшенія дѣлъ о прелюбодѣяннн и др. По „Уставу же Ярослава“ главное вниманіе обращалось на то, чтобы прелюбодѣяніе не было противоестественнымъ. Такъ прелюбодѣяніе съ сестрою ¹⁾, съ черницею ²⁾, свекра съ снохою ³⁾, двухъ братьевъ съ одною женою ⁴⁾ наказывалось сотнею гривенъ въ пользу епископа и епитиміею по закону. Что же касается обыкновеннаго прелюбодѣяннн, то здѣсь мужчина отдѣлывался очень легко, женщина же получала далеко не большое вознагражденіе. Мужчина за насиліе платилъ сравнительно очень небольшую денежную пеню и дѣвицѣ и епископу. По первой статьѣ „Устава“ „еще кто дѣвку насилить, аже боярская дщи, за срамъ ей 5 гривенъ золота, а епископу 5 гривенъ золота“ ⁵⁾. За боярскую жену—тоже самое ⁶⁾. По пятой статьѣ: „аже дѣвку умолвить кто къ себѣ и дастъ въ толоку, на умолиницѣ, епископу 3 гривны серебра, а дѣвицѣ за соромъ 3 гривны серебра, а на толочинѣ по рублю, а князь казнить“ ⁷⁾. Такимъ образомъ мужчина платилъ за честь дѣвушки только 10 гривенъ, ей же лично только пять, между тѣмъ какъ за вырванный усъ платилось 12 гривенъ ⁸⁾. Но „аще у отца и у матери дщи дѣвкою дитяти добудеть“, то на это смотрѣли не такъ снисходительно. Слѣдовало, „обличивъ ю помяти въ домъ церковный, такоже и женка, а чинъ ю родъ окупитъ“ ⁹⁾. Виновная лишалась свободы, а ея безчестье падало не на опозорившаго, а на семью, которая не сберегла дочь ¹⁰⁾. Родъ, заплатившій за безчестье, конечно, не прощаль этого дѣвушкѣ, которая вообще платилась тяжело.

1) „Уставъ Ярослава“, статья 11.

2) Тамъ же, ст. 15.

3) Тамъ же, ст. 17.

4) Тамъ же, ст. 20.

5) „Уставъ Ярослава“ ст. 1.

10) П. С. Законовъ № 355 (въ 1664 г.). У Оларія, стр. 213.

6) Тамъ же, ст. 2.

7) Тамъ же, ст. 5.

8) „Русская Правда“, ст. 7.

9) „Уставъ Ярослава“, ст. 4.

Въ Московское время жену за развратную жизнь наказывали кнутомъ и выдерживали въ монастырѣ ¹⁾, мужчину же, по словамъ *Олеарія*, совсѣмъ и не обвиняли ²⁾.

Разсмотримъ еще „пошибаніе“, т. е. драку между мужемъ и женою за имущество. Въ „Уставѣ“ эти статьи читаются такъ: „аже мужъ иметъ красти копоплю или ленъ и всякое жито, епископу въ винѣ со княземъ на полы; такожде и женка, иже имѣтъ красти“ ³⁾. Если мужъ крадетъ бѣлое портно, судъ тотъ же ⁴⁾. Здѣсь признается одинаковое право и мужа, и жены на владѣніе общимъ имуществомъ; расхищеніе послѣдняго которымъ либо изъ супруговъ одинаково наказывалось.

Пока мы и покончимъ съ церковнымъ судомъ. Имъ стало юридически *опредѣляться* положеніе русской женщины, въ какомъ направленіи, мы уже достаточно видѣли. Видною чертою этого направленія было послѣдовательное большее или меньшее пониженіе правъ женщины сравнительно съ мужчиною. Это дѣлала; конечно, главнымъ образомъ привычка считать женщину чѣмъ то несамостоятельнымъ, орудіемъ въ рукахъ мужчины. Это направленіе, разумѣется, отразилось и на другихъ правовыхъ отношеніяхъ женской личности. Прежде, чѣмъ говорить объ этомъ, нужно замѣтить, что въ основѣ многихъ изъ нихъ все таки оставались старыя русскія начала, которыя частью были измѣнены, частью получили иной оттѣнокъ. Мы не будемъ стараться разбираться, что въ этихъ отношеніяхъ осталось своего и что было внесено чужое, потому что это невозможно сдѣлать въ „очеркѣ“ ⁵⁾. Мы лишь укажемъ, какъ *опредѣлилось* правовое положеніе женщины при новомъ вліяніи.

Женщина—жена, какъ общественный дѣятель, потеряла почти всякое значеніе. Какъ это устроилось, будетъ показано ниже. У нея такимъ образомъ остались только имущественныя, личныя и семейныя права.

¹⁾ Адамъ Олеарій. Подробное описаніе путешествія въ Московію и Персію. М. 1870 г. стр. 213.

²⁾ „Уставъ Ярослава“, статья 24.

³⁾ Тамъ-же, ст. 25.

⁴⁾ Проф. П. Сергѣевичъ. Лекціи и изслѣдов. по исторіи русскаго права. Спб. 1894 г. Стр. 259.

⁵⁾ Этотъ разборъ составитъ предметъ нашего особаго труда. *Авт.*

Говорить объ имущественныхъ правахъ женщины древней Руси можно лишь тогда, когда она находилась въ положеніи жены, вдовы или сироты. Дѣвушка—дочь зависѣла отъ отца и потому не была самостоятельной единицей. Въ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ можно находить три пачала: подчиненіе имущества жены праву мужа, общность супружескихъ правъ на имущество обоихъ супруговъ и раздѣльность правъ имущественныхъ cadaго изъ супруговъ. Возьмемъ послѣднее. Въ древней Руси мы не находимъ вѣскихъ данныхъ для признанія существованія раздѣльности имущества, но встрѣчаемъ нѣкоторые намеки на это. „Русская Правда“ говоритъ только о наследованіи имущества, но не даетъ указаній на владѣніе брачное. Намеки находятся въ „Вопрошаніи Кириковѣ“ и въ „Уставѣ Ярослава“. У Кирика между причинами развода помѣщено: „ожели вельми зло будетъ, яко не мочи... держати... жена мужа: а порты (одежды) ея грабити начнетъ и пр.“¹⁾ Въ „Уставѣ Ярослава“ мужъ, уличенный въ кражѣ конопли, льна, жита, бѣлья и женскихъ одеждъ, подлежитъ уголовному наказанію²⁾. Эти указанія по справедливости считаются лишь намеками: собственно они почти ничего не говорятъ за имущественную самостоятельность жены. Грабежъ портъ у Кирика долженъ быть понятъ не какъ посягновеніе на имущественную собственность жены, а какъ величайшее оскорбленіе ея, „великое зло“, которое показываетъ уже крайнюю степень невниманія мужа къ супругѣ. Статью „Устава“ слѣдуетъ, повидимому, понимать, какъ злостное посягновеніе мужа на благосостояніе семьи. Въ томъ и другомъ случаѣ замѣшаны мотивы нравственные, которые не даютъ возможности находить здѣсь серьезныхъ указаній на существованіе имущественной раздѣльности между супругами. Знатоки русскаго права обыкновенно настаиваютъ на существованіи общности во владѣніи имуществомъ, что, кажется, и нужно принять какъ бытовой фактъ. Такъ, судя по Домострою, жена являлась госпожею своего хозяйства и распорядительницей

1) „Вопрошаніе Кириково“, стр. 192.

2) „Уставъ Ярослава“, статья 24.

надъ слугами ¹⁾, но какое юридическое обоснованіе имѣло это право и имѣло-ли, за неимѣніемъ указаній, сказать трудно. Имущественныя права женщины лучше всего могутъ быть разсмотрѣны въ положеніи наслѣдницы.

По „Русской Правдѣ“, если жена останется вдовою послѣ мужа, то она имѣла право на извѣстную часть мужняго имущества. Только эта часть опредѣлялась такъ: „а что на ню мужъ възложитъ“, при чемъ прибавлено: „а задница (наслѣдство) ей мужня не наобѣ“ ²⁾. Такимъ образомъ, вдова, собственно, не считалась въ числѣ законныхъ наслѣдниковъ: ей только приходился выдѣль, обусловленный исключительно волею мужа; на остальное наслѣдство она не имѣла права. Юридически женщина здѣсь была не особенно обезпечена: она наслѣдовала не по закону, а по произволу мужа. Не слѣдуетъ упускать изъ виду, что такой порядокъ имѣлъ византійское происхожденіе ³⁾, слѣдовательно, нужно думать, что онъ былъ введенъ въ практику. Въ общихъ чертахъ онъ сходится съ *Эклогой*, по которой вдова получала свое приданое и часть имущества мужа, равную четверти ея приданого ⁴⁾. На русскую почву это право перешло уже въ измѣненномъ видѣ и едва-ли въ пользу женщины. Практически для нея, можетъ быть, и выгоднѣе была редакція „Русской Правды“, но она много теряла въ юридическомъ отношеніи, разъ не была признана самостоятельной юридическою личностью, могущей основываться на опредѣленномъ законномъ правѣ.—Между тѣмъ по древнимъ русскимъ обычаямъ имущественныя права жены были основаны гораздо тверже. По „*Псковской Судной Грамотѣ*“, постановленія которой Н. Д. Кавелинъ считаетъ древнѣйшими, чѣмъ „Русская Правда“ ⁵⁾, слѣдуетъ: „а у которой жены мужъ помретъ безъ рукописанія, и останется вот-

¹⁾ Домострой. Изд. Голохвастова. Москва, 1849 г. Стр. 15 и сл.

²⁾ „Русская Правда“. Списокъ Троицкій. Статья 88.

³⁾ Исслѣдователи русскаго права находятъ, что 87, 88, 96 и 97 статьи о наслѣдствѣ въ „Русской Правдѣ“ византійскаго происхожденія. Онѣ представляютъ изъ себя реципированное право *Эклоги* и другихъ юридическихъ памятниковъ. См. проф. Сергѣевича, Лекція и изслѣдов. по исторіи русскаго права.

⁴⁾ Коричая Леона царя и Конст. Зачат. 4 и 7.

⁵⁾ Сочиненія, т. II, стр. 225.

чина или животъ, *ино жена ея кормится*“ ¹⁾. Въ числѣ *летаторовъ* (выдѣловъ) первое мѣсто занимаетъ жена: „аже всѣдти въ животѣ моемъ, *ино господарня животу моему*, или поидеть замужь, то ей надѣлки 10 рублей; а что принесла порты, и круту и челядь, и то ей и есть“ ²⁾. По этому памятнику вдова оставалась „*господарней*“ надъ мужнинымъ животомъ, по „Русской же Правдѣ“ ей выдѣлялось приданое ³⁾, котораго могло и не быть, и возможный даръ мужа. Понятно, поэтому, почему вдова причислялась къ „людямъ Божиимъ“ и поселялась въ *церковномъ домъ* ⁴⁾; на ея долю могла выпасть большая имущественная необеспеченность.

Въ вопросѣ о наслѣдствѣ личность женщины была сильно связана съ ея дѣтьми. Дѣти, преимущественно мужскаго пола, признавались главными лицами при полученіи наслѣдства. Они были наслѣдниками имущества отца и приданнаго матери. Поэтому мужъ, по смерти первой жены, былъ обязанъ выдѣлить ея приданое дѣтямъ отъ нея; если же онъ отдалъ его второй женѣ, то по закону долженъ былъ возратить настоящимъ наслѣдникамъ ⁵⁾. Съ другой стороны, если и жена „ворчется сѣдѣти по мужи“, т. е. останется вдовою и растеряетъ имущество мужа, а потомъ выйдеть замужь, то она обязана выплатить все дѣтямъ ⁶⁾.

Кромѣ того дѣти собственно и дѣлали женщину лицомъ имѣющимъ право на законное наслѣдство. Надъ доставшеюся частью вдова была полною хозяйкой: „а матерня часть не надобѣ дѣтямъ“, говоритъ „Русская Правда“ ⁷⁾.

Полученіе наслѣдства дочерью было обставлено извѣстными условіями. По „Русской Правдѣ“, если дѣти останутся сиротами и среди нихъ будетъ *сестра*, то наслѣдства ей „не надобѣ“, но „отдадутъ ю за мужъ братия, како си могутъ“ ⁸⁾. По статьѣ о наслѣдствѣ смерда все переходило къ князю; но если

¹⁾ Псковская судная грамота, статья 89.

²⁾ Псковск. суд. грамота (1397—1467 г.), ст. 89.

³⁾ „Русская Правда“, Списокъ Карамзинскій, ст. 106.

⁴⁾ „Уставъ Владиміра“. Ист. рус. ц. митр. Макарія, I. 282—285.

⁵⁾ „Рус. Правда“, списокъ Троицкій, ст. 88.

⁶⁾ Тамъ-же, ст. 95.

⁷⁾ Тамъ-же, ст. 96.

⁸⁾ „Русская Правда“. Спис. Троицкій, ст. 89.

у смерда остались дочери, то на нихъ шла известная часть, если же онѣ были замужемъ, то не давалось ничего ¹⁾). Въ наслѣдствѣ же боярскомъ и дружинномъ все переходило къ сыновьямъ и только, если этихъ послѣднихъ не было, „а дочери возмуть“ ²⁾). Изъ всѣхъ разсмотрѣнныхъ статей о наслѣдствѣ выводъ чрезвычайно ясенъ. Женщина, какъ женщина, а не какъ мать и дочь не пользовалась почти никакими имущественными правами. Если у нея были дѣти, она получала известную часть имущества на воспитаніе ихъ; не было дѣтей, она признавалась сиротою, и содержалась на церковный счетъ. Дочь въ большинствѣ случаевъ не получала ничего: ее должны были выдать замужъ и такимъ образомъ отдать на прокормленіе мужу; въ противномъ же случаѣ она, должно быть, въ первыя времена христіанства на Руси, поступала въ церковный домъ или, вѣроятнѣе, шла въ монастырь ³⁾).

Въ правахъ личныхъ женщина юридически не была стѣснена. Это уже слѣдствіе главнымъ образомъ древне-русскихъ отношеній къ оскорбленію женщины. Законы, ограждавшіе личную неприкосновенность женщины, вообще строги. Въ „Русской Правдѣ“ оскорбленіе, нанесенное женщинѣ, собственно не выдѣлялось изъ общаго понятія объ оскорбленіи, но современный ей памятникъ—„Договоръ Русскихъ съ Нѣмцами 1195 г.“—за ударъ, нанесенной замужней или дѣвицѣ судить очень строго: „оже пошибаютъ мужеску жену, либо дочь, то князю 40 гривенъ ветхыми кунами, а женѣ или мужское дочери 40 гривенъ ветхыми кунами“ ⁴⁾). Это равно вирѣ за убійство свободнаго человѣка. Платилось за срываніе головнаго покрыва и даже за оскорбленіе *словомъ*, въ послѣднемъ случаѣ весьма различно: за „соромъ“ жены „великихъ бояръ“ 5 гривенъ золота и 5 епископу, „меньшихъ бояръ“ 3 гривны золота и 5 епископу, „меньшихъ бояръ“ 3 гривны золота и столько же епископу, „городскихъ людей“ 1 гривну серебра ⁵⁾). По,

¹⁾ Тамъ-же, спис. Карамзинскій, ст. 103.

²⁾ Тамъ-же, Спис. Троицкій, ст. 86.

³⁾ Такъ было послѣ въ Московское время. См. Котошихина, Указ. соч. гл. XIII, 13.

⁴⁾ „Мирная грамота Новгородцевъ съ Нѣмцами 1195 г.“ Ст. 7.

⁵⁾ „Уставъ Ярослава“, ст. 22.

„Псковской Грамотѣ“ женщинѣ предоставлялось поднимать искъ противъ неправильно завладѣвшаго ея наслѣдствомъ ¹⁾. По инымъ памятникамъ ей даже давалось право личного ручательства, напримѣръ за мужа. Такъ по договору Новгорода съ Нѣмцами въ 1270 году жена отвѣчала за долги мужа въ томъ случаѣ, если ручалась за него ²⁾. Въ судебныхъ дѣлахъ женщина даже пользовалась правомъ вызывать на *поединокъ*. Если ея противникомъ была тоже женщина, то, по „Псковской Грамотѣ“, имъ слѣдуетъ „присудити поле, а наймиту отъ жонки не быти, ни въ одну сторону“ ³⁾. Но разъ съ нею тягался мужчина, женщина, какъ слабѣйшая, могла нанять наймита ⁴⁾. Также разрѣшается и „Судебникомъ“ Іоанна Грознаго, 1497 года ⁵⁾. Объ убійствѣ женщины въ Троицкомъ спискѣ „Русской Правды“ выражено такъ: „аще кто оубиеть жену, то тѣмъ же судомъ, якоже и мужа (т. е. 40 гривенъ), аже будетъ виновата: то полвиры, 20 гривенъ“ ⁶⁾. Въ Карамзинскомъ спискѣ эта статья читается нѣсколько иначе: „оже кто оубиеть жену, то тѣмъ же судомъ судити, якоже и мужа: оже будетъ виновата, то полвиры, 20 гривенъ“ ⁷⁾. Настоящая статья вызвала не мало разногласій между правовѣдами. Нѣкоторые хотятъ видѣть здѣсь различіе уголовной защиты правъ женщины отъ уголовной защиты правъ мужчины. Они, принимая слово „жена“ въ древнемъ значеніи *женщины*, думаютъ, что жизнь женщины оцѣнивалась вдвое менѣе жизни мужчины⁸⁾. Другіе же находятъ, что жизнь женщины, оцѣнивалась оди-

1) „Псковская Судная Грамота“, ст. 15.

2) „Договорная Грамота съ Нѣмцами“, ст. 6.

3) „Псковская Судебная Грамота“, ст. 119.

4) Тамъ-же, ст. 39.

5) „Судебникъ Великаго князя Іоанна Васильевича 1497 года“, ст. 49 и 52. Также въ изданіи „Судебника“ 1550 года, ст. 91.

6) „Русская Правда“, Ст. 83.

7) Тамъ-же. Ст. 101. Въ спискѣ князя Оболенскаго: эта статья читается такъ: „аще кто убиетъ жену, тѣмъ же судомъ судити, якоже и мужа, аще будетъ виновата: то полвиры, 20 гривенъ“. Статья 34.

8) Н. М. Карамзинъ, „Исторія Государства Россійскаго“, II, прил. 67. *Калачевъ*, Изслѣдованія о Русской Правдѣ, стр. III. *Неволинъ*, Исторія гражданскихъ законовъ, т. I, стр. 78. *Николюскій*, „О началахъ наслѣдованія въ древнѣйшемъ русск. правѣ“. Стр. 269.

наково съ мужскою, т. е. полною вирою, но, если женщина сама была виновницею ссоры („*оже боудеть виновата*, по Карамз. см.), то мужчина платилъ только полвиры ¹⁾). Третьи оставляютъ вопросъ открытымъ ²⁾). Профес. Владимірскій-Будановъ предлагаетъ свое объясненіе, которое даетъ вопросу нѣсколько другую постановку. „За убійство „въ свадѣ“, возражаетъ онъ, таже „Правда“ назначаетъ виру въ 40 гривенъ (Кар. 4); и вообще было бы непонятно, почему пониженіе наказанія допущено только тогда, когда рѣчь зашла о женщинѣ, а не вообще, когда убійство вызвано жертвою. Остается думать, что здѣсь рѣчь идетъ о *женѣ*, какъ *супругѣ* и убіеніи ея мужемъ за преступленіе противъ семейныхъ правъ. Аналогія варварскихъ нѣмецкихъ законовъ не даетъ никакихъ руководящихъ указаній, ибо по однимъ изъ нихъ за убійство женщины полагается кара вдвое болѣе тяжкая, чѣмъ за убійство мужчины, по другимъ — равная, по третьимъ — вдвое меньшая. Важнѣе для насъ аналогія другихъ славянскихъ законодательствъ и позднѣйшаго русскаго права, по которымъ убійство женщины и мужчины оцѣнивается одинаково“ ³⁾). Согласимся ли мы съ г. Владим.-Будановымъ или примкнемъ къ Ланге, или, наконецъ, примемъ мнѣніе Карамзина, Калачева, Неволіна и друг., это при темнотѣ дѣла не будетъ имѣть особеннаго значенія: есть факты для рѣшенія спорнаго вопроса въ пользу женщины, но существуютъ и противныя. — До сихъ поръ были приведены правила и законы, благопріятные для личныхъ правъ женщины. Но, вмѣстѣ съ этимъ, можно привести почти на каждую статью юридическіе факты значительно ограничивавшіе права женщины. Такъ женщина, съ одной стороны, могла вчинать искъ въ судѣ о наслѣдствѣ, съ другой же, она не имѣла права послушества на судѣ ⁴⁾). По „Псковской Грамотѣ“ полагалося „за жонку быть пособнику въ судѣ“ ⁵⁾). Сама она, очевидно, признавалась совершенно не-

1) Ланге, изслѣдов. объ уголовн. правѣ рус. пр., стр. 121, 122 и др.

2) Проф. Сергѣевичъ, Лекціи по исторіи рус. пр., стр. 248.

3) Проф. Владим.-Будановъ, Лекціи по исторіи русскаго права. Стр. 266—267.

4) Послухоуъ л. б. „мужъ“. „Русская Правда“, ст. 99 (Кар.) ср. 77.

5) „Псковская Судная Грамота“, ст. 58.

способною къ этому. „Уложеніе“ впоследствии, хотя и допустимо женщину не только къ веденію исковъ или отвѣту, но даже и къ послушеству, однако признало, что она „не умѣетъ“ отвѣчать за себя и поэтому даетъ ей отсрочку для высылки въ судъ за себя „родимцовъ“ ¹⁾. Въ Новгородской грамотѣ 1270 года мы нашли для женщины право личнаго ручательства за долги мужа, по „Псковской же Судной Грамотѣ“ вдова изорника отвѣчала предъ господиномъ за долгъ своего мужа, *если и не участвовалъ въ его обязательствѣ* ²⁾. По „Русской Правдѣ“ за вину разбойника отдавали на потокъ и на разграбленіе ничѣмъ невиноватыхъ его жену и дѣтей. То же по Рижской редакціи въ договорѣ Смоленскаго князя Мстислава съ Нѣмцами (1229 г.): „аще князь възвержетъ гнѣвъ на русина, повелить его разграбити съ женою и дѣтьми“ ³⁾. Убійство женщины наказывалось вирой; убійство же мужа женою, по „Уложенію“, каралось закапываніемъ виновной по грудь въ землю. Мы не беремъ еще во вниманіе рассказовъ путешественника Коллинза о правѣ мужа казнить жену въ Московскомъ государствѣ XVII в. Такимъ образомъ тѣ, сравнительно немногіе, законы, которые поднимали личность женщины, въ значительной степени парализуются довольно рѣзкими постановленіями не въ пользу ея. Объясняется это, по видимому, бореніемъ между прежними взглядами на женщину, когда видѣли ее вооруженною и физической и нравственной мощью, и новыми представленіями объ ея слабыхъ силахъ и опредѣленномъ положеніи, какъ преимущественно жены или дочери мужчины. Изъ послѣдняго мы думаемъ объяснить, почему такъ строго наказывались оскорбители женской чести: овыми поступками они оскорбляли не женщину только, но, главнымъ образомъ, пожалуй, то лицо, которому женщина принадлежитъ. Отсюда въ „Уставѣ Ярослава“ различіе между штрафами за оскорбленіе: тутъ примѣшался своего рода табель о рангахъ. Снисходительный взглядъ на женскія силы,

¹⁾ „Уложеніе“ царя Алексѣя Михайловича, X, 185.

²⁾ „Русская Правда“, ст. 5. Сп. Троицкій.

³⁾ „Договоръ Смоленскаго кн. Мстислава Давидовича съ Ригю, Готландомъ и нѣмецкими городами 1229 г.“ Ст. 11 Въ Христом. проф. Владимірска-Буданова.

конечно, легъ въ основаніе ограничительныхъ мѣръ для дѣйствій женщины на судѣ. Съ другой стороны оставшіяся старинный обычай проявился въ допущеніи для нея поединка. Кровавая месть язычника проглядываетъ въ статьѣ „Русской Правды“ о разбойникѣ и въ договорной грамотѣ 1229 года ¹⁾.

Намъ остается рассмотреть семейныя отношенія древнерусской христіанки; вмѣстѣ съ тѣмъ мы увидимъ, остались ли возможными для нея отношенія общественныя. Власть мужа надъ женою, подкрѣпляемая авторитетомъ Ап. Павла и проводимая нашими „кормчими“ и другими византійскими памятниками, съ теченіемъ времени въ житейскомъ быту все болѣе и болѣе усиливалась, пока не получила своего полнаго завершения. Можно сказать, что эта сторона брачныхъ отношеній была взята подъ особое наблюденіе Церкви и усиленно проводилась въ житейскую практику. Возьмемъ-ли мы какой нибудь древній „сборникъ“, гдѣ идетъ рѣчь объ этомъ предметѣ, тамъ читаемъ такія наставленія: „жена еще не покоряется мужу и въ воли его не пребываетъ, якоже апостоль глаголетъ: мужу глава есть Христось, а женѣ глава есть мужъ ея, да еще не послушаетъ ее таковая, анаема. І паки глаголетъ апостоль: якоже глава есть Христось церкви, тако глава есть мужъ женѣ, неповинуящіяся ему, Далидѣ і Евзели сопричастница будетъ“ ²⁾. Это были голоса благочестивыхъ составителей сборниковъ, но вотъ столь же рѣшительный голосъ самой Церкви. Въ нѣкоторыхъ потребникахъ въ чинѣ вѣнчанія прилагается „поученіе женамъ како достоинъ съ мужами своими жити“. Это поученіе вѣнчающій долженъ былъ прочитывать новобрачнымъ. „Услышите, жены, говоритъ оно, заповѣди господни и научитесь в молчаніи повиноватис своимъ мужемъ, да добрѣ поживете, и душа своя спасете, въ началѣ бо рече Богъ ко Евзѣ: отъ мужа взята еси, і онъ тобою да обладаетъ, а ты

¹⁾ Случайное происхожденіе законовъ о личныхъ правахъ женщины весьма ясно открывается изъ „Уложенія“, гдѣ, съ одной стороны, за оскорбленіе жены назначается штрафъ вдвое болѣе прогнвъ оклада мужа, за оскорбленіе дочери—дѣвпци—вчетверо, а съ другой,—считается оскорбительнымъ названіе мужьяны „женхою“, какъ оскорбленіе чести.

²⁾ Сборникъ Новгородск. Соф. библ. № 1466, л. 170. У с. Дубакина, указан. соч., стр. 171.

ему въ молчаніи повинуйся, якоже тогда и она, егдаже начнеши чтити мужа своего и покорятис ему во всем, то отъ челоуѣкъ похвалена будеши, а отъ бога благословеніе приімеши, того ради не противляйся мужу своему ни в чемъ же, но во всемъ покарайся ему и мужни воли повинуйся, мужа бо ради сотворена еси¹⁾. Обращаясь исключительно къ женѣ, поученіе говоритъ: „ты же, чадо и дщи, мужа своего имѣи во всемъ честна и бойся его и въ всемъ честь въздавай ему и с нимъ всегда спрашивайся о всякомъ дѣли, понеже глава есть тебѣ, яко же глава крестъ на церкви, тако же глава мужъ женѣ, якоже повинуются церкви Христу, тако достоинъ повиноватисъ женѣ мужю своему, а непрекословно послушливой быти, понеже богъ послушливымъ подаетъ честь и славу, а непослушливымъ горкую муку. Да не буди ти чадо тяжкое, еже быти въ послушаніи у своего мужа и честь отъ Бога пріяти“²⁾. — Кромѣ словеснаго вразумленія эти поученія давали въ руки мужа власть и на физическое. „Ты же, господине, говоритъ „поученіе мужю и женѣ послѣ вѣнчанія“, жену свою люби и наказывай ю по часту, аще ли своа не слушати начнет и ты жезломъ побей по лежку, а не злобою учи, и не гнѣвайся, отъ гнѣва бо возъ помысль бываетъ“³⁾. На основаніи такихъ, господствовавшихъ во всѣхъ кругахъ русскаго общества, понятій Домострой строитъ свою систему идеальныхъ отношеній между членами семьи. Свидѣтельства Домостроя для насъ чрезвычайно важны. Это вмѣстѣ и своеобразныя юридическія правила, которыхъ долженъ былъ придерживаться всякій порядочный семьянинъ и прекрасный бытовой матеріалъ, который можетъ дать свѣдѣнія, каковъ былъ строй жизни въ лучшихъ благочестивыхъ семьяхъ древней Руси. Знаменитая 38 глава Домостроя очень опредѣленно и откровенно говоритъ, въ какихъ отношеніяхъ долженъ стоять мужъ къ женѣ. Онъ долженъ „умѣть свою жену наказывати всякимъ разсужденіемъ,

1) Потребники Новгородской Соф. библиот. № 1066, л. 279 обор. № 1085, л. 116 обор. № 1086, л. 123—124. У Дубакяна, указ. соч., см. стр. 172.

2) Потребники Новгор. Соф. библ. № 1066, 275 л. обор. 280; № 1085, л. 116 обор. и друг. Дубакянь, стр. 172.

3) Потребники Новгор. Соф. библ. № 1066, л. 275; № 1063, л. 64 и др. Дубакянь, стр. 172.

и учить. Аще внимаетъ, и по тому: все творить, любить и жаловати... Достоитъ мужу жена своя наказывати, и пользоваться страхомъ наединѣ; и понаказавъ, и пожаловати и примолвити; и любовію наказывати и рассуждати; а мужу на жену не гнѣваться, а женѣ на мужа: внигда жити въ любви и чистосердечіи. А только жены слово или наказаніе не иметъ, не слушаетъ, и не внимаетъ и не боится и не творить того, какъ мужъ учитъ, ино *плетью постегать*, по вине смотря..., а плетью, съ наказаніемъ, бережно бити: и разумно и больно, и страшно и здорово. А только великая вина и кручиновато дѣло, и за великое и за страшное послушаніе, и небреженіе,—ино сойма рубашка *плеткою веселиоенко побить*, за руки держа“¹⁾... По этой домостроевской картинѣ, хорошо видно, что жена была всецѣло во власти мужа; какія бы права она ни имѣла *de jure*, *de facto* она ничего не могла знать, кромѣ воли своего супруга. Вотъ почему Домострой имѣетъ специальный отдѣлъ для наученія, „какъ поучати мужу своя жена: какъ Богу угодити и мужу своему уноровити“. Бога да мужа жена только и должна была знать, про что-либо самостоятельное не полагалось и рѣчи. Это положеніе замужней женщины особенно ясно обрисовано и въ чисто юридическомъ памятникѣ—Судебникѣ Іоанна IV: „государь царь указалъ, которая жена, у мужа: умреть, а напишетъ въ духовной мужа своего въ прикащики, и тому мужу въ прикащикахъ не быти, и та духовная не въ духовную, потому что жена въ его волѣ, что ей велить, то она и пишетъ“²⁾. Такимъ образомъ, совсѣмъ не будетъ ошибкою, если сказать, что древне-русская женщина описываемаго времени и гораздо ранѣйшаго при жизни мужа была существомъ безправнымъ въ общественномъ отношеніи и сильно зависимымъ отъ мужа въ семейномъ.

Въ отношеніи къ дѣтямъ русская женщина всегда пользовалась и вліяніемъ, и почтеніемъ, и даже властію. По Кото-

1) „Домострой“ благовѣщенскаго мона Сильвестра, изд. Голохвастова. Москва 1849 г., 67—68.

2) Судебникъ-государя царя и великаго князя Іоанна Васильевича 1555 г., ст. 122.

шихину обои родители распоряжались брачною судьбою дѣтей, отдачею ихъ въ монастырь ¹⁾ и т. д.

Объ общественныхъ правахъ дѣвушки не можетъ быть и рѣчи. Уже въ самомъ главномъ шагѣ своей жизни—выборъ жениха—она не принимала рѣшительно никакого участія: мы видѣли, что дѣвушка даже и не видала его до послѣ свадебнаго пира. Но кромѣ того, во время своей дѣвичьей жизни она лишена была возможности выходить даже за ворота своего дома. Къ XV—XVI в.в. на Руси уже окончательно и крѣпко установился обычай держать женщинъ, особенно незамужнихъ, въ *теремахъ*. Въ теремѣ дѣвушка была совершенно затворена отъ глазъ мужчины и, конечно, отъ глазъ всего общества.

„Сидитъ она, говорится въ былинѣ, за тридевятью замками,
Да сидитъ она за тридевятью ключами,
Чтобъ и вѣтеръ не завѣлъ, да и солнце не заекло,
Да и добры молодцы, чтобъ не завидѣли“ ²⁾.

Извѣстно, наирим., что Іоаннъ III не позволилъ послу императора Фридриха III, приѣхавшему въ Москву съ цѣлію посватать дочь великаго князя за одного изъ родственниковъ императора, видѣть своихъ дочерей ³⁾.

Большими правами пользовалась только вдова, у которой остались дѣти,—*матерая вдова*. Вдова—мать естественно занимала при дѣтяхъ мѣсто умершаго отца; естественно, что ей

¹⁾ О Россіи, гл. XIII, § 13 и др.

²⁾ Кирѣвскій, Быливы, III, 64.

³⁾ Соловьевъ, Исторія Россіи, V, 205. О томъ-же у Герберштейна, „Записки о Московіи“, 73. Акты юридическіе, I, № 393, ст. 418—419 и др.

„Состояніе женщины, говоритъ Герберштейнъ (XVI в.), самое плачевное: женщина считается честною тогда только, когда живетъ дома взаперти и нигде не выходитъ; наирим., если она позволяетъ видѣть себя чужимъ и постороннимъ людямъ, то ея поведеніе становится зазорнымъ“. *Котошикинъ* рисуетъ это положеніе не менѣе плачевнымъ: „Московского государства женскій полъ грамотѣ неучепные, и не обычай тому есть, а породнымъ разумомъ простоваты, и на отговоры не смышлены и стыдливы: понеже отъ младенческихъ лѣтъ до замужества своего у отцовъ своихъ живутъ въ тайныхъ подохъ, и оиричь самыхъ близваихъ родственныхъ, чюжіе люда никто ихъ, и они людей видѣти не могутъ. И потому можно дознаться, отъ чего бѣ имъ быти гораздо разумными и смѣлыми. Также какъ и замужъ выдутъ, и ихъ потомуль люди выдаютъ мало“. „О Россіи“ гл. IV. § 32.

приходилось брать въ свои руки всѣ семейныя дѣла и вести общественныя, если того требовали нужды семьи. Уже „Русская Правда“ узаконила за вдовою матерью заступать мѣсто отца. Если бы дѣти даже и не захотѣли, чтобы мать жила съ ними, „а она начнетъ всяко хотѣти и сѣдѣти, то *творите всяко волю, а дѣтемъ не дати волю*“¹⁾. Свое имущество она могла оставить кому угодно изъ дѣтей²⁾. Если даже всѣ сыновья ея будутъ „*миси*“ (т. е. лихіе), слѣдовательно, не будутъ заслуживать того, чтобы къ нимъ перешла матерняя часть, „а *дчери* можетъ дати, кто ю кормитъ“³⁾. Матерая вдова такимъ образомъ замѣняла мужчину. Насколько ее уважали въ этомъ положеніи, можно видѣть изъ словъ лѣтописца объ отношеніяхъ Мономаха къ своей мачихѣ: „преклонися (Мономахъ на молбу княгинину, чтя шеть ю акы матеръ, отца ради своего..., тѣмже и послуша ея, акы матеръ“⁴⁾ Рѣзкое проявленіе власти матери-вдовы мы видимъ въ житіи преподобн. Θεодосія Печерскаго. „Многажды ей отъ великыя ярости разгнѣватися на нь и бити и, бѣ бо и тѣлымъ крѣпка и сильна, якоже и мужъ“⁵⁾. Когда Θεодосій ушелъ отъ матери, чтобы поступить въ монастырь, она нагнала его и „имъши и за власы, и поврже и на земли и своими ногами пѣхашети и, и страннныя же много коривъши, возвратися въ домъ свой, яко нѣкоего злодѣя ведуци съвязана, тольми же гнѣвемъ одръжима, яко и въ домъ ей нршѣдъши, бити и, дондеже изнеможе. И по сихъ же въведши и въ храмъ, и ту привяза и, и затворъши и, тако отъиде“ и пр.⁶⁾ Въ позднѣйшее время мы видимъ матерыхъ вдовъ и въ средѣ общественныхъ отношеній⁷⁾...

1) „Рус. Правда“, См. Троицкій, ст. 95.

2) Тамъ-же, ст. 96. „А матерняя часть не надобѣ дѣтемъ; но кому мати дасть, тому же взяти; дасть ли всемъ, а вси раздѣлять; безъ языка ли оумреть, то оу кого будеть на дворѣ была и кто ю кормилъ, то тому взяти“.

3) Тамъ-же, ст. 98.

4) П. С. Р. Л. I, 112.

5) Житіе Θεодосія, Игумена Печерскаго, изд. Бодявскимъ въ чтеніяхъ Императорск. Общества Исторіи и Древностей—за 1858 г., 2 т. на обор.

6) Житіе Θεодосія... Л. 8.

7) Акты относящ. до юридическ. быта, II, стр. 121—122, сл. 117. Уложеніе, XX, 15.

Особенно видное положеніе онѣ занимали въ княжеской, а иногда и въ боярской средѣ. Московскій князь Владиміръ Андреевичъ пишетъ въ своемъ завѣщаніи: „о чемъ сопрутся (не согласятся) ихъ (князей) бояре,—ниѣ идутъ предъ мою княгиню, и княгиня моя на котораго сына помолвить и обвинить и ты, братъ сильнѣйшій, князь великій, на тотъ то доправи“¹⁾. Въ Москвѣ матерья вдовы великія княгини Евдокія и Софья, въ Твери Евдокія, Настасья, въ Рязани Анна, въ Суздали Елена возвращаются въ мужскомъ обществѣ, сидятъ въ думѣ съ боярами, принимаютъ пословъ²⁾, имѣютъ даже своихъ особыхъ бояръ, наприм., мать тверскихъ князей Евдокія³⁾. Новгородская же боярыня Марѳа Борецкая не находила для себя зазорнымъ и пировать въ обществѣ мужчинъ⁴⁾.

Тяжело сложилась жизнь русской женщины подъ новымъ вліяніемъ: полная покорность мужу въ домашнемъ обиходѣ, фактическое безправіе въ обществѣ, скука въ теремѣ,—все это суживало кругъ ея духовныхъ интересовъ часто до одного прісматра за домашнимъ хозяйствомъ. Духовныя силы лучшихъ изъ нихъ не могли довольствоваться этимъ узкимъ кругомъ дѣятельности. Онѣ естественно нашли себѣ выходъ въ томъ, что было доступно каждому человѣку. Этимъ выходомъ было религіозное настроеніе, которое и возвысило и облекло нашу женщину въ привлекательный образъ „вѣковѣчной работницы“, „въ ночь ночную богомольницы“.

Л. М. Багрецовъ.

(Окончаніе будотъ.)

1) Собраніе государствен. грамотъ и договоровъ, I, 74.

2) Тверская Лѣтопись, стр. 499. Карамзинъ, V, прим. 563.

3) Лѣтопись Никоновская. IV. 297.

4) Житіе препод. Зосимъ Соловецкаго. У—Забѣлина, Вытъ русскихъ царицъ, 101. Тоже см. въ былицахъ княжескаго цикла про Марію Игнатьевну—„честную вдову“ и про „Часовую и Бладоую вдову“ (Рыби., указ. соч., IV, 37).

ВѢРА, КАКЪ ПСИХОЛОГИЧЕСКІЙ ФАКТЪ СЪ НАУЧНОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ И КАКЪ ДОБРодѢТЕЛЬ, ПО УЧЕНІЮ СВЯЩЕННАГО ПИСАНІЯ И ЦЕРКВИ.

Едва ли въ душѣ человѣка существуетъ какая-либо болѣе могущественная и болѣе благодѣтельная сила, чѣмъ вѣра. Ею онъ руководится въ своей жизни, на нее опирается въ своей дѣятельности и въ ней видитъ „одно изъ неизмѣнныхъ условий душевнаго равновѣсія и моральнаго благосостоянія“. Вѣрою, по словамъ Бэна, управляются даже движенія ребенка. „Ребенокъ, говоритъ онъ, нашедшій дорогу ко груди матери, которая накормитъ и согрѣетъ его, сдѣлалъ успѣхи въ способности вѣры“¹⁾. Чѣмъ болѣе живетъ человѣкъ на землѣ, тѣмъ еще большую роль начинаетъ играть вѣра въ его жизни, и такъ до гробовой доски. На вѣрѣ же основывается даже и самое точное познаніе и проникнуто ею; оно есть, по справедливому замѣчанію Селли, „только систематическая координація или организація нашихъ вѣрованій“. Такъ, мы говоримъ, что явленія внѣшняго міра, какъ, на примѣръ, свѣтъ, звукъ и т. д., существуютъ и въ дѣйствительности и именно такъ, какъ свидѣлствуютъ объ этомъ наши чувства; между тѣмъ физикъ научно доказываетъ, что все это ни болѣе ни менѣе какъ колебаніе эфира и, такимъ образомъ, оказывается, что наше прежнее обычное утвержденіе всецѣло основывается на вѣрѣ въ достовѣрность показаній нашихъ чувствъ. Въ свою очередь и физикъ, по замѣчанію философовъ, также въ своихъ научныхъ построеніяхъ прибѣгаетъ къ вѣрѣ и при томъ въ самыхъ основныхъ положеніяхъ своей науки; такъ, онъ только вѣритъ на основаніи наблюденія надъ объектами своихъ ощущеній въ существованіе матеріи, силъ и законовъ, не

¹⁾ Вопросы филос. и психол. 1902 г. 62 в. Соколовъ.

зная, такъ ли это на самомъ дѣлѣ въ дѣйствительности. Но и философы, стараясь проникнуть въ сущность и цѣль вещей, тоже только вѣрятъ въ свои системы и при томъ каждый философъ только въ свою, находясь въ невѣдѣніи относительно того, соответствуетъ ли она сколько-нибудь міру реальному.

Въ виду такого громаднаго значенія вѣры въ жизни и познаніи вполне естественно, что на нее обратили серьезное вниманіе многіе ученые и преимущественно, конечно психологи. Послѣдніе по самой своей задачѣ,—какъ изслѣдователи душевной жизни человѣка,—не могли, попятно, оставить безъ тщательнаго изслѣдованія такую, какъ мы видѣли, важную силу человѣческаго духа, какова вѣра. Результатомъ же этого изслѣдованія оказалось, что вѣра есть ни болѣе, ни менѣе какъ совершенно естественное психическое явленіе, необходимо наступающее при наличности опредѣленныхъ условій. Что же касается того, въ чемъ же, именно, заключается сущность вѣры, по ученію психологій, каковы ея условія возникновенія, то объ этомъ и будетъ наша дальнѣйшая рѣчь.

Обращаясь съ этою цѣлью къ положительнымъ даннымъ психологій, мы находимъ, что вѣру нельзя свести къ какой-нибудь одной силѣ нашей души, но что она есть сложное состояніе и обнимаетъ всѣ ея силы, такъ что мы, можно сказать, вѣримъ всѣмъ своимъ существомъ. Вѣра есть не только интеллектуальное явленіе, какъ полагали одни, напримѣръ, Brentano, Lipschitz и др. и именно потому, что на ней, какъ мы видѣли, основывается познаніе, и не только эмоціальное, какъ думали другіе, напримѣръ, Юмъ, въ виду того, что она мотивируется чувствомъ и выливается въ чувствахъ, но и не волевое только, какимъ ее считали третьи, напримѣръ, Бэнъ, въ силу того обстоятельства, что она возникаетъ изъ стремленій и воплощается въ дѣйствіяхъ или по крайней мѣрѣ въ готовности дѣйствовать. Но вѣра представляетъ изъ себя разомъ явленіе и интеллектуальное, такъ какъ для того, чтобы вѣрить въ какой-нибудь предметъ, мы должны знать его и ясно представлять его свойства, и эмоціальное, потому что мы не всему вѣримъ, что представляемъ, но только тому, что представляется реально существующимъ, каковой характеръ

представленію сообщается, такъ называемымъ у Джемса, „чувствомъ реальности, и волевое, въ виду того, что она невольно увлекаетъ человѣка къ дѣятельности, ей соотвѣтствующей. Вслѣдствіе этого вѣру можно опредѣлить, какъ ее дѣйствительно нѣкоторые и опредѣляютъ, такъ: „вѣра есть представленіе объекта, соединенное съ чувствомъ реальности его и выражающееся въ соотвѣтствующихъ ему стремленіяхъ и актахъ“¹⁾. Но какъ бы то ни было, всетаки нужно замѣтить, что въ вѣрѣ всего важнѣе элементъ познавательный, представленіе объекта, потому что оно можетъ существовать безъ остальныхъ элементовъ вѣры, тогда какъ послѣднія не могутъ.

Но чтобы возникла вѣра въ тотъ или иной объектъ, для этого необходимо, чтобы представленіе этого объекта обладало особымъ свойствомъ, которое вмѣстѣ съ тѣмъ является и условіемъ соединенія съ нимъ „чувства реальности“, т. е. именно условіемъ образованія вѣры въ объектъ представленія. Такимъ условіемъ вѣры, по свидѣтельству психологическаго опыта, является живость представленія. А такъ какъ самыя живыя элементы нашего сознанія суть ощущенія и представленія, то по этому самому мы такъ легко и вѣримъ въ ихъ реальность. Что же касается того, отъ чего зависитъ эта живость, то на это нужно сказать, что въ данномъ случаѣ она всецѣло находится въ зависимости отъ силы внѣшняго впечатлѣнія и произвольно направленаго на него вниманія. Поэтому-то слабыя ощущенія, какъ, на примѣръ, у больныхъ „маніей сомнѣнія“, не возбуждаютъ вѣры въ свою реальность; точно такая же судьба постигаетъ и слабыя представленія, слабость которыхъ обуславливается смутностью воспріятій, разстройствомъ вниманія, обращеннаго въ одну какую-либо сторону, а также „отсутствіемъ связи съ другими живыми представленіями или ощущеніями, сходными съ ними или просто смежными въ сознаніи“. На этой же живости представленій, какъ условіи вѣры, между прочимъ, основывается вѣра дѣтей, а также и многихъ взрослыхъ людей въ созданія своей фантазіи.

Впрочемъ, на условіяхъ вѣры въ реальность ощущеній,

¹⁾ Ibid.

представленій и т. п. долго останавливаться нѣтъ надобности. Для насъ гораздо важнѣе познакомиться съ условіями вѣры въ идеѣ, къ числу которыхъ относятся и христіанскія истины. Обращаясь сюда, мы, къ удивленію своему, находимъ, что ближайшимъ условіемъ и непосредственною причиною вѣры въ идеи является опять-таки живость ихъ представленія, только эта живость здѣсь зависитъ не отъ свойствъ воспріятія, какъ въ ощущеніяхъ и представленіяхъ, а отъ побужденій нашихъ чувствъ, вліянія разсудочныхъ доводовъ и силы сознательныхъ стремленій, которыя выдвигаютъ данную идею на первый планъ; останавливаютъ на ней наше вниманіе, заставляютъ живо ее мыслить или представлять и, такимъ образомъ, оказываютъ свое, хотя и косвенное, дѣйствіе на вѣру въ нее. Оставляя пока безъ вниманія внутренніе мотивы живости идей, мы, прежде всего укажемъ, что эта живость, а отсюда болѣе или менѣе горячая вѣра въ идеи зависитъ какъ отъ способа ихъ представленія, такъ и отъ способа ихъ мышленія. Первое состоитъ въ томъ, что когда мы представляемъ идеи въ чувственномъ видѣ или образѣ, реальность ихъ для насъ становится очевиднѣе; на этомъ, между прочимъ, и основывается вся наша символика, безъ которой вѣра въ религіозныя истины была бы слаба, т. е. если бы послѣднія только мыслились въ отвлеченномъ видѣ. При этомъ нужно замѣтить, что дѣйствіе образовъ на вѣру бываетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ живѣе самые образы. Поэтому вполне вѣришь, хотя и нѣсколько скептической, далъ совѣтъ для пріобрѣтенія вѣры Паскаль: „дѣлайте все такъ, какъ если бы вы вѣровали, берите святой воды, заказывайте обѣдни“ и пр. Но всего болѣе вліяетъ на происхожденіе вѣры въ идеи и является, можно сказать, необходимымъ психологическимъ условіемъ ея, это живость мысли о нихъ. Живо же мыслить какую-либо идею можно тогда только, когда послѣдняя занимаетъ центральное мѣсто въ нашемъ сознаніи и сосредоточиваетъ на себѣ наше вниманіе. Въ такомъ положеніи идея находится въ тѣхъ случаяхъ, когда она или не встрѣчаетъ въ душѣ противорѣчащихъ ей элементовъ, какъ, на примѣръ, у дѣтей, дикарей и вообще у людей, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ развитія и обѣдныхъ

опытомъ, которые, поэтому, способны всему вѣрить,—или когда находятъ здѣсь родственную группу явленій, которая ее и поддерживаютъ, какъ, напримѣръ, у людей развитыхъ, вполне съ сложившеюся душкой. Въ данномъ случаѣ мы подробно распространяться о вѣрѣ дѣтей и дикарей не будемъ, такъ какъ она не имѣетъ у нихъ характера твердыхъ убѣжденій,—но по мѣрѣ поступленія въ сознание новыхъ идей постоянно мѣняется, и при этомъ она, какъ увидимъ ниже, не имѣетъ и для нашей задачи никакого значенія; мы прямо перейдемъ теперь къ вѣрѣ въ идеи и ея условію, именно, живости идей, людей болѣе или менѣе развитыхъ. Въ послѣднемъ случаѣ живость идеи, какъ было уже замѣчено, зависитъ отъ того, въ какія отношенія она станетъ съ элементами прежняго опыта. Если она соединится съ какой-нибудь группою или синтезомъ сродныхъ ей идей, войдетъ въ составъ господствующей въ сознании системы представленій, то послѣдняя, выдвигая ее на передній планъ и привлекая къ ней живое вниманіе, дѣлаютъ ее предметомъ твердой вѣры; въ противномъ случаѣ она почти безслѣдно исчезаетъ изъ нашего сознания. „Утвердившись въ сознании, идея можетъ стать въ свою очередь центромъ новой группы психическихъ элементовъ, легко воспринимающей сродныя ей и отталкивающей враждебныя ей идеи“. И эта группа идей можетъ существовать въ сознании въ теченіе всей жизни человѣка. Если же она встрѣтится съ другою группою, враждебною ей, и если побѣдитъ ее, то еще болѣе возбудитъ вѣру въ реальность своихъ идей. Но если эта группа окажется побѣжденною, тогда главное мѣсто въ тайникахъ души занимаетъ побѣдительница ея. Впрочемъ, необходимо имѣть въ виду, что побѣдить группу идей, занимающихъ господственное положеніе въ сознании, весьма трудно. Этою-то, между прочимъ, трудностью и обусловливается трудность, а иногда даже полная невозможность заставить переимѣнить кого-либо его вѣру на какую-нибудь другую. Такимъ образомъ, условіе вѣры въ идеи, повторяя еще разъ, есть ихъ живость, которая въ свою очередь обусловливается силою родственныхъ имъ психическихъ синтезовъ, которые, сосредоточивая на нихъ наше вниманіе и про-

буждая чувство реальности, и дѣлають ихъ предметомъ живой вѣры.

Если же такова роль психическихъ синтезовъ въ происхожденіи вѣры въ идеи, т. е. если они, именно, сообщаютъ ту потребную идеямъ устойчивость и живость, въ силу которой онѣ носятъ реальный характеръ, то весьма необходимо знать: на чемъ же основывается этотъ синтезъ, что связываетъ идеи во едино? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ нужно сказать, что какъ синтезы, такъ и сообщаемая ими живость сроднымъ имъ идеямъ основывается на указанныхъ нами выше внутреннихъ потребностяхъ человѣческаго духа: человѣкъ составляетъ такой синтезъ идей, который бы удовлетворялъ его духовнымъ потребностямъ. А такъ какъ потребности и чувства у людей бываютъ или теоретическія, или моральныя, или практическія, то и умственные синтезы идей, поддерживающіе устойчивость послѣднихъ, могутъ основываться и „основываются или на теоретической истинности, или моральной необходимости, или же на практической полезности“. Въ силу теоретическихъ запросовъ человѣкъ создаетъ такую систему идей, которая бы удовлетворяла этимъ его запросамъ; и разъ удовлетворяетъ,— у человѣка само собою пробуждается твердая вѣра въ дѣйствительность этихъ идей. Но нельзя объяснять основаніе синтезовъ, сообщающихъ идеямъ живость, одними теоретическими мотивами, нельзя уже по той простой причинѣ, что часто самъ человѣкъ, которому принадлежать синтезы идей, приуроченныхъ къ теоретическимъ его запросамъ, сознаетъ ихъ недостатки; проф. Соколовъ совершенно справедливо сказалъ, что „если бы человѣческія вѣрованія имѣли своей основой только теоретическую истинность, ихъ, можетъ быть, совсѣмъ и не существовало бы“ ¹⁾. Человѣкъ вѣритъ въ свои идеи не потому только, что онѣ теоретически непреложны, но и потому, что онѣ нравственно для него необходимы, удовлетворяють его моральнымъ чувствамъ, запросамъ его сердца. Эти-то нравственныя чувства, главнымъ образомъ, и опредѣляютъ выборъ вѣрованій, „кладутъ на нихъ свой отпечатокъ и даютъ имъ поддержку въ борьбѣ съ враждебными идеями“. Но есть много

¹⁾ Ibid. 64 кн.

людей и такихъ, у которыхъ внутреннія потребности заключаются въ стремленіи къ практической выгодѣ. Сообразно этой потребности у человѣка и создается такой синтезъ идей, который удовлетворяетъ ей. Такіе люди, поэтому, и вѣрятъ только въ тѣ идеи, которыя имѣютъ прямое отношеніе къ выгодѣ, или, лучше сказать, сама-то выгода и есть главное ихъ вѣрованіе. ¶

Въ виду такого различія потребностей человѣческаго духа—обыкновенно и происходитъ то явленіе, что міръ идей распадается на нѣсколько группъ, изъ которыхъ одна удовлетворяетъ теоретическимъ потребностямъ человѣка, другая моральнымъ, третья практическимъ, и которыя, что особенно замѣчательно, совмѣстно существуютъ въ душѣ его, хотя бы и противорѣчили одна другой. Такъ, напримѣръ, у одного и того же человѣка эгоистическіе интересы существуютъ рядомъ съ религіозностью, осуждающею первое. Но не смотря на это, въ жизни обыкновенно дѣло обстоитъ всегда такъ, что какая-нибудь одна изъ указанныхъ выше группъ или синтезовъ идей, всетаки, беретъ перевѣсъ надъ другими, т. е. или группа научныхъ идей, или религіозныхъ и т. д., которая въ силу этого и привлекаетъ къ себѣ преимущественно вниманіе человѣка, и пробуждаетъ глубокую вѣру лишь по отношенію къ себѣ.

Что же касается того, отчего беретъ перевѣсъ тотъ или иной синтезъ идей и чѣмъ обуславливается складъ лежащихъ въ основѣ ихъ внутреннихъ потребностей, то необходимо сказать, что все это зависитъ отъ вліянія окружающей насъ среды, особенно семьи, школы и вообще данной эпохи. Подъ вліяніемъ этихъ внѣшнихъ факторовъ въ насъ создаются основы нашихъ стремленій и привычекъ; ими же полагается начало развитія внутреннихъ нашихъ потребностей и стремленій, и при томъ въ направленіи, соответствующемъ нашему воспитанію и той эпохѣ, въ которую мы живемъ.

Таково въ общихъ чертахъ психологическое ученіе о вѣрѣ и условіяхъ ея возникновенія ¹⁾.

¹⁾ При изложеніи психологическаго ученія о вѣрѣ мы преимущественно основывались на сочиненіи проф. Соколова, помѣщенномъ въ журналѣ „вопросы филос. и психологіи“, за 1902 г. 62—64 кп.

Но съ подобнымъ ученіемъ психологовъ о вѣрѣ, повидимому, не мирится ученіе религиозное. Дѣло въ томъ, что во всѣхъ религіяхъ древняго и новаго міра вѣра,—именно, вѣра въ ихъ религіозныя истины,—всегда и неизмѣнно поставлялась и поставляется на степень одной изъ главныхъ добродѣтелей. Въ особенности настойчиво и ясно проводится подобная мысль о вѣрѣ въ христіанствѣ. Мало того: согласно ученію священнаго писанія и церкви оказывается, что вѣра, какъ добродѣтель, и возможна то только, именно, въ христіанствѣ, что, именно, вѣра во Христа только и можетъ вмѣняться въ заслугу человѣку. А что это такъ, что, дѣйствительно, по ученію христіанской церкви, вѣра вмѣняется въ заслугу человѣку, для этого стѣбитъ только обратиться къ Новому завѣту, который, можно сказать, весь проникнутъ въ этомъ смыслѣ проповѣдью о вѣрѣ. Между прочимъ, здѣсь очень рельефно проводится та мысль, что благодаря вѣрѣ, именно вѣрѣ въ Сына Божія, человѣкъ получаетъ оправданіе отъ Бога, тогда какъ за невѣріе осуждается. Къ числу подобныхъ мѣстъ слова Божія какъ нельзя лучше относятся тѣ, въ которыхъ говорится, что „вѣруй въ Онъ (Сына Божія) не будетъ осужденъ, а не вѣруй уже осужденъ есть, яко не вѣрова во имя Единороднаго Сына Божія“ (Іоан. III г. 18 ст.), и что „безъ вѣры невозможно угодити Богу“ (Евр. XI г. 7 ст.); или какъ въ другомъ мѣстѣ: „иже вѣру иметъ и крестится, спасенъ будетъ, а иже не иметъ вѣры, осужденъ будетъ“ (Мар. XVI г. 16 ст.); въ этомъ же родѣ мы встрѣчаемъ въ Словѣ Божіемъ еще и такое выраженіе: „всякъ, иже аще призоветъ имя Господне, спасется: како убо призовутъ, въ Него же не вѣроваша“? (Рим. X г. 13—14 ст.). Кромѣ приведенныхъ нами мѣстъ священнаго писанія, свидѣтельствующихъ о вѣрѣ, какъ предметѣ вмѣненія человѣку въ заслугу или вину, можно указать и на тѣ, въ которыхъ вѣрующіе „ублажаются“ (Лук. I, 45; Іоан. XX, 29). Словомъ, священное писаніе прямо и рѣшительно говоритъ, что мы получаемъ спасеніе отъ Бога только „черезъ вѣру“ во Христа Іисуса (Евр. II, 8). Не менѣе ясно свидѣлствуютъ о значеніи вѣры, какъ добродѣтели, въ дѣлѣ спасенія человѣка и благоугожденія Богу отцы и учителя

христіанской церкви. Изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ въ этомъ родѣ мы приведемъ нѣсколько и при томъ самыя ясныя; между прочимъ, нельзя не обратить вниманія на свидѣтельство Климента Александрійскаго, который говоритъ: „вѣра есть единое всеобщее спасеніе человѣчества“¹⁾, или. въ другомъ мѣстѣ: „вѣра есть мощь ко спасенію и сила въ жизнь вѣчную“²⁾. Въ такомъ же смыслѣ свидѣлствуютъ о вѣрѣ и наши отечественные отцы. Такъ, св. Тихонъ Задопскій говоритъ: „въ вѣрѣ все существо христіанскаго благочестія состоитъ, яко кто истинную живую вѣру имѣетъ, тотъ имѣетъ Божіе благословеніе, правду Христову, святость, избавленіе, свободу духовную, вѣчный животъ и блаженство“³⁾. По словамъ же другого нашего отца „вѣра по истинѣ является альфою и омегой нравственной жизни, какъ и Самъ Господь, Котораго она открываетъ человѣку“⁴⁾. Приведенныхъ свидѣтельствъ изъ слова Божія и твореній отцовъ церкви, намъ думается, вполне достаточно, чтобы ознакомиться съ церковно-христіанскимъ взглядомъ на вѣру, именно какъ на добродѣтель.

При этомъ нужно имѣть въ виду, что вѣра по ученію священнаго писанія и отцовъ церкви, понимается не иначе,— какъ въ смыслѣ полного усвоенія началъ новой жизни во Христѣ, пришедшаго возродить человѣка, въ смыслѣ принятія ихъ человѣкомъ въ самое существо свое во всей цѣлости. Вѣра, по словамъ одного нашего отечественнаго богослова, есть „внутренній строй духа“, главное внутреннее качество котораго есть „цѣлость и совершенная искренность“, сообщающая „глубокій смыслъ и необыкновенную плодотворность всей дѣятельности“⁵⁾. Очевидно, что съ христіанской точки зрѣнія вѣра можетъ считаться добродѣтелью въ томъ только случаѣ, когда въ ней проявляются всѣ силы души человѣка совместно, когда съ истинами ея не только соглашается умъ, но отзывается и сердце на нихъ и воля стремится согласно съ ними

1) Педагогъ. I, IV.

2) Строматы.

3) „Объ истинномъ христіанствѣ“.

4) Еп. Теофанъ „Начертаніе христіанскаго правоученія“.—Всѣ цитаты изъ твореній отцовъ церкви приводятся по книгѣ архим. Сергія—„О спасеніи“.

5) Изъ проповѣдей протоіер. Ключарева (Арх. Амвросія) 1878 г. 168-169 стр.

дѣйствовать. А что дѣйствительно, по ученію христіанства, вѣра не можетъ быть понимаема, напримѣръ, только какъ теоретическій актъ принятія какой-либо истины отдѣльной, а именно какъ нравственный актъ движенія всего человѣка къ добру, какъ оно изъяснено и явилось въ жизни и ученіи Иисуса Христа, то эта истина прекрасно раскрыта Самимъ Спасителемъ въ Его бесѣдѣ съ Никодимомъ. „Вѣрующій есть тотъ, говоритъ, между прочимъ, Христосъ, кто любитъ свѣтъ, пришедшій въ міръ: идетъ къ нему и тѣмъ являетъ, что онъ дѣйствуетъ въ Богѣ, поэтому онъ не осудится; а невѣрующій уже осужденъ, потому что онъ, не смотря на то, что свѣтъ пришелъ, болѣе возлюбилъ тѣму, нежели свѣтъ, не идетъ къ свѣту и этимъ обнаруживаетъ злыя дѣла свои“ (Іоан. III, 18—21). „Движеніе къ свѣту или отвращеніе отъ него,— вотъ тѣ дѣла, въ которыхъ обнаруживается такое или другое настроеніе человѣка предъ лицомъ свѣта, а это движеніе или отвращеніе и есть ничто иное, какъ вѣра или невѣріе, которыя прежде всего имѣютъ нравственный, практическій, а не умственный или теоретическій характеръ“¹⁾. Если же когда нашъ умъ соглашается съ истинами вѣры, но остальные силы души не принимаютъ въ пей никакого участія, то она не только не считается, по Слову Божію, добродѣтелью, но прямо сводится на степенъ бѣсовской вѣры: „бѣси вѣрують и трепещуть“ (Іак. II, 19).

А такъ какъ, далѣе, по общечеловѣческому сознанію, можетъ вмѣняться кому-либо въ заслугу лишь такой актъ, въ которомъ человѣкъ участвуетъ свободно или, какъ выражается Ульрици, который „входитъ въ область той силы и дѣятельности, которую мы называемъ силою воли“²⁾, то ясно, что и вѣра можетъ вмѣняться человѣку въ заслугу и становиться добродѣтелью въ томъ только случаѣ, когда она обусловливается свободнымъ и сознательнымъ выборомъ между ложью и истиною—именно—истины, т. е. когда человѣкъ, имѣя психи-

¹⁾ Правосл. обозр. 1886 г. Декабрь. Изъ лекцій по нравств. богословію. І. Явышева.

²⁾ „Психологическія данныя въ пользу свободы воли и нравств. отвѣтственности“, арх. Антонія.

ческую возможность вѣрить и не вѣрить, избираетъ первое. Еще Аристотель нѣкогда сказалъ, что „добродѣтель въ собственномъ смыслѣ слова происходитъ только благодаря самостоятельной нравственной волѣ, которая приучаетъ къ добродѣтели“¹⁾.

И дѣйствительно, христіанская вѣра является, согласно священному писанію, что видно уже изъ изложеннаго выше, вполне свободнымъ, разумно-сознательнымъ убѣжденіемъ въ истинахъ евангельскаго ученія, совершенно добровольнымъ признаніемъ истиннымъ того, относительно истинности чего вѣрующій несомнѣнно убѣдился. Такою же она является и въ твореніяхъ отцовъ церкви. Такъ Климентъ Александрійскій прямо называетъ вѣру „свободнымъ согласіемъ души“²⁾. Поэтому съ христіанской точки зрѣнія не можетъ вмѣняться въ заслугу вѣра дѣтей, дикарей и вообще людей, вѣрующихъ бессознательно, механически,—хотя и одобряется, какъ опора въ нравственной жизни. Достойно примѣчанія,—что и въ обыденной человѣческой жизни мы обычно не придаемъ большой цѣнности всякимъ нравственнымъ качествамъ того или иного лица, коль скоро они являются наследственными, естественными; въ нашихъ глазахъ они имѣютъ извѣстную цѣнность тогда лишь, когда являются результатомъ свободной и сознательной самодѣятельности человѣка.

И вотъ, принимая во вниманіе ученіе священнаго писанія и церкви о вѣрѣ, какъ добродѣтели, какъ явленіи, зависящимъ отъ свободной воли человѣка, намъ необходимо теперь рѣшить вопросъ: не противорѣчитъ ли оно тѣмъ самымъ природѣ человѣческой, изслѣдователи которой, какъ мы видѣли, говорятъ о вѣрѣ, какъ явленіи вполне естественномъ, исключаящемъ, повидимому, всякое самоопредѣленіе со стороны человѣка? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно заранее дать отрицательный, такъ какъ Христу, какъ Богу, вѣдомы всѣ глубины человѣческой природы: „предъ Нимъ вся нага“. Очевидно, что если вѣра при всей ея, съ психологической точки зрѣнія, естественности и зависимости отъ опредѣленныхъ условій, словомъ Божиимъ и вмѣняется въ заслугу человѣку, то потому,

¹⁾ Мартенсенъ „ученіе о нравственности“ 2 т. 7 стр.

²⁾ Строматы.

что въ христіанствѣ такъ или иначе дается человѣку возможность въ актѣ вѣры во Христа проявить и свою самодѣятельность. Что же касается того, какимъ именно образомъ вѣра во Христа является актомъ свободнымъ, и въ чемъ именно здѣсь проявляется свобода человѣка, то объ этомъ рѣчь наша будетъ нѣсколько дальше; въ данномъ же случаѣ мы прежде всего попытаемся рѣшить вопросъ: не остается ли и при психологическомъ ученіи о вѣрѣ, какъ явленіи произвольномъ, мѣста для личнаго человѣческаго самоопредѣленія? Вопросъ этотъ вполне естественъ, такъ какъ сами психологи говорятъ, что „тотъ своеобразный отборъ, который производитъ жизнь въ области нашихъ вѣрованій и убѣжденій, не имѣетъ механическаго характера, свойственнаго естественному отбору въ царствѣ природы; онъ слагается изъ взаимодѣйствія нашей личности съ окружающимъ міромъ, и та доля участія, которая принадлежитъ намъ въ этомъ взаимодѣйствіи, даетъ намъ возможность управлять имъ сообразно съ высшими цѣлями“¹⁾.

Чтобы дать теперь болѣе или менѣе удовлетворительный отвѣтъ на поставленный нами вопросъ, намъ необходимо предварительно уяснить самый фактъ существованія свободы воли въ человѣкѣ. Это не то значить, что нужно доказать существованіе свободы воли въ человѣкѣ, такъ такъ въ этомъ случаѣ пришлось бы доказывать намъ и дѣйствительность самосознанія, которое тѣсно и неразрывно связано съ свободой воли, — но то, что необходимо показать правильный психологическій взглядъ на послѣднюю.

Признавая фактъ существованія въ насъ свободы воли и самосознанія, которое, по Владиславлеву „есть мысль о себѣ, какъ причинѣ своихъ состояній“, неподлежащимъ сомнѣнію, и полагая эту свободу „не просто въ свалившейся съ потолка способности желанія или нежеланія данной вещи, но въ господствующемъ положеніи субъекта по отношенію къ явленіямъ душевной жизни“²⁾, мы должны помнить, что наша свобода

¹⁾ Вопросы фил. и психол. 1902 г. 64 кн.

²⁾ Арх. Антоній. „Психолог. данныя въ пользу свободы в. и нравствен. ответственности“.

ничего вновь не производитъ, что она есть свобода условная, ограниченная. Такимъ ограничивающимъ нашу свободу факторомъ являются, по ученію психологіи, прирожденные намъ влеченія. Всѣ влеченія обыкновенно въ мышленіи и наукѣ принято дѣлить на три класса: на духовно-тѣлесныя индивидуальныя, имѣющія цѣлью сохраненіе и развитіе личнаго существованія, духовно-тѣлесныя социальныя, вытекающія изъ потребности жизни въ сообществѣ другихъ людей, и религіозныя, выражающіяся въ стремленіи къ Божеству. Если и существуютъ нѣкоторыя отступленія отъ этой классификаціи прирожденныхъ человѣку влеченій, то весьма незначительныя, касающіяся скорѣе формы, нежели самого существа. Такъ, между прочимъ, извѣстный датскій богословъ Мартенсенъ усматриваетъ въ человѣческой природѣ два основныхъ влеченія: влеченіе къ міру и влеченіе къ Богу. „Такъ какъ жизнь человѣческой личности, говоритъ онъ, имѣетъ двойное назначеніе,—быть жизнью въ Богѣ и жизнью въ мірѣ, то поэтому мы называемъ глубочайшія и всеобъемлющія основныя влеченія человѣческой природы мірскимъ влеченіемъ или влеченіемъ къ жизни въ мірѣ съ его славою и наслажденіемъ, въ мірѣ, который заключаетъ въ себѣ всѣ относительныя блага, и влеченіе къ царству Божію или влеченіе къ жизни въ Богѣ и Его царствѣ, какъ высшемъ благѣ“¹⁾. Вотъ эти-то внутреннія прирожденные намъ влеченія строго и опредѣляютъ тѣ границы, которыми очерчивается направленіе воли,—и только уже самое различіе этихъ направленій принадлежитъ, по свидѣтельству самосознанія, нашей свободѣ; человѣкъ не можетъ не удовлетворять своихъ потребностей, но отъ него зависитъ—избрать тѣ или иные влеченія въ качествѣ мотива своей дѣятельности. При этомъ „свободное дѣйствіе здѣсь, какъ говоритъ Фуллье, отражается въ сознаніи слѣдующимъ образомъ: я сознаю себя влекущимся по извѣстному направленію, сознаю и свободу свою, желаю ее сохранить и потому удерживаю влеченіе, а потомъ уже произвольно рѣшаю, оставаться ли въ покоѣ или дѣйствовать согласно сознанному стремленію“²⁾. Очевидно, что опредѣленіемъ дѣятельности человѣка

¹⁾ Ученіе о нравственности 1 т., 100 стр.

²⁾ Арх. Антоній. «Психол. занятая въ пользу свободы в. и нравст. отвѣтств.».

служать не внѣшнія какія-нибудь независяція отъ него обстоятельства, а какое-либо внутреннее влеченіе, если только оно допущено свободой или въ видѣ согласія съ нимъ или въ видѣ предпочтенія этого влеченія другимъ влеченіямъ. Если же внѣшнія обстоятельства и являются мотивами дѣятельности, то не сами по себѣ, а именно вслѣдствіе какого-нибудь влеченія, даннаго, какъ намъ уже извѣстно, не отъ внѣ, а вложеннаго въ самый нашъ духъ.

Положивши, такимъ образомъ, въ основаніе своей дѣятельности какое-либо внутреннее влеченіе, свободно и сознательно избранное имъ, человекъ далѣе подыскиваетъ—тоже вполне сознательно и свободно—средства къ болѣе успѣшному его осуществленію и къ устраненію препятствій, лежащихъ на этомъ пути.

Изъ этихъ положеній становится понятнымъ, что наша свобода есть свобода формальная, т. е. такая, которая состоитъ, по ученію психологовъ, въ томъ, что мы сознательно и свободно выбираемъ то или иное влеченіе, вложенное въ насъ, и усиліями воли постепенно возраждаемъ въ дѣйствительность потенціальное содержаніе того или другаго влеченія въ ущербъ прочимъ.

Если же наша свобода проявляется въ сознательномъ выборѣ изъ числа приращенныхъ намъ влеченій какого-нибудь одного и слѣдованіи ему, то очевидно, что эту свободу мы можемъ проявить и при вѣрѣ религіозной, именно, избраніемъ основой своей дѣятельности влеченіе къ Божеству. Мало того, по свидѣтельству самосознанія, человекъ имѣетъ даже болѣе основаній къ тому, чтобы избрать основой своей дѣятельности, именно, религіозное влеченіе. Прежде всего онъ ясно сознаетъ его превосходство предъ прочими влеченіями; въ силу „потребности саморазвитія и самообнаруженія своего духа, какъ силы высшей и господствующей надъ всѣмъ матеріальнымъ, на той именно почвѣ и чрезъ тотъ матеріаль, которые онъ при своемъ пробужденіи къ самосознанію и самоопредѣленію находятъ въ тѣлѣ и внѣшней природѣ“¹⁾, че-

¹⁾ Прав. обозр. 1886 г. Сентябрь. Янышевъ. Изъ лекцій по нравственному богословію.

ловѣкъ всегда побуждается предпочитать религіозное влеченіе, какъ высшее проявленіе своей природы, другимъ влеченіямъ. Но главнымъ образомъ человѣкъ можетъ избирать религіозное влеченіе въ качествѣ основы своей дѣятельности потому, что оно отличается въ противоположность другимъ влеченіямъ ясностью и содержательностью: оно побуждаетъ человѣка стремиться не къ чему-либо смутному и неопредѣленному, а къ Единому Живому Личному Богу.

Эта особенность религіознаго влеченія, или, точнѣе сказать, эта неразрывно связанная съ нимъ идея Личнаго Бога, не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ производима изъ однихъ лишь психическихъ элементовъ; существованіе ея въ человѣческой душѣ есть, какъ выражается Гаггенмахеръ, „тайна, нѣчто непостижимое, дѣло Божіе въ человѣкѣ“ ¹⁾.

Идея о Богѣ, очевидно, можетъ быть понятна лишь при свѣтѣ христіанскаго откровенія, которое учитъ, что она вложена въ нашъ духъ Самимъ Богомъ. „Душа, говоритъ, между прочимъ, Тертуліанъ, научена отъ Бога, перваго Своего Учителя...; она всегда вспоминаетъ о Своемъ Создателѣ, Его благодости, о заповѣдяхъ Его и о цѣли своего существованія“ ²⁾. Въ связи съ присущей человѣку идеей Личнаго Бога религіозное влеченіе и составляетъ то естественное оспованіе религіозной вѣры вообще, безъ котораго она никогда бы не могла и образоваться, такъ какъ человѣкъ можетъ слѣдовать чему-либо и сообразоваться съ чѣмъ-либо лишь тогда, когда онъ видитъ, что и сама природа его требуетъ этого.

Но обладаетъ ли человѣкъ въ дѣйствительности вполнѣ формальной свободой, въ чистомъ ея видѣ, которая давала бы ему возможность всегда, когда угодно, избирать въ качествѣ основы своей дѣятельности религіозное влеченіе? Оказывается, что далеко нѣтъ. Если самосознаніе и свидѣтельствуетъ о зависимости отъ свободы человѣка того, какую ему потребность своей природы выбрать основой своей дѣятельности: выбрать ли религіозную или какую-нибудь другую, то въ то же время дѣйствительность, какъ справедливо утверждаютъ современные пси-

¹⁾ Введенскій „Вѣра въ Бога, ея происхожденіе и основанія“ 109 стр.

²⁾ „О свидѣтельствѣ души“ V гл.

хологи, показываетъ, что для него всего легче выбрать—и онъ дѣйствительно выбираетъ—ту потребность или влеченіе своей природы, которое получило уже полное развитіе подъ вліяніемъ внѣшнихъ факторовъ, какъ-то: семейнаго воспитанія, школьнаго обученія и направленія данной эпохи. Этою-то, между прочимъ, легкостью и обуславливается то обстоятельство, что люди, получившіе одно воспитаніе, жившіе въ одну эпоху, въ большинствѣ случаевъ имѣютъ и одинаковыя вѣрованія. Такъ, напримѣръ, люди, жившіе въ эпоху религіознаго воодушевленія и получившіе соотвѣтствующее ей воспитаніе, имѣютъ особенно развитымъ религіозное влеченіе, въ силу котораго и главнымъ предметомъ вѣры ихъ являются религіозныя идеи; между тѣмъ какъ люди, жившіе въ эпоху торжества матеріализма и воспитанные въ его духѣ, имѣютъ особенно развитыми низшія, чисто житейскія влеченія, подъ вліяніемъ которыхъ и вѣрятъ только въ тѣ идеи, которыя имъ соотвѣтствуютъ.

Правда, при всѣхъ тѣхъ наслоеніяхъ, какія накладываетъ на человѣческую природу окружающая жизнь, религіозное влеченіе всегда заявляетъ о себѣ человѣку, такъ что онъ никогда не можетъ лишиться возможности, съ одной стороны, быть нерелигіознымъ, съ другой—быть религіознымъ; тѣмъ не менѣе возводитъ эту религіозность на степень добродѣтели никакъ нельзя. Этому препятствуетъ отчасти уже то обстоятельство, что въ силу стѣсненія влеченія къ Божеству другими, болѣе развитыми подъ вліяніемъ внѣшнихъ факторовъ, потребностями—сдѣлать его главною основою своей жизни и дѣятельности человѣкъ оказывается совершенно не въ силахъ. Но главнымъ образомъ нельзя признать за религіозною вѣрою, хотя бы она была создана и собственными усиліями человѣка, характеръ добродѣтели потому, что въ вѣрѣ важна не самая сила вѣры только, но и предметъ ея. Говоря другими словами, вѣру религіозную можно вмѣнять въ заслугу человѣку при томъ лишь условіи, если человѣкъ не только свободно и сознательно избираетъ въ качествѣ основы своей дѣятельности влеченіе къ Божеству, но вмѣстѣ съ тѣмъ свободно и сознательно для удовлетворенія этого влеченія выбираетъ такія ре-

лигіозныя истины, въ истинности которыхъ онъ несомнѣнно убѣдился. Между тѣмъ въ дѣйствительности, съ психологической точки зрѣнія, какъ въ томъ случаѣ, когда господство въ человѣкѣ религіознаго влеченія обусловливается всецѣло внѣшними факторами, такъ и во второмъ, когда оно создается лично самодѣятельностью человѣка, самый предметъ религіозной вѣры, которымъ питается и удовлетворяется влеченіе къ Божеству, избирается и воспринимается человѣкомъ прежде оправданія его истинности,—и только уже въ послѣдствіи человѣкъ начинаетъ обосновывать выборъ этого предмета и воспитывать въ себѣ вполнѣ сознательно самую вѣру въ него. А при такихъ условіяхъ, понятно, религіозная вѣра не только не можетъ становиться добродѣтелью, но и уничтожается всякое преимущество въ вѣрѣ лицъ, исповѣдующихъ различныя религіи. И въ самомъ дѣлѣ, за что хвалить христіанина, что онъ выбралъ предметомъ своей вѣры—Христа, и за что порицать магометанина, что онъ выбралъ Магомета, если у того и другого изъ этихъ двухъ вѣрующихъ выборъ предмета вѣры совершается раньше самаго оправданія этого выбора?

Итакъ въ концѣ концовъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ вѣра христіанская вмѣняется въ заслугу человѣку, остается открытымъ.

Но если этотъ вопросъ не можетъ быть всецѣло рѣшенъ на почвѣ психологіи, то его прекрасно рѣшаетъ само христіанство—при раскрытіи субъективной стороны спасенія человѣка. И что особенно замѣчательно,—рѣшеніе этого вопроса въ положительномъ смыслѣ не только не отвергаетъ выводовъ современныхъ психологовъ о вѣрѣ вообще, но еще болѣе ихъ осмысливаетъ. Прежде всего христіанство ясно утверждаетъ—согласно съ психологіей,—что если самосознаніе и свидѣтельствуетъ о полной свободѣ человѣка въ выборѣ своихъ влеченій, то въ дѣйствительной жизни человѣкъ болѣе руководится низменными влеченіями. „Не еже бо хочу доброе, творю: но еже не хочу злое—сіе содѣваю“ (Рим. VII, 19), говоритъ св. апостолъ Павелъ. Но если психологія причину этого печальнаго явленія усматриваетъ въ тѣхъ наслоеніяхъ, какія приносятъ въ человѣка окружающая его жизнь, способую-

щая по большей части, именно, развитію низменныхъ влеченій, то христіанство полагаетъ ее въ поврежденности человѣческой природы вообще, въ ея удобопреклонности болѣе ко злу, нежели къ добру. Корень же поврежденности человѣческой природы, по христіанскому воззрѣнію, заключается не въ какихъ-либо внѣшнихъ вліяніяхъ, которыя могутъ лишь усиливать ее, но въ такъ называемомъ первородномъ грѣхѣ, совершенномъ нашими прародителями въ раю и распространившемся путемъ рожденія на весь родъ человѣческій.

Если на основаніи Божественнаго откровенія мы можемъ видѣть, что первые люди тотчасъ по сотвореніи обладали чистою формальною свободой, которая выражалась въ томъ, что они были способны съ одинаковою легкостью какъ къ добру, такъ и ко злу, такъ какъ не связали себя еще никакимъ актомъ добра и зла ¹⁾, и которую должны обратить въ реально-добрую, то послѣ своего грѣхопаденія они уже не имѣли ея: она была обращена ими въ реально-злую и такую передана потомкамъ. Отсюда, по выраженію апостола, человѣкъ по истинѣ есть „рабъ грѣха“ (Рим. VII, 14), такимъ образомъ съ христіанской точки зрѣнія о дѣйствительномъ существованіи въ человѣкѣ формальной свободы не можетъ быть и рѣчи. Правда, склонность къ добру, въ частности, влеченіе къ Божеству, у павшаго или, такъ называсмаго, естественнаго человѣка не изсякли, остались; однако они грѣхомъ настолько были ослаблены и помрачены, что человѣкъ совсѣмъ почти потерялъ истинный путь жизни и утратилъ способность легко и безошибочно отличать истину отъ лжи. На этой же почвѣ произошло то, что люди, по слову апостола, „измѣниша славу нетлѣннаго Бога въ подобіе образа тлѣнна, человѣка, и птицъ, и четвероногъ, и гадъ“. (Рим. I. 23). Разумѣется, говорить о добродѣтельности дѣйствій естественнаго человѣка совсѣмъ не приходится. Добро, къ какому способенъ естественный человѣкъ, по ученію восточныхъ патріарховъ, „не содѣйствуетъ спасенію человѣка, не есть спасительное добро..., хотя“, съ другой стороны, „и не есть зло, не служитъ къ осужденію его“ ²⁾. Не составляютъ въ этомъ отношеніи исклю-

¹⁾ Правосл. обозр. 1886 г., май—іюнь. Ялышевъ.

²⁾ Посл. Вост. патр. 14 гл.

ченія и древніе евреи. Высокія религіозныя истины, сообщенныя имъ Богомъ, даже самыхъ лучшихъ изъ нихъ приводили лишь къ признанію всей своей грѣховности и полного безсилія въ дѣлѣ благоугожденія Богу и спасенія.

Теперь очевидно, что для того, чтобы вѣра христіанская могла вмѣняться въ заслугу человѣку и онъ могъ спастись, необходимо возстановить въ немъ формальную свободу, благодаря которой человѣкъ могъ бы вполне убѣдиться въ истинности христіанской религіи и затѣмъ свободно и сознательно воспринимать въ себѣ всецѣлую преданность Христу.

И дѣйствительно, по христіанскому воззрѣнію, вѣра во Христа представляетъ изъ себя ни что иное, какъ извѣстное отношеніе ко Христу человѣка уже формально освобожденнаго; самое же возстановленіе въ немъ формальной свободы совершается, по ученію слова Божія, дѣйствіемъ евангельской благодати, какъ особенной божественной силы, явленной во Христѣ. Само собою понятно, что это дѣйствіе евангельской благодати неразрывно связано съ проповѣдью о Христѣ, такъ какъ для того, чтобы формально—освобожденный человѣкъ могъ поставить себя въ то или иное отношеніе ко Христу, онъ долженъ знать о Немъ. Самъ „апостоль языкъ“ говоритъ, что спасается тотъ, кто вѣруетъ въ Господа, и дальше: „како увѣруютъ, Егоже не услышаша? како же услышатъ безъ проповѣдующаго?... тѣмже убо вѣра отъ слуха, слухъ же глаголомъ Божиимъ“ (Рим. X. 14, 17). На этомъ, между прочимъ, основана священное писаніе и самое слово Божіе иногда называетъ „словомъ благодати“ (Дѣян. XXI, 32) и возрожденіе людей приписываетъ, именно, „слову истины“ (Іак. I, 18). Что дѣйствительно благодать дѣйствуетъ чрезъ проповѣдь или евангеліе о Распятомъ, это въ особенности ясно видно изъ повѣствованія дѣписателя объ обстоятельствахъ обращенія въ христіанство Лидіи, женщины изъ города Фиагиръ. Когда она слушала бесѣду апостола Павла съ женщинами, собравшимися въ молитвенномъ домѣ своего города, то Господь, по словамъ Луки, „отверзъ сердце ея внимати глаголемымъ отъ Павла“. „А такъ какъ вниманіе возможно только къ такимъ словамъ, которыя почему-либо для насъ цѣнны и интересны, то оче-

видно, что и вниманіе Лидіи къ бесѣдѣ апостола о Христѣ обусловливалось именно тѣмъ, что сердце ея сочувствовало словамъ и дѣламъ Христа: это-то нравственное сочувствіе или, что тоже, оживленіе религіознаго чувства Лидіи совершилось именно тогда, когда разговоръ Павла достигалъ ея внѣшняго слуха¹⁾. вмѣстѣ съ тѣмъ изъ этого новѣствованія св. дѣяписателя Луки видны и тѣ дѣйствія, какія производитъ благодать въ душѣ человѣка и которыя могутъ быть названы именно —возстановленіемъ формальной свободы человѣка. Сущность этихъ дѣйствій состоитъ въ томъ, что внутри человѣка оживляются религіозное влеченіе и другія высшія стремленія и получаютъ свойственную имъ энергію. Находясь подъ вліяніемъ евангельской благодати въ такомъ состояніи, человѣкъ, съ одной стороны, вполне ясно видитъ всю грѣховность своей прежней жизни, все ея несоотвѣтствіе своему назначенію, а съ другой стороны, слыша проповѣдь евангельскую, онъ вполне убѣждается въ томъ, что христіанскія истины суть именно тѣ истины, которыя могутъ вполне удовлетворить всѣмъ идеальнымъ запросамъ его духа и могутъ способствовать выполненію имъ своего назначенія. Такимъ образомъ, здѣсь религіозное влеченіе формально освобожденнаго человѣка и христіанское ученіе, какъ истинное,—какъ такое, которое какъ нельзя лучше приурочено къ человѣческой природѣ, вполне совпадаютъ и взаимно себя подтверждаютъ.

Очевидно, что формальная свобода призываемаго евангельскою благодатью выражается не въ томъ, что онъ является чуждымъ какъ добра, такъ и зла,—какъ это было у первыхъ людей, а въ томъ, что теперь у него добро и зло имѣютъ одинаковую степень силы и вліянія на свободу человѣка. Въ актѣ воздѣйствія евангельской благодати человѣкъ, какъ выражается преосвященный Теофанъ, „поставляется на точкѣ безразличія между добромъ и зломъ“, или „стоитъ точно между двумя распутьями и ему предлежитъ рѣшительный выборъ“²⁾. Обычно отцы и учителя церкви моментъ возстановленія подъ вліяніемъ Христовой благодати формальной свободы человѣка

¹⁾ Прав. обоз. 1856 г. Декабрь. Янышевъ.

²⁾ Путь ко спасенію. Изд. 3. 1875 г. 198 стр.

сопоставляютъ съ тѣмъ моментомъ изъ жизни приточнаго блуднаго сына, когда онъ „пришелъ въ себя“, т. е. съ одной стороны, созналъ всю ненормальность своего существованія, съ другой—вспомнилъ объ отцовскомъ домѣ, какъ единственномъ исходѣ изъ этого положенія. И какъ далѣе исключительно отъ самого блуднаго сына зависѣло,—идти ему или не идти къ отцу, такъ равнымъ образомъ и вся дальнѣйшая судьба формально-освобожденнаго человѣка всецѣло зависитъ отъ него самого; онъ можетъ послушаться голоса призывающей благодати и горячо увѣровать во Христа, но можетъ и не послушаться, и вполне сознательно отвергнуть Божественную истину. Само собою понятно, что прежде чѣмъ рѣшиться на тотъ или иной шагъ, человѣку приходится пережить мучительную внутреннюю борьбу между грѣховными своими склонностями, побуждающими его продолжать вести прежній образъ жизни, и оживленнымъ религіознымъ влеченіемъ, требующимъ отъ него вступленія на истинный путь жизни; въ немъ происходитъ тягостный процессъ колебаній и размышленій, подобно тѣмъ размышленіямъ, какимъ предавался блудный сынъ. Впрочемъ, внутренняя борьба въ человѣкѣ не прекращается и послѣ окончательнаго его рѣшенія послѣдовать за Христомъ, завершившагося принятіемъ таинства крещенія, въ которомъ онъ очищается отъ всѣхъ своихъ грѣховъ и возрождается въ новую жизнь; въ немъ остаются еще навыки прежней грѣховной жизни, которые всегда почти заявляютъ о своемъ существованіи и тѣмъ самымъ причиняютъ ему тяжелыя нравственныя терзанія. Чтобы воспитать въ себѣ всецѣлую преданность Христу, какъ своему Богу и Спасителю, и чрезъ это самое обратить формальную свою свободу, возстановленную въ немъ евангельскою благодатью, въ реально-добрую, человѣку, очевидно, постоянно приходится быть въ напряженности и бдительности и всегда быть готовымъ къ борьбѣ съ невидимыми врагами. Такимъ образомъ путь къ вѣрѣ—добродѣтели есть путь борьбы. На этотъ-то тернистый путь къ вѣрѣ въ Христову истину, путь борьбы, какъ единственный можно сказать, указалъ между прочимъ, и Самъ Спаситель,—когда, призывая людей къ вѣрѣ въ Себя, Онъ требовалъ предварительно отъ

нихъ покаянія, какъ неотдѣлимаго отъ первой: „покайтесь и вѣруйте“, говорилъ Онъ.

Замѣчательно, что тотъ путь, который уквзываетъ христіанство человѣку для полнаго воплощенія имъ въ себѣ Христовой истины, именно, съ одной стороны, путь борьбы съ дурными навыками, а съ другой постояннаго памятованія о Христѣ и неослабнаго стремленія къ Нему, рекомендуютъ и психологи — если не въ отношеніи христіанской истины, то въ отношеніи вообще религіозныхъ идей. Такъ, напримѣръ, Пейо говоритъ, что для того, чтобы доставить религіознымъ идеямъ господствующее положеніе въ сознаниі, т. е. сдѣлать ихъ предметомъ твердой вѣры, для этого необходимо прежде всего сознать во всей глубинѣ вредъ и ничтожество низменныхъ стремленій природы человѣка, и затѣмъ обратить все вниманіе свое на религіозные ея запросы. Благодаря остановкѣ вниманія, которое играетъ весьма важную роль въ дѣлѣ „повышенія и пониженія порога сознаниа“, на религіозныхъ запросахъ, выдвигаются въ сознаниі на передній планъ сродные послѣднимъ психическіе элементы. Послѣ этого каждая религіонзная истина или идея, запавши въ душу человѣка, оказывается въ родной средѣ интересовъ; въ силу же этого она приобрѣтаетъ необыкновенную живость, такъ что невольно возбуждаетъ въ человѣкѣ чувство реальности, т. е. дѣлается предметомъ твердой вѣры. Впрочемъ понятно, что въ данномъ случаѣ вѣра никоимъ образомъ не можетъ считаться добродѣтелью, такъ какъ самодѣятельность человѣка простирается здѣсь лишь на воспитаніе въ себѣ силы вѣры, самый же предметъ ея является чисто случайнымъ и воспринимается на первыхъ порахъ помимо убѣжденія въ его истинности и безъ всякаго его обоснованія. Приведенное нами психологическое воззрѣніе на процессъ образованія религіозной вѣры только лишній разъ показываетъ намъ все соотвѣтствіе христіанскаго ученія о вѣрѣ съ законами развитія духовной жизни человѣка, и побуждаетъ — въ цѣляхъ вмѣненія вѣры во Христа въ заслугу человѣку — признать необходимость благодатнаго воздѣйствія. По христіанскому ученію, дѣйствіе евангельской благодати не ограничивается лишь однимъ возстановленіемъ

въ человѣкѣ формальной свободы воли; благодать вспомо-
ствуетъ человѣку и при дальнѣйшемъ его движеніи по пути
жизни во Христѣ Іисусѣ, такъ что, по выраженію апостола,
Богъ есть въ полномъ смыслѣ „дѣйствующій въ насъ (христи-
анахъ) и еже хотѣти, и еже дѣяти о благоволеніи“ (Филип.
II, 13), и вѣра есть ничто иное, какъ именно „плодъ духов-
ный“ (Гал. V, 22). Восточные патріархи, между прочимъ, по-
учаютъ, что христианинъ „не можетъ самъ по себѣ творить
дѣль, достойныхъ жизни по Христѣ, а только можетъ желать
или не желать дѣйствовать согласно съ благодатью“¹⁾. Точно
также и одинъ извѣстный пашъ богословъ говоритъ, что бла-
годать „есть главное основаніе и источникъ вѣры, особенно
вѣры истинной православной: здѣсь все отъ Бога; наша обя-
занность только съ благодарностью принимать и усвоить да-
руемое“²⁾. Само собою понятно, что въ этомъ воздѣйствіи на
насъ евангельской благодати никакъ нельзя усматривать ка-
кого-либо стѣсненія нашей свободы воли. „Богъ, какъ выра-
жается Іоаннъ Дамаскинъ, не вынуждаетъ добродѣтели“³⁾, и
подаваемая Имъ благодать лишь побуждаетъ человѣка вѣро-
вать во Христа; слѣдовать или не слѣдовать ея призыву
вполнѣ зависитъ отъ воли человѣка. При такомъ воззрѣніи
на дѣйствія благодати—вѣра во Христа, очевидно можетъ
считаться добродѣтелью въ полномъ смыслѣ этого слова.

А такъ какъ евангельская благодать, дарующая человѣку
возможность свободно и сознательно совершать свое спасеніе,
связана съ проповѣдью о Христѣ, т. е. она изливается тамъ,
гдѣ возвѣщается слово о Богѣ Спасителѣ, то, очевидно, вѣра
можетъ вмѣняться въ заслугу человѣку только въ христиан-
ствѣ, т. е. только вѣра во Христа есть добродѣтель. Гдѣ нѣтъ
этой благодати, т. е. гдѣ Христосъ еще не возвѣщался, тамъ,
понятно, о вѣрѣ, какъ добродѣтели, не можетъ быть и рѣчи.
Очевидно также, что въ христианствѣ только человѣкъ и под-
лежитъ всей отвѣтственности за свое невѣріе, именно, какъ
за сознательное противленіе истинѣ. Христианинъ уклонив-

¹⁾ Посл. Восточ. патр. 14 гл.

²⁾ Арх. Амвросій, пропов. 1873 г. 169 стр.

³⁾ Изложеніе православной вѣры 130 стр.

шійся отъ жизни во Христѣ, по ученію Церкви, испадаетъ въ положеніе естественнаго человѣка. Возвращеніе его къ свѣту Христовой истины, обусловливается опять всецѣло содѣйствіемъ евангельской благодати, которая ведетъ его къ добродѣтели тѣмъ же самымъ путемъ, которымъ ведетъ и естественнаго человѣка. И если божественная благодать—съ цѣлью дать возможность естественному человѣку болѣе успѣшно идти по пути вѣры Христовой—установила таинство крещенія, въ которомъ онъ очищается отъ всѣхъ прежнихъ своихъ грѣховъ, то ею же установлено и для грѣшнаго христіанина таинство покаянія, въ которомъ онъ, утѣшивши свои недуги душевные, получаетъ силу снова начать восхожденіе къ совершенству, чтобы сдѣлаться причастникомъ божественной жизни.

Сопоставивъ, такимъ образомъ, христіанское ученіе о вѣрѣ, какъ добродѣтели, съ психологическимъ ученіемъ объ ней, мы находимъ, что оно не только не отвергаетъ общихъ положеній послѣдняго, напротивъ, сообщаетъ имъ большую глубину и сверхъ того даетъ ключъ къ разгадкѣ многихъ явленій исторической жизни человѣчества, непонятныхъ съ психологической точки зрѣнія. И въ самомъ дѣлѣ, можетъ ли психологія объяснить естественнымъ путемъ глубокую вѣру во Христа у многихъ тысячъ людей въ первое столѣтіе существованія христіанской церкви? Сказать, что религіозно-нравственная жизнь предъ временемъ появленія христіанства представляла изъ себя вполне пригодную почву для сѣянія божественныхъ словесъ и для ихъ успѣшнаго восхода въ душахъ людей, явится несомнѣнно грубой ошибкой. Напротивъ, на основаніи показаній исторіи мы можемъ смѣло утверждать, что никогда еще человѣчество со стороны своего духовнаго содержанія не было такъ чуждо христіанства, какъ въ это время. Точно также необъяснимымъ съ психологической точки зрѣнія является фактъ появленія героев христіанской жизни въ эпоху глубокаго религіозно-нравственнаго паденія, на примѣръ въ эпоху матеріализма, и въ частности, фактъ обращенія князя Владиміра къ вѣрѣ во Христа. Между жизнью князя Владиміра—язычника и жизнью князя Василя—христіанина нѣтъ положительно ничего общаго. Если до обращенія въ хри-

стіанство онъ отличался воинственностью, жестокостью, сладострастіемъ и ревностнымъ служеніемъ идоламъ, выразавшимся въ человѣческихъ жертвахъ, то въ христіанствѣ онъ является воплощеніемъ смиренія, кротости и сострадательной любви къ людямъ, простиравшейся и на преступниковъ. И только христіанство своимъ ученіемъ о благодати евангельской снимаетъ покрывало съ этихъ непонятныхъ для насъ съ точки зрѣнія психологіи историческихъ явленій; только вліяніемъ евангельской благодати, между прочимъ, можно объяснить и глубокую вѣру князя Владиміра во Христа,—благодати, оживившей у него, въ моментъ раскрытія ему греческимъ монахомъ христіанскаго ученія, влеченіе къ Божеству, и указавшей ему тотъ родникъ воды живой, который могъ напоить его жаждавшую душу.

Ф. Кожеевниковъ.

ПРАКТИЧЕСКАЯ НЕВОЗМОЖНОСТЬ СОЦИАЛИЗМА.

Соч. В. Катрейна.

Авторизованный переводъ съ 9-го нѣмецкаго изданія

СВЯЩЕННИКА Н. ЛИПСКАГО.

(Продолженіе *).

ТРЕТІЙ ОТДѢЛЪ.

Добываніе продуктовъ и прогрессъ въ социализмѣ.

§ 1. Соціалистическія мечтанія.

Главари социалистовъ обѣщаютъ своимъ послѣдователямъ золотыя горы. Поменьше труда и побольше наслажденій—вотъ настоящая квинтъ—эссенція социализма ¹⁾. Это можно видѣть, наир., изъ книги Бебеля „Женщина“, которую иронически, но вполнѣ справедливо называютъ „зеленымъ Бадкеромъ въ землю Утопія“.

Если вѣрить этому народному трибуну, то трудъ въ социализмѣ, благодаря прекраснымъ приспособленіямъ, а также потому, что постоянно будутъ мѣняться виды и формы труда, будетъ почти отдыхомъ: большинство работъ примутъ формы занимательной „игры“. При этомъ трудъ, вслѣдствіе объединеннаго правильнаго регулированія и разумнаго использованія орудій производства, станетъ настолько продуктивнымъ, что достаточно будетъ двухъ—трехъ часовъ ежедневной работы,

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 6 за 1908 г.

¹⁾ Осторожный въ другихъ случаяхъ, въ этомъ отношеніи самъ Маресь по-казалъ примѣръ. На высшей ступени коммунистическаго общества, послѣ того какъ каждый отдѣльный индивидуумъ получитъ „всестороннее“ развитіе, „всѣ источники народнаго богатства, по его мнѣнію, потекутъ въ изобиліи“. По мнѣнію Каутскаго (Das Erfurter Programm, 163) переходъ отъ капиталистическаго производства къ социалистическому вызоветъ „непремѣнно быстрое и значительное повышеніе ежегодной выработки продуктовъ“.

чтобы удовлетворить всѣ общественныя потребности ¹⁾. „Удовлетвореніе потребностей личныхъ, индивидуальныхъ будетъ находиться въ согласіи съ требованіями общаго блага, одно другое будетъ покрывать“ ²⁾. Лѣвтяевъ не будетъ вовсе. Моральная атмосфера каждаго будетъ располагать къ уступчивости, „къ предпочтенію другихъ самому себѣ“ ³⁾. Исчезнетъ „различіе между интеллигентными и невѣждами“ ⁴⁾. Возникнетъ цѣлый „міръ склонностей и способностей, о которыхъ не подозрѣвали раньше“, которыя были подавляемы капиталистической системой производства ⁵⁾. Теперь больше не знаютъ „о проступкахъ и преступленіяхъ политическихъ и общественныхъ“ ⁶⁾. Казармы и другія зданія, предназначенныя для военныхъ надобностей, зданія судебныхъ и правительственныхъ учрежденій, тюрьмы и проч. получаютъ другое, лучшее назначеніе. Націи перестаютъ относиться одна къ другой враждебно и вступаютъ въ отношенія чисто „братскія“. Наступитъ время „вѣчнаго мира“. Послѣднее оружіе поступитъ въ музей древностей. Живя въ мирѣ другъ съ другомъ, народы все выше и выше поднимаются по ступенькамъ культуры.

Земледѣліе будетъ поставлено на очень высокую степень совершенства. Будутъ проведены каналы, осушены болота и топи, устроены прекрасныя пути сообщенія. Все это превратитъ страну въ огромный цвѣтушій садъ и населеніе изъ городовъ потянется въ деревни. Въ деревняхъ, какъ и въ городахъ, будутъ музеи, театры, концертныя залы, залы для игръ и увеселеній, столовыя, читальни, библіотеки, образовательныя учрежденія ⁷⁾, парки, мѣста для прогулокъ, общественныя купальни, лабораторіи, госпитали и т. п.; всѣмъ этимъ можно будетъ каждому свободно пользоваться.

Въ социализмѣ позаботятся также о гармоническомъ раз-

¹⁾ Въ первомъ изданіи своей книги Бебель считаетъ достаточнымъ 1½—2—часовой ежедневный трудъ; то же думаетъ Герцва (*Gesetze der sozialen Entwicklung*, 1886 г., 60). Кравоткинъ (*La conquête du pain*, Paris, 1892 г., 274) держится мнѣнія, что въ будущемъ обществѣ рабочий день будетъ продолжаться пять часовъ.

²⁾ *Die Frau*, 351.

³⁾ *Ibid.* 369.

⁵⁾ *Die Frau*, 369.

⁷⁾ *Die Frau*, 401.

⁴⁾ *Ibid.* 369.

⁶⁾ *Ibid.* 405.

⁸⁾ *Ibid.* 384.

вити и образованіи человѣка. Будетъ множество ученыхъ и художниковъ всякаго рода. Появятся тысячи блестящихъ талантовъ: музыкантовъ, актеровъ, художниковъ, ученыхъ, не по профессіи—потому что всѣ должны участвовать въ общественномъ производствѣ,—но по призванію, людей таланта и гениа. „Настанетъ эра науки и искусства, какой еще никогда не видывалъ міръ; и изумительны будутъ созданія этого искусства и науки“¹⁾. Каждый будетъ имѣть возможность удовлетворить свое стремленіе къ разнообразію²⁾. Каждый можетъ совершить „каникулярное путешествіе“, можетъ посѣтить чужія страны и части свѣта, присоединиться къ экспедиціямъ и колонизаціоннымъ развѣдкамъ всякаго рода, которыя во множествѣ будутъ предприниматься, если онъ даетъ обществу соотвѣтствующій трудъ³⁾. Коротко сказать: сердце, чего ты еще хочешь? Теперь впервые человѣчество достигнетъ наивысшей степени развитія. Наконецъ-то наступитъ золотой вѣкъ, о которомъ человѣчество мечтало и вздыхало въ теченіе тысячелѣтій“⁴⁾.

Каутскій также предпринялъ рискованное путешествіе въ прославленную страну будущаго государства и нарисовалъ для рабочихъ прекрасную картину этой, текущей молокомъ и медомъ, страны. Социализмъ „принесетъ человѣчеству безопасность, покой и отдыхъ, онъ возвыситъ духъ человѣка надъ повседневными мелочными интересами... онъ сдѣлаетъ личность независимой.. Онъ въ то же время сгладитъ различіе между городомъ и деревней, сдѣлаетъ доступными для людей всѣ сокровища богатой культуры и возвратитъ ихъ къ природѣ, изъ которой они будутъ черпать силы и жизнерадостность“. „Однихъ онъ спасаетъ отъ нищеты и приниженности, другихъ—отъ пресыщенія“. „Устраняетъ социализмъ бѣдность, пресыщеніе, все, противное природѣ, дѣлаетъ человѣка жизнерадостнымъ, способнымъ цѣнить красоту и наслажденія. При этомъ онъ всѣмъ предоставляетъ свободу научнаго и художествен-

1) Ibid. 420

2) Ibid. 424.

3) Ibid. 385 (18 Aufl). Въ новѣйшихъ изданіяхъ Бебель вычеркнулъ «каникулярныя путешествія». Подобно Бебелю и I. Штернъ (Thesen über den Socialismus, 25, 34) фантазируетъ относительно будущаго социалистическаго рая. Можно допустить это удовольствіе при достаточно живой силѣ воображенія.

4) Bebel, Die Frau, 441.

наго творчества". Возникнетъ „сверхчеловѣкъ“, который пре-
взойдетъ самые высокіе типы людей, до сихъ поръ существо-
вавшіе, при этомъ сверхчеловѣкъ не будетъ даже исключеніемъ, а
будетъ общимъ правиломъ; онъ будетъ сверхчеловѣкомъ по срав-
ненію со своими предками, но не со своими товарищами -- со-
временниками. Это будетъ человѣкъ возвышенной души, ко-
торый ищетъ себѣ удовлетворенія... въ томъ, чтобы быть ве-
ликимъ между великими, счастливымъ между счастливыми,
который будетъ почерпать сознание своей силы изъ того...,
что союзъ съ равными, стремящимся къ одной цѣли людьми
даетъ ему мужество братья за разрѣшеніе величайшихъ проб-
лемъ. Мы, такимъ образомъ, въ правѣ ожидать, что *насту-*
питъ царство силы и красоты, достойное идеологовъ нашихъ
глубочайшихъ и благороднѣйшихъ мыслителей“ ¹⁾.

§ 2. Трудолюбіе и бережливость въ социализмѣ.

Къ сожалѣнію, не имѣется никакого моста, который бы
велъ отъ этихъ социалистическихъ мечтаній къ дѣйстви-
тельности. Несомнѣнно, что во всякой густо населенной, цивили-
зованной странѣ земля въ состояніи пропитать жителей только
при условіи самаго напряженнаго труда и величайшей береж-
ливости въ расходованіи орудій производства. При современ-
номъ общественномъ строѣ нѣтъ недостатка въ побужденіяхъ
къ этому трудолюбію, къ бережливости. Собственный интересъ,
необходимость содержать себя и потомство cadaго побуждаетъ
къ постоянной, энергической дѣятельности. Скорѣе мы можемъ
пожаловаться на излишекъ стремленій къ приобрѣтенію, чѣмъ
наоборотъ; столь же малоумѣстны были бы жалобы на нерас-
четливое употребленіе производственныхъ средствъ: сырого
матеріала, верстаковъ, машинъ, фабрикъ и т. п. Въ большин-
ствѣ случаевъ только этимъ и обуславливается успѣшность
предпріятій. Задача частныхъ предпринимателей въ томъ именно
и состоитъ, чтобы, при наименьшей затратѣ труда, матеріала
и времени, производить возможно больше, возможно дешевле
и лучше. Всегда, разумѣется, возможно, что плохіе работники
и шарлатаны будутъ вносить разстройство и беспорядокъ въ
дѣло, но такія личности и предпріятія не могутъ рассчитывать

¹⁾ Am Tage nach der socialen. Revolution, 48.

на прочное положеніе въ обществѣ. Въ 99 случаяхъ изъ 100 шарлатанство обнаруживается и, если шарлатанъ имѣеть временный успѣхъ, то это происходитъ не безъ содѣйствія легковѣрныхъ и жадныхъ къ наживѣ покупателей, а также очень часто отъ несовершенства законовъ, отъ небрежности администраціи, которая не принимаетъ надлежащихъ мѣръ къ обузданію шарлатановъ.

Каково же будетъ трудолюбіе въ социалистическомъ государствѣ? Какова будетъ бережливость по отношенію къ орудіямъ производства?

Марксъ увѣряетъ: „На высшей фазѣ коммунистическаго развитія трудъ не будетъ болѣе служить для добыванія средствъ къ жизни, но самъ *станетъ жизненной потребностью*, т. е., вы будете, какъ боги“.

Бebelъ старается превзойти своего учителя, давая еще болѣе широкія обѣщанія. „Трудъ, основанный на полной свободѣ и равенствѣ, когда одинъ стоитъ за всѣхъ и всѣ за одного, когда поэтому царитъ полная солидарность, будетъ возбуждать такое трудолюбіе и такое взаимное соревнованіе, какихъ мы нигдѣ не встрѣчаемъ при современной системѣ производства... Само собою разумѣется, что это самымъ благотворнымъ образомъ отражается на продуктивности труда“ ¹⁾. „Далѣе, такъ какъ всѣ взаимно другъ на друга работаютъ, то они заинтересованы въ томъ, чтобы предметы производства изготовлялись наилучшимъ образомъ и съ наименьшей затратой времени и силъ въ видахъ или сокращенія рабочаго времени, или чтобы выиграть время для изготовленія новыхъ продуктовъ для удовлетворенія высшихъ запросовъ“ ²⁾.

Все это, однако, только лишь слова. Какой интересъ въ социалистическомъ государствѣ можетъ побуждать рабочаго къ честной работѣ изо дня въ день, а также къ бережливому обращенію съ орудіями производства? Результатъ его трудолюбія достается ему лишь въ самой ничтожной части. Если мы въ социалистическомъ обществѣ предположимъ миллионъ товарищей, то каждый изъ нихъ получаетъ только одну миллионную долю результата собственнаго труда. И если онъ да-

¹⁾ Die Frau, 348.

²⁾ Ibid.

ромъ потеряетъ время, то онъ теряетъ также миллионную долю того, что было бы достигнуто при его трудолюбии ¹⁾.

Въ самое недавнее время Каутскій тщательно изслѣдовалъ вопросъ о томъ, какъ можно будетъ въ будущемъ государствѣ „расположить къ труду“.

Прежде всего онъ рассчитываетъ на силу привычки, которая будетъ привлекать рабочаго къ труду. „Приученный капиталомъ работать изо дня въ день современный *рабочій* прямо не выноситъ долгого пребыванія безъ работы. Встрѣчаются даже люди, до того привыкшіе къ своей работѣ, что они просто не знаютъ, что имъ дѣлать со своимъ свободнымъ временемъ; они чувствуютъ себя несчастными, когда не имѣютъ возможности работать“. „Но нельзя, конечно, положиться на одинъ этотъ импульсъ къ работѣ,—онъ самый слабый“ ²⁾. Гораздо болѣе вѣрное средство „пролетарская дисциплина“. Уже и въ настоящее время рабочіе съ упорствомъ трудятся, когда этого требуетъ интересъ производственной артели, общества. Такъ думаетъ Каутскій. Но при этомъ онъ упускаетъ изъ виду, что въ настоящее время у рабочаго есть собственный интересъ, интересъ самосохраненія, который и заставляетъ рабо-

¹⁾ Прекрасной иллюстраціей къ тому, что говорить о трудолюбии и прилежаніи, какими будутъ отличаться граждане будущаго государства, можетъ служить типографія Вернера, вѣстимаго оратора берлинскихъ „молодыхъ“ социалстовъ, о которой сообщаютъ берлинскія газеты. Такъ какъ социалсты вообще не одобряютъ подряднаго способа работъ, то Вернеръ наборщиковъ своей типографіи поставилъ на опредѣленное жалованье—30 марокъ въ недѣлю. Но эти послѣдніе, какъ докладывалъ Вернеръ въ общественномъ собраніи, иногда хитрили съдѣлать всего на 1½ марки въ недѣлю. Всякія увѣщанія оставались безуспѣшными. Когда компаньонъ Вернера попросилъ сотрудниковъ—рабочихъ о томъ, чтобы они тише себя вели, такъ какъ онъ не могъ работать при шумѣ и крикѣ, то они „заревѣли“, какъ выражается Вернеръ, марсельезу съ особеннымъ удареніемъ на словахъ: „долой тирановъ“. Вернеръ счелъ себя вынужденнымъ расчитать двухъ бунтовъ и снова ввести подрядной способъ работъ. Это маленькая жанровая картинка изъ будущаго социаль-демократическаго рая. Еще характернѣе результаты „красной хлѣбопекарни“, которая была основана социаль-демократами въ Берлинѣ и въ которой вскорѣ же между товарищами начались такіа разногласія и такіи грубѣйшими попреками и укорицами начали они угощать другъ друга, что общество должно было прекратить свое существованіе. (Germania“, 1892 г., № 154, 1 Blatt.) 30 ноября 1900 г. должно было выѣхать изъ Берлина партійное управленіе, чтобы положить конецъ соблазнительному спору, возгорѣвшемуся между типографіей Leipziger Volkszeitung и ея рабочими (социаль-демократами).

²⁾ Am Tage nach der sozialen Revolution, 15.

чаго стоять за артель, за товарищество въ борьбѣ за существованіе съ работодателями. Подъ дисциплиной, по мнѣнію Каутскаго, мы должны разумѣть не военную дисциплину, а дисциплину пролетарскую, демократическую, „добровольное подчиненіе выбраннымъ руководителямъ и рѣшенію большинства“. Но вѣдь существуютъ предприятия, „которые не могутъ обойтись безъ бюрократической организаціи, какъ напр. желѣзныя дороги“. Въ такихъ случаяхъ рабочіе „избираютъ делегатовъ, котрые образуютъ нѣчто въ родѣ парламента, и этотъ парламентъ устанавливаетъ распорядокъ работъ и наблюдаетъ за управленіемъ бюрократическаго аппарата“¹⁾. Итакъ, вводится подчиненіе! Впрочемъ, могутъ быть различныя формы демократическихъ организацій, нѣтъ надобности, чтобы онѣ устраивались по одному шаблону. Каутскій забываетъ только упомянуть, кто же устраиваетъ эти организаціи, кто имѣетъ рѣшающее значеніе въ дѣлѣ.

Привычка и дисциплина не составляютъ еще вполне достаточнаго стимула, побуждающаго рабочаго къ труду. „Пролетарскій режимъ долженъ будетъ позаботиться о томъ, чтобы *труда, являющійся теперь бременемъ, едмился наслажденіемъ, чтобы работать было пріятно*“. „Разумѣется, достигнуть этого не такъ просто“, тѣмъ не менѣе можно кое-что сдѣлать въ этомъ отношеніи, сокративши рабочее время, улучшивъ помѣщенія, гдѣ производится работа, въ гигиеническомъ и эстетическомъ отношеніи и устранивъ по возможности все, что придаетъ процессу производства непріятный отталкивающий характеръ. Какъ этого достигнуть, объ этомъ, къ сожалѣнію, не сказано, но Каутскій сознается, что „едва ли удастся въ своромъ времени сдѣлать пріятною работу на фабрикахъ и въ рудникахъ“. Поэтому нужно будетъ привлечь на помощь „заработную плату“, какъ средство заставить работать.

Къ этому пункту мы возвратимся еще въ другомъ мѣстѣ; замѣтимъ лишь теперь, что сами социалисты признаютъ необходимость привлеченія рабочаго къ труду *при помощи его собственнаго, личнаго интереса*. На разглагольствованіяхъ о духѣ общности, товарищества, о привлекательности труда, привычекъ, дисциплинѣ и т. п., очевидно, далеко не уѣдешь.

¹⁾ Ibid. 16.

Каррингъ ¹⁾ не безъ основанія полагаетъ, что отсутствіе въ социализмѣ личнаго интереса должно быть замѣнено другими стимулами. Но какими? Каррингъ отвѣчаетъ: „Идеаль социализма — чисто братская совмѣстная работа—можетъ быть осуществленъ только людьми съ *безупречною и дѣлательною совѣстью*“. Но тотъ, кто допускаетъ, что совѣсть матеріалистически и атеистически мыслящихъ социалистовъ будущаго будетъ дѣйствовать болѣе безупречно, чѣмъ совѣсть современнаго средняго пролетарія, того слѣдуетъ считать безнадежнымъ оптимистомъ.

Даже Шэффле, который имѣетъ величайшія симпатіи къ социализму, думаетъ: „При производственномъ товариществѣ, состоящемъ изъ одного милліона членовъ, еще недостаточно, чтобы продуцентъ А зналъ, что его социальный доходъ отъ труда обуславливается тѣмъ; чтобы 999999 другихъ товарищей были такъ же прилежны, какъ онъ самъ! Это не составляетъ еще достаточнаго контроля, но крайней мѣрѣ, не уничтожаетъ побужденія къ лѣни, къ нечестности въ трудѣ, не препятствуетъ тайкомъ сокращать рабочее время и дѣлать фальшивыя отмѣтки о произведенной будто бы тѣмъ или другимъ членомъ работѣ, какой на самомъ дѣлѣ не производилось имъ. Социализмъ долженъ будетъ каждого отдѣльнаго члена привязать къ общей работѣ столь же дѣйствительнымъ личнымъ интересомъ, какъ это имѣетъ мѣсто при современномъ либеральномъ способѣ производства; онъ долженъ будетъ выдавать преміи, награды за особо успешный трудъ для общества, а равно назначать штрафы за хозяйственныя упущенія; онъ долженъ будетъ матеріально вознаграждать за техническія усовершенствованія; справедливо оплачивать заслуги предъ обществомъ частныхъ лицъ; онъ долженъ будетъ умѣть dirigirовать огромнымъ количествомъ рабочихъ силъ, направлять ихъ къ мѣстамъ производства не по командѣ сверху, но такъ, чтобы сами рабочіе лично были заинтересованы тѣмъ или другимъ родомъ производства“ ²⁾.

Но этого-то именно личнаго интереса и не можетъ быть въ социализмѣ. Если бы пожелали, въ смыслѣ Шэффле, допустить

¹⁾ Das Gewissen im Lichte der Geschichte socialistischer und christlicher Weltanschauung, 96.

²⁾ Quintessenz der Socialismus, 31.

знаки отличія и выдачу премій, которыя были бы достаточны для того, чтобы въ теченіе года безостановочно, поддерживать производство, то это повело бы очень скоро къ возникновенію большихъ неравенствъ въ условіяхъ существованія, вмѣстѣ съ тѣмъ возникли бы поводы для ревности, зависти, недовольства. Такія отличія не мирятся, кромѣ того, съ социалистической теоріей цѣнности.

Мы думаемъ поэтому, что социализмъ, вмѣсто сокращенія рабочаго времени, очень скоро, будетъ вынужденъ удлинить его, чтобы не впасть въ нищету. По вычисленіямъ Энгеля ¹⁾, въ 1881 году въ Пруссіи при народонаселеніи въ 26.716,701 человекъ общая доходность составляла 9.530,706,362 марки. Такимъ образомъ, если раздѣлить поровну общую сумму дохода на всѣхъ жителей, то придется почти 357 м. на голову.

По очень точнымъ вычисленіямъ Зотгера и Бемерта, въ Пруссіи на каждаго человека приходилось дохода:

въ 1876 г.	316 марокъ
„ 1888 „	329 „
„ 1890 „	342 „
„ 1893—1894 г.	350 „
„ 1897—1898 „	390 „

Въ Саксоніи, по вычисленіямъ Роб. Мейера, сдѣланнымъ на основаніи данныхъ о подоходномъ налогѣ, приходилось дохода на человека:

въ 1882 г.	345, 45 марокъ
„ 1884 „	361, 57 „
„ 1886 „	385, 67 „
„ 1888 „	406, 56 „

Бемертъ исчисляетъ доходность каждаго жителя въ Саксоніи въ 1879 году въ 327, 41 м., въ 1892 г.—441, 91 м., въ 1896 г.—470 м.

Въ Великобританіи и Ирландіи доходность каждаго жителя въ 1886 году составляла 690 м., (по Зотгеру), въ 1895 г.—720 м. (по Мюльгаллю).

Такова средняя доходность въ современныхъ высококультур-

¹⁾ Der Wert des Menschen, 1888 г.

ныхъ государствахъ, гдѣ работаютъ такъ неутомимо, съ такой энергіей и прилежаніемъ. Если въ настоящее время при чрезвычайномъ напряженіи силъ, прилагаемыхъ къ производству, средний доходъ не особенно высокъ, то съ увѣренностію можно сказать, что въ социалистическомъ государствѣ онъ будетъ значительно ниже. И можно ли при этомъ еще мечтать о сокращеніи рабочаго времени!

Соціалисты обѣщаютъ своимъ послѣдователямъ сократить рабочее время до минимума. По Каутскому, рабочий день въ будущемъ государствѣ, по сравненію съ настоящимъ, долженъ сократиться на половину, т. е., будетъ составлять пять часовъ; по Бебелю, достаточно будетъ работать два—три часа въ день. Дѣйствительно, господа социалисты не должны быть скупы на подобнаго рода обѣщанія, если хотятъ, чтобы рабочіе были на ихъ сторонѣ. Потому что, если и въ будущемъ государствѣ придется работать столько же, какъ теперь, то какой толкъ въ эмансипаціи съ ея краснорѣчивыми и широкообѣщательными обѣщаніями?

Итакъ, предположимъ, что рабочее время шахтеровъ сократилось съ восьми до четырехъ часовъ въ день. Что отъ этого должно произойти? *Прежде всего число рабочихъ должно быть удвоено*, такъ какъ вѣдь потребность въ углѣ остается прежняя. Если до сихъ поръ въ шахтахъ работало 100 т. человекъ, то теперь тамъ понадобится 200 т. То, что мы сказали о рабочихъ, занятыхъ въ угольныхъ шахтахъ, нужно сказать и о рабочихъ металлургическихъ заводовъ, фабрикъ, о рабочихъ, нужныхъ въ сельскомъ хозяйствѣ, о наборщикахъ, портныхъ, сапожникахъ, пекаряхъ, служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ, пароходахъ и проч. Гдѣ же социализмъ найдетъ все необходимое количество рабочихъ силъ? Такое количество, какое было бы достаточно для добыванія необходимыхъ средствъ существованія? ¹⁾

¹⁾ Атлантискусъ (Ein Blick in den Zukunftstaat) очень подробно выясняетъ, сколько въ будущемъ государствѣ можетъ быть бережно рабочихъ силъ, если въ распоряженіе общества поступятъ всѣ новѣйшія изобрѣтенія, если планомерно будетъ совершаться производство и распредѣленіе продуктовъ. Да, если только людямъ понравится это планомерное регулированіе производства, если они будутъ работать съ тѣмъ же прилежаніемъ, если будутъ такъ же бережливы въ

Социалисты хвастливо уверяют, что въ будущемъ государствѣ всѣ теперешніе *праздные* люди должны будутъ работать. Этимъ самымъ ясно сказано, что въ коммунизмѣ свободы въ выборѣ профессіи не будетъ, но не видно, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ количество урочной работы для каждаго было сокращено.

Впрочемъ, и количество праздныхъ людей въ современномъ обществѣ не такъ ужъ велико, какъ хотятъ насъ въ этомъ увѣрить социалисты. Въ этомъ пунктѣ социалистическіе агитаторы сами себѣ противорѣчатъ. Когда у нихъ идетъ рѣчь о дѣлѣхъ имѣній, то число собственниковъ они сокращаютъ до ничтожныхъ размѣровъ. Такъ какъ праздные, ничего не дѣлающіе могутъ быть только между этими собственниками имущества, то слѣдовало бы ожидать, что социалисты и число этихъ ничего не дѣлающихъ будутъ понижать также въ незначительныхъ размѣрахъ. Однако же, какимъ-то непонятнымъ образомъ выходитъ, что, по исчисленіямъ социалистовъ, число это выростаетъ до очень крупныхъ размѣровъ.

Правда, социалисты могутъ намъ въ этомъ случаѣ указать на то, что многія современныя профессіи, какъ напр., банкировъ, международныхъ коммерсантовъ, въ будущемъ обществѣ станутъ не нужными. До известной степени это справедливо. Однако, не слѣдуетъ упускать изъ вниманія, что нѣкоторыя изъ этихъ профессій понадобятся и въ социализмѣ. А затѣмъ, самъ социализмъ создаетъ цѣлый рядъ новыхъ профессій, какихъ нѣтъ въ современномъ обществѣ. Пусть только вспомнятъ о томъ, что мы выше говорили объ опредѣленіи потребностей, объ организаціи труда. Огромное количество чиновниковъ понадобится для изготовленія свидѣтельствъ о выполненной работѣ, для транспортированія и распределенія продуктовъ труда. Словомъ, легко сказать: все будетъ „планомѣрно“ организовано; но такая организація потребуетъ гораздо больше

употребленія орудій производства и продуктовъ, какъ это имѣетъ мѣсто теперь при производствѣ частно-предпринимательскомъ. При изображеніи производственного процесса, нельзя выпускать изъ виду людей, кадровъ, орудій, инструментовъ и какими они всегда останутся. А теперь въ большинствѣ производствъ развѣ не применены уже всѣ техническія усовершенствованія и развѣ производство ведется тамъ непланомерно? Какимъ же образомъ могутъ быть рѣчь о значительномъ сокращеніи рабочаго времени и о сбереженіи рабочихъ силъ!

силъ, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ; особенно если и чиновники, завѣдывающіе этой организаціей будутъ работать очень короткое время; какъ общаются социалисты.

Нѣкоторые социалисты, въ томъ числѣ Шеффле, большія надежды возлагаютъ на взаимное наблюденіе другъ за другомъ, на взаимный контроль. Но такое наблюденіе во многихъ случаяхъ невозможно, именно тамъ, гдѣ большинство лѣниво выполняетъ свои обязанности въ общественной работѣ. А тамъ, гдѣ такое наблюденіе было бы возможно, какъ напр. въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, оно скоро привело бы къ формальной системѣ выслѣживаній и подсматриваній. Классической иллюстраціей для подтвержденія сказаннаго могутъ служить основанныя въ 1848 году съ пособіемъ отъ государства національныя мастерскія по проѣкту Луи Блана. Въ портняжной мастерской была введена не поштучная, а поденная работа, такъ какъ надѣялись, что взаимный контроль рабочихъ другъ надъ другомъ будетъ достаточенъ для того, чтобы работа шла съ достаточнымъ усердіемъ и прилежаніемъ. Скоро, однако, этотъ взаимный контроль превратился въ мелочное своекорыстное выслѣживаніе и имѣлъ своимъ слѣдствіемъ самыя обидныя взаимныя попреки и споры, такъ что для восстановленія мира и согласія должны были снова ввести работу поштучную¹⁾.

Каутскій полагаетъ, что онъ открылъ новое средство „быстро повысить производство“.

„Сразу можно повысить продуктивность труда, если общественное производство сосредоточить только въ наиболѣе совершенно поставленныхъ предпріятіяхъ, оставявъ безъ дѣла всѣ остальные, не стоящія на надлежащей высотѣ“²⁾. Такъ поступаютъ уже теперь американскіе тресты, такъ долженъ будетъ поступать и пролетарскій режимъ. Онъ увеличитъ насколько возможно количество рабочихъ на лучше обставленныхъ въ техническомъ отношеніи предпріятіяхъ, такъ чтобы можно было вести работу на одномъ предпріятіи въ нѣсколько смѣнъ“³⁾ Каутскій поясняетъ это на примѣръ нѣмецкой тек-

1) Leroy-Beaulieu, Le collectivisme, 354.

2) Am Tage nach der socialen Revolution, 21. 3) Ibid. 22.

стильной промышленности ¹⁾. Въ настоящее время она занимает круглымъ счетомъ 1 миллионъ рабочихъ; болѣе половины этого числа заняты въ такихъ промышленныхъ заведеніяхъ, въ которыхъ насчитывается въ каждомъ болѣе 50 рабочихъ. Такъ какъ, вообще говоря, производства съ числомъ рабочихъ менѣе 50 являются менѣе совершенными, то „такія производства будутъ закрыты и ихъ рабочіе размѣщены въ предпріятіяхъ болѣе крупныхъ съ числомъ рабочихъ болѣе 50 въ каждомъ. Тамъ они могутъ работать въ двѣ смѣны. Если теперь рабочій день равняется 10—11 часамъ, то тогда можно будетъ сократить его до 8 часовъ“. Такъ какъ въ этихъ заведеніяхъ стали бы работать въ каждомъ на 6 часовъ дольше, то производство отдѣльнаго рабочаго не уменьшилось бы, хотя его рабочій день сократился бы на два часа. Предположимъ теперь, что продуктивность крупныхъ предпріятій вдвое выше, чѣмъ продуктивность мелкихъ, тогда окажется, что рабочіе послѣ перевода ихъ въ эти крупныя предпріятія будутъ производить вдвое больше того, чѣмъ сколько они теперь производятъ. Если теперь 500 тыс. рабочихъ въ мелкихъ предпріятіяхъ производятъ на сумму 1 миллиардъ марокъ, то въ предпріятіяхъ крупныхъ они произведутъ на 2 миллиарда, а производство миллиона рабочихъ составитъ 4 миллиарда марокъ.

Выводы эти требуютъ критической провѣрки и даже не съ одной точки зрѣнія. Отчасти такую критику уже произвелъ товарищ Каутскаго, Люснѣ ²⁾. Мы оставимъ безъ разсмотрѣнія вопросъ о томъ, на какомъ основаніи Каутскій полагаетъ, что рабочіе на болѣе крупныхъ предпріятіяхъ будутъ производить вдвое болѣе того, что они производятъ на мелкихъ. Но, спрашиваетъ Люснѣ, „какъ это возможно осуществитъ практически такую концентрацію, такое передвиженіе миллиона рабочихъ на небольшое число крупныхъ фабрикъ? 3000 крупныхъ текстильныхъ фабрикъ (свыше 50 рабочихъ) расположены въ гораздо меньшемъ числѣ мѣстностей, чѣмъ все производство этого рода, 200 тыс. фабрикъ. Какая потребуется огромная и запутанная система транспортирова-

¹⁾ Обработка волокнистыхъ веществъ. Принятъ переводчикомъ.

²⁾ Neue Zeit, Jahrg. 22, 1, 562 и слѣд.

нія и расквартированія рабочихъ! А вѣдь дѣло идетъ здѣсь объ одной лишь текстильной промышленности, о нѣсколькихъ сотняхъ тысячъ рабочихъ! Затѣмъ является вопросъ, куда же дѣвать продукты, количество которыхъ сразу возрастетъ въ очень сильной степени? Въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности могло бы имѣть мѣсто удвоенное потребленіе, а именно въ продукціи средствъ питанія, но здѣсь-то, какъ справедливо говоритъ Люскія, концентрація возможна лишь въ ограниченнѣхъ размѣрахъ. Какъ же быть въ такомъ случаѣ, если продукты не найдутъ сбыта? Какъ въ такомъ случаѣ удвоить плату рабочимъ, о чемъ мечтаетъ Каутскій?

Но на что мы хотѣли бы обратить особенное вниманіе, такъ это на способъ и характеръ обращенія съ рабочими при пролетарскомъ режимѣ. Если какое либо предпріятіе оказывается недостаточно продуктивнымъ, то по рѣшенію большинства оно закрывается и рабочихъ переводятъ въ другое, быть можетъ, очень отдаленное мѣсто къ другому предпріятію, болѣе совершенному въ техническомъ отношеніи. Понравится ли это рабочимъ, если ради пользы службы ихъ станутъ гонять съ одного мѣста въ другое, какъ стадо овецъ? А если рабочіе не согласятся перейти туда, куда ихъ назначаютъ, если они пожелаютъ перейти на какое-либо иное производство, тогда гдѣ найти рабочія силы, чтобы въ крупнѣхъ предпріятіяхъ работать въ двѣ или три сдѣны и повысить такимъ образомъ ихъ продуктивность?

Интересно также утвержденіе Каутскаго, что пролетарскій режимъ долженъ будетъ позаботиться о томъ, чтобы индустрію распространить по всей странѣ, перенести въ небольшіе города и населеніе равномерно распределить по всей территоріи государства съ цѣлію противодействовать физическому вырожденію, являющемуся слѣдствіемъ жизни въ большихъ городахъ, а также съ цѣлію борьбы съ умственнымъ невѣжествомъ крестьянства, которое невѣжественно вслѣдствіе своей изолированности. Соціалъ-демократическое народное государство, такимъ образомъ, будетъ „дирижировать“ своими подданными, какъ безвольной массой, по своему собственному усмотрѣнію.

(Продолженіе будетъ).

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

№ 7

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Апрѣля № 7 1908 года.

Содержаніе. I. Епархіальныя извѣщенія.—Отъ Центрального Комитета Мѣстныхъ Отдѣловъ Общества. —Отъ Товарищества Студентовъ Императорской Академіи Художествъ.

I.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

1. Распоряженіе Его Высокопреосвященства.

Въ предложеніи Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, данномъ консисторіи 4 апрѣля н. г. изложено слѣдующее: «Большая часть псаломщиковъ и другихъ лицъ подаютъ мнѣ прошенія для полученія діаконскаго сана, не приобрѣвши *учительскаго званія*. Между тѣмъ лица для діаконствъ обязательны *права учителя*, ибо они должны состоять учителями въ церковно-приходскихъ школахъ. Посему лица, ищущія сана діакона, раньше должны держать экзамень на полученіе права учителя; безъ сего они не будутъ допускаться до діаконскаго экзамена и не будутъ посвящаться въ санъ діакона».

2. Объ опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

а) Священникъ *Евѳодоръ Рыбаловъ*, состоящій на псаломщицкой вакансіи при Троицкой церкви, слоб. Протопоповки, Харьковскаго уѣзда, опредѣленъ 2 апрѣля на священническое мѣсто при Николаевской церкви, слоб. Новой Рябины, Богодуховскаго уѣзда.

б) Псаломщикъ Вознесенской церкви, села Лизина, Старобѣльскаго уѣзда, *Григорій Молчановъ* опредѣленъ 3 апрѣля на діаконское мѣсто при Митрофаніевской церкви, слоб. Демниновки, Старобѣльскаго уѣзда.

в) Безмѣстный псаломщикъ *Михаилъ Мураховскій* опредѣленъ 3-го апрѣля на псаломщицкое мѣсто при Николаевской церкви, слоб. Березовки, Харьковскаго уѣзда.

г) Заштатный діаконъ церкви, слоб. Тарновъ, Куцяцкаго уѣзда, *Георгій Петровъ* опредѣленъ 3 апрѣля на псаломщицкое мѣсто при Архангело-Михайловской церкви, слободы Козинки, Волчанскаго уѣзда.

3. О перемѣщеніи священно-церковно-служителей на другія мѣста.

а) Священникъ Николаевской церкви, слободы Новой Рябины, Богодуховскаго уѣзда, Іоаннъ *Колосовскій* перемѣщенъ 2 апрѣля на священническое мѣсто при Успенской церкви, слоб. Колонтаева, Богодуховскаго уѣзда.

б) Псаломщикъ Сошествіевской церкви, слободы Сватовой Лучки, Купянскаго уѣзда, Петръ *Пасько* перемѣщенъ 27 марта на псаломщическое мѣсто при Прображцкой церкви, слоб. Кремошпой, Купянскаго уѣзда.

в) Псаломщикъ Николаевской церкви, села Березовки, Харьковскаго уѣзда, Александръ *Яковлевъ* перемѣщенъ 3-го апрѣля на псаломщическое мѣсто при Сошествіевской церкви, слоб. Сватовой Лучки, Купянскаго уѣзда.

4. Объ увольненіи за штатъ.

а) Священникъ Покровской церкви, слободы Минковки, Валковскаго уѣзда, Левъ *Дейнеховскій* уволенъ за штатъ по старости и болязни 27 марта.

5. О смерти среди духовенства.

а) Протоіерей Успенской церкви, слоб. Колонтаева, Богодуховскаго уѣзда, Михаилъ *Сильванскій* умеръ 24 марта.

6. Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

а) Къ церкви села Василеван, Лебединскаго уѣзда, утвержденъ 19-го марта г. г. старостою крестьянинъ Прокопій *Комаръ*.

б) Къ Митрофаніевской церкви, слоб. Даниловки, Изюмскаго уѣзда, утвержденъ 20 марта старостою дворянинъ Александръ *Зайцевъ*.

в) Къ церкви села Толстаго, Лебединскаго уѣзда, утвержденъ 21-го марта старостою крестьянинъ Михаилъ *Трофименко*.

г) Къ церкви слоб. Ефромовки, Волчанскаго уѣзда, утвержденъ 24-го марта старостою крестьянинъ Матвій *Ляшенко*.

д) Къ Николаевской церкви, города Купянска, утвержденъ 24 марта личной почетный гражданинъ Андрей *Челышевъ*.

е) Къ церкви слоб. Вупчушной, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 28 марта старостою крестьянинъ Евфимъ *Вирченко*.

ж) Къ Архангело-Михайловской церкви, города Бѣлополя, Сумскаго уѣзда, утвержденъ 29 марта старостою крестьянинъ Михаилъ *Крючко*.

з) Къ Николаевской церкви, слоб. Николаевки 1-й, Волчанскаго уѣзда, утвержденъ 2 апрѣля старостою почетный гражданинъ Василій *Козаковъ*.

и) Къ Вознесенской церкви, слоб. Богдановки, Старобѣльскаго уѣзда, утвержденъ 3 апрѣля старостою крестьянинъ Максимъ *Михеевъ*.

и) Къ Введенской церкви, села Артемовки, Харьковскаго уѣзда, утвержденъ 4 апрѣля старостою крестьянинъ Константинъ *Пулацъ*.

п) Къ Троицкой церкви, села Пришиба, Змиѣвскаго уѣзда, утвержденъ 4 апрѣля старостою крестьянинъ Романъ *Триубовъ*.

л) Къ церкви слоб. Мартовой, Болчанскаго уѣзда, утвержденъ 4-го апрѣля старостою крестьянинъ Сергѣй *Моргуно*.

м) Къ церкви сл. Мѣловой, Змиѣвскаго уѣзда, утвержденъ 4-го апрѣля старостою крестьянинъ Трофимъ *Катыхинъ*.

7. Объ утвержденіи должностныхъ лицъ.

а) Протоіерей Тимоей *Буткевичъ* опредѣленъ 3-го апрѣля н. г. на должность Харьковскаго Епархіальнаго миссіонера.

б) Священникъ Успенской церкви, слоб. Вѣлокуракиной, Старобѣльскаго уѣзда, Михаилъ *Ветуховъ* назначенъ 2 апрѣля депутатомъ 2 окр. того же уѣзда, вмѣсто состоявшаго въ сей должности священника Максима *Грекова*.

в) Священникъ Покровской церкви, слоб. Безлюдовки, Харьковскаго уѣзда, Іоаннъ *Горанинъ* назначенъ 2 апрѣля депутатомъ 1 округа Харьковскаго уѣзда, вмѣсто состоявшаго въ сей должности священника Константина *Владыкова*.

8. Вакантныя мѣста.

а) Діаконскія.

При Покровской церкви, слоб. Огульцовъ, Валковскаго уѣзда.

б) Псаломщики:

При Троицкой церкви, села Протополовки, Харьковскаго уѣзда.

— Вознесѣнской церкви, села Лизина, Старобѣльскаго уѣзда.

ОТЪ ЦЕНТРАЛЬНАГО КОМИТЕТА МѢСТНЫХЪ ОТДѢЛОВЪ ОБЩЕСТВА.

Повсемѣстной помощи пострадавшимъ на войнѣ солдатамъ и ихъ семьямъ С.П.В.
5 Рождественская, № 14. 13 февраля 1908 года. № 275.

Центральный Комитетъ мѣстныхъ Отдѣловъ приноситъ свою искреннюю благодарность Харьк. Духовной Консистоіи за оказанное содѣйствіе, выразившееся въ распоряженіи духовенству о принятіи участія въ дѣятельности общества повсемѣстной помощи пострадавшимъ на войнѣ солдатамъ и ихъ семьямъ. Причемъ центральный Комитетъ возлагаетъ особенныя надежды на

успѣшное расширеніе дѣятельности общества путемъ проповѣдей въ церквахъ о пастоящихъ задачахъ и цѣляхъ Общества, для достиженія братскаго единенія лицъ, пострадавшихъ на войнѣ съ тѣми членами мѣстнаго Общества, которые въ войнѣ не участвовали. Въсѣтъ съ тѣмъ Центральнѣйшій Комитетъ считаетъ необходимымъ отмѣтить, что за послѣднее время дѣятельность Общества встрѣтила сочувствіе въ Военномъ Министерствѣ и въ Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ, которое выразилось въ прилагаемыхъ при семъ циркулярахъ. Что же касается способа открытія мѣстныхъ отдѣловъ и попечительствъ Общества, то таковыя указанія имѣются въ прилагаемой при семъ инструкціи уполномоченнымъ и инструкціи мѣстнымъ попечительствамъ. При семъ центральнѣйшій Комитетъ почтительно проситъ духовную консисторію не отказать сообщить точныя адреса тѣхъ священнослужителей, къ которымъ могъ бы Центральнѣйшій Комитетъ обратиться для ближайшаго сношенія по организаціи мѣстныхъ отдѣловъ и попечительствъ Общества въ Харьковской епархіи. Подлинное подписала завѣдующая дѣлами района (неразборчиво).

Отъ Товарищества Студентовъ Императорской Академіи Художествъ на Имя Высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, поступило прошеніе слѣдующаго содержанія:

Ваше Высокопреосвященство!

Товарищество Студентовъ Императорской Академіи Художествъ, архитектурнаго отдѣленія, образовавшееся въ 1905 году въ цѣляхъ совместной работы по техническимъ и художественно-архитектурнымъ вопросамъ, обращается къ Вашему Высокопреосвященству съ почтительнѣйшей просьбой не отказать въ своемъ содѣйствіи осуществленію желанія Товарищества доискаться своихъ основъ и знаній провинціи. Сама жизнь натолкнула Товарищество на идею работать въ провинціи, не порывая въ то же время связи съ центромъ культуры, каковымъ является Петербургъ.

Бывая въ командировкахъ отъ Академіи Художествъ для изученія памятниковъ древняго русскаго зодчества и практикуя на постройкахъ въ провинціи, очень часто приходилось наблюдать „до какой степени, неудовлетворительно, безъ пониманія древнихъ, присущихъ русскому народу характерныхъ особенностей родного искусства и безъ знаній современныхъ условій техники, исполняются своими мѣстными подрядчиками церковныя

и другія сооруженія религіознаго характера, и какъ вообще бываетъ трудно прованциі отыскать людей; способныхъ удовлетворить строительнымъ и художественнымъ потребностямъ населенія.

Благословите, Высокопреосвященнѣйшій Владыко, благое начинаніе Товарищества и не откажите въ зависящемъ отъ Вашего Высокопреосвященства распоряженія о печатаніи периодически въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ Епархіи прилагаемаго при семъ текста:

Товарищество Студентовъ Императорской Академіи Художествъ, Архитектурнаго Отдѣленія, Старшихъ Курсовъ исполняетъ: проекты и сѣты зданий, расчеты конструкціи (общесг. гражд. и церковныя сооруженія, дома—особняки, дачи, памятники, часовни, иконостасы, утварь и т. п.) шаблоны и архитектурно-художественныя рисунки

Принимаетъ руководство постройками самостоятельно и въ качествѣ помощниковъ строителей. Цѣны умѣренныя. Совѣты по вопросамъ художественнымъ, техническимъ, строительнымъ и справки по строительному законодѣнію—*бесплатно*. Рекомендація жилищнаго. С.—Петербургъ. В. О. Средній пр., д. 28-29; кв. 28.

На семъ прошеніи резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала такая: 1908. февр. 26. Напечатать въ объявленіяхъ ж. „Вѣра и Разумъ“. *А. Арсеній.*

II.

Содержаніе. II. Мысли пастыря. (Окончаніе). Священники *Николай Загородскаго*.—О выборахъ церковныхъ старостъ. *Сельскаго Священника Ин. Гораша*.—Миссіонерскій листокъ. На миссіонерскихъ курсахъ у сектавтовъ. *Миссіонера Гр. Щелкова*.—Епархіальная хроника.—Архіерейскія богослуженія.—Служаніе Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнаго Арсенія, преждеосвященной литургіи въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ.—Объявленіе новаго храма въ слободѣ Рубцовой, Изюмскаго уѣзда.—Памяти незабвеннаго товарища—сослуживца *Петра Алексѣевича Торанскаго*, къ годовщинѣ его кончины.—Исбепархіальный отдѣлъ.—Напоминаніе Высокопреосвященнаго Архіепископа Тверскаго *Алексія*.—Собраніе законоучителей въ г. Н.-Новгородъ.—Разныя извѣстія и запѣтки.—Телеграмма протоіерея *Г. Восторгова*.—Высочайше назначенная ревнзій духовныхъ академіи.—Объявленія.

МЫСЛИ ПАСТЫРЯ

по поводу статьи: „виноваты ли мы?“¹⁾

(Окончаніе *).

Въ настоящее время у насъ, какъ извѣстно, принятъ богослужебный уставъ, составленный примѣнительно къ монастыр-

¹⁾ Въ „Херсонскихъ Епарх. Вѣд.“ № 13 и 14 за 1905 г., 1—21 стр.

^{*)} См. ж. „В. и Р.“, отд. „Извѣстія“ № 5 с. г.

скому житію и исключительно для братіи монастырей, могущей и стремящейся „день и ночь“ посвящать на служеніе Богу... Можетъ ли быть „истово“ совершаемо богослуженіе по сему уставу, безъ всякихъ сокращеній, для „мірскихъ людей“ и въ приходскихъ храмахъ?... Авторъ статьи: „виноваты ли мы“ проводитъ вполнѣ справедливый взглядъ, что выполненіе монастырскаго Устава до мельчайшихъ подробностей для приходскихъ пастырей трудъ физически непосильный и трудно выполнимый при многочисленности другихъ, лежащихъ на нихъ, обязанностей; но не слѣдуетъ, намъ кажется, упускать изъ виду и насомыхъ, для которыхъ главнымъ образомъ и совершается церковное богослуженіе. По сему поводу, намъ приходилось выслушивать такого рода сужденія. „Истово“ совершать богослуженіе по нынѣшнему церковному уставу въ приходскихъ храмахъ, — „ничего не опуская и не сокращая“, — невозможно еще и потому, что это вызоветъ и вызываетъ нареканія на духовенство въ слишкомъ большой затянутасти богослуженій со стороны прихожанъ; на время теперь такое тревожно-неспокойное, что необходимо считаться и съ удовлетвореніемъ „возможныхъ“ требованій прихожанъ, ибо, при свободѣ вѣроисповѣданія, свободно могутъ уйти въ штунду или другую ересь... Возьмите, на примѣръ, время великаго поста... Холодъ, слякоть, сырость, храмъ холодный.. Простоять 5—6 и болѣе часовъ за молитвой на холодѣ, совершенно безучастнымъ зрителемъ, это врядъ-ли согрѣетъ душу молящагося (разумѣемъ обыкновеннаго смертнаго!) религіознымъ восторгомъ и настроеніемъ когда отъ холода все тѣло коченѣетъ!... Другое время: рабочая пора, жнитво... Народъ усталый и изнуренный, тяжелыми трудами „сградной поры“ и дорожитъ всякой минутой этого времени, по пословицѣ: „лѣтній день—цѣлый годъ кормить“... Въ такую пору въ селахъ только и могутъ приходиться прихожане въ храмъ Божій на молитву подѣ условіемъ, „если ихъ батюшка не долго держитъ въ храмѣ и рано оканчиваетъ литургію“... Мы и не говоримъ, сколько жалобъ и нареканій приходится выслушивать со стороны интеллигентныхъ прихожанъ на продолжительность богослуженій и какъ вредно отразились проникшіе въ православный народъ слухи о жела-

тельности сокращенія праздничныхъ дней, служащихъ, будто бы, причиной обѣднѣнія и бесполезной праздности русскаго народа... Положеніе пастырей трудное!... Совершать все по уставу и „не затягивать“ богослуженій, — получается богослуженіе слишкомъ слѣпное, небрежное, неблагоговѣйное; по-неволю приходится сокращать чинъ службы, указанный въ уставѣ... Но бѣда въ томъ, что сокращаетъ каждый пастырь по своему усмотрѣнію, одинъ — одно, другой — другое; „аще изволимъ настоятель“. Вслѣдствіе этого, православное церковное богослуженіе теряетъ свое просвѣтительно-воспитательное значеніе, перестаетъ быть назидательной школой для вѣрующихъ, ибо теперь нигдѣ почти не услышите за богослуженіемъ въ приходскихъ храмахъ: „Толковаго Евангелія“, „Пролога“, „Синаксарія“; на утрени — нерѣдко опускаются многіе стихиры, каноны, не все прочитывается шестопсалміе, каѳизмы; на литургіи — не поются „антифоны“, рѣдко гдѣ поются „блаженства“ и читается молитва: „благословлю Господа на всякое время“... Что же касается всѣхъ предписаній церковнаго устава относительно поклоновъ малыхъ и большихъ, наклоненія главъ, характера напѣвовъ и проч., и проч. требованій, имѣющихъ въ виду благочиніе и благоповеденіе христіанъ въ Божіемъ храмѣ, то многое и многое тоже опускается, не соблюдается въ точности... „Уставное богослуженіе“ — это строго — цѣльное, художественное произведеніе, очень мудро составленное, великими подвижниками духовной жизни и спасенія души человѣческой, но вслѣдствіе произвольныхъ сокращеній утрачиваетъ свою великую красоту, высокой смыслъ и глубокое впечатлѣніе, каковое оно неминуемо должно производить на сердца вѣрующихъ, унося ихъ отъ „всякихъ житейскихъ попеченій“ въ міръ горній, не земной!... Сознаютъ все это пастыри церкви и тѣмъ острѣе боль души ихъ, что они, чувствуя свое крайне затруднительное положеніе, не могутъ рѣшить: какъ же быть, если въ церкви Божіей, по слову ап. Павла „все должно быть благоугодно и цинно“. (1 Кор. 14,—4)? Мы не считаемъ себя столь компетентными, чтобы дать положительный и сильный отвѣтъ на поставленный вопросъ, но позволимъ себѣ привести здѣсь мнѣніе съ коимъ приходилось намъ встрѣ-

чатся въ периодической печати. Если церковный уставъ въ настоящемъ его видѣ признается почти всѣми трудно—выполнимымъ въ приходскихъ храмахъ и на самомъ дѣлѣ нигдѣ почти не выполняется, то нельзя ли его оставить безусловно обязательнымъ только лишь для монастырскихъ храмовъ? „Что же касается храмовъ приходскихъ, то, если уже невозможно по условіямъ времени возвратитъ приходской службѣ прежнюю полноту ея формъ, то необходимо выработать новую норму, при которой служба была бы не такъ продолжительна, но въ то же время сохранила бы въ себѣ все то, что придаетъ ей красоту и содержаніе и обуславливаетъ просвѣтительно-воспитательное значеніе ея и влѣкаетъ въ обязанность ни въ какомъ случаѣ отъ этой нормы не отступать“¹⁾. Тогда, намъ кажется, пастыри церкви избавлены были бы отъ печальной необходимости сокращать произвольно, по своему усмотрѣнію, церковный уставъ для достиженія „истового“ богослуженія, служба Божія и въ приходскихъ храмахъ вездѣ бы совершалась²⁾ однообразно, по строго выработанному для нихъ уставу, и пастыри избавлены были бы отъ обвиненій „въ поспѣшномъ совершеніи ими церковныхъ богослуженій, а прихожанамъ не было бы основаній высказывать нареканія на пастырей за длинныя богослуженія“³⁾...

¹⁾ „Мис. Обозр.“ 1905 г. стр. 256. Курсивъ нашъ.

Дом.

²⁾ Правда, мы имѣемъ въ виду и то обстоятельство, что очень часто боголюбивыя „мирине“ предпринимаютъ паломничества въ отдаленнѣйшіе монастыри для поклоненія мощамъ св. угодниковъ Божіихъ и чудотворнымъ иконамъ и охотно, съ любовью выстанваютъ длянае монастырское богослуженіе, совершаемое „истово“ по уставу, по это и въ понятіи простого народа считается „какъ подвигъ“, парочно, или по обѣщанію совершаемый набожными христіанами, для удовлетворенія религиозныхъ потребностей души ихъ... И мы съ душевнымъ прискорбіемъ выслушиваемъ сообщенія, что есть монастыри „съ строгимъ монастырскимъ уставомъ“, а во многихъ даже монастыряхъ допускается сокращеніе нынѣшняго церковнаго Устава... Вотъ почему мы всею душой стоимъ за то, чтобы нынѣшній церковный Уставъ, „безъ всякихъ сокращеній и опущеній“, былъ обязательнымъ для всѣхъ православныхъ монастырей, какъ драгоценное наслѣдіе, полученное нами отъ св. отцовъ!... Что же касается сокращенія его и выработки по нему „новой нормы“ для приходскихъ храмовъ, то наше мнѣніе не одиноко. Такъ, въ докладѣ Святейшему Синоду епархіальнаго преосвященнаго Олонекскаго по вопросу о церковной реформѣ, читаемъ: „церковный Уставъ долженъ быть пересмотрѣнъ и изъ него оставлено только то, что является наиболѣе цѣлесообразнымъ по условіямъ современной жизни“... (См. „Церк. Вѣд.“ 1906 г. № 38, стр. 2610).

Дом.

Раздаются жалобы на „непонятность богослуженій“... Духовенство, намъ кажется, тутъ ужъ совершенно не виновато... Истинная причина непонятности православныхъ церковныхъ богослуженій и требъ заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что и требы и богослуженія совершаются на церковно-славянскомъ языкѣ, который дѣйствительно даже для образованныхъ прихожанъ трудно понятенъ для того, чтобы сознательно, съ чувствомъ и душевнымъ расположеніемъ присутствовать за Божіей службой, а что же сказать про „темныхъ“, неграмотныхъ мужичковъ глухихъ сель и деревень?... Въ самомъ дѣлѣ, подумаешь: сколько у насъ въ чинѣ богослуженій прекрасныхъ канонівъ, стихирь, восторженныхъ молитвъ, духовныхъ пѣснопѣній, составленныхъ людьми высокаго религіознаго настроенія, и вся эта богатѣйшая пища души теряетъ свое обаятельное дѣйствіе на мысль и сердце вѣрующаго только потому; что предлагается вѣрующимъ на отжившемъ, неудобопонятномъ, славянскомъ языкѣ... И удивительно: православные христіане въ Японіи, Китаѣ, Америкѣ и проч. народностяхъ имѣютъ счастье слушать дивное православное богослуженіе и чтеніе слова Божія въ храмахъ на своемъ родномъ нарѣчій, только для православныхъ русскихъ людей почему-то нельзя совершать богослуженіе на ихъ родномъ русскомъ языкѣ... „Чего вы, любезный братъ,—говорили намъ нерѣдко на бесѣдахъ штундисты,—когда идете къ намъ на бесѣду, берете русскую біблію; а у себя въ рукотворенномъ храмѣ читаете по славяпски?... Для чего вы „тумана“ на людей наводите, чтобы ничего непонимали? Мы тоже когда ходили къ вамъ въ рукотворенную церковь, ничего не понимали, а теперь слава Богу все открылось“... „Богослуженіе Православной церкви,—пишетъ Херсонскій Епархіальный миссіонеръ М. Кальневъ,—мало научаетъ ея членовъ, будучи совершаемо на языкѣ, мало для нихъ понятномъ. Слова благовѣстія Христова и тѣ читаются въ храмѣ на малопонятномъ для народа славянскомъ языкѣ. Нужно имѣть много любви и привязанности къ церкви, чтобы простоять зимою въ очень холодномъ, а лѣтомъ въ душномъ храмѣ подрядъ нѣсколько часовъ, не понимая ни того, что говорятъ въ немъ, ни того, что дѣлаютъ.

Даже дома простолудинъ молится бессознательно, молится наборомъ до неузнаваемости искаженныхъ славянскихъ словъ, дающихъ въ своемъ сочетаніи одну безсмыслицу¹⁾... Вотъ почему, мы отъ всей души присоединяемся къ цѣлому хору голосовъ тѣхъ пастырей и ревнителей св. православной церкви Христовой, которые высказываютъ свое искреннее и горячее благожеланіе, чтобы молитвы и текстъ богослужбныхъ книгъ православной церкви были переведены на русскій языкъ и чтобы богослуженіе и чтеніе слова Божія повсемѣстно въ православныхъ храмахъ совершалось на понятномъ для народа русскомъ языкѣ; чтобы народъ принималъ участіе въ службѣ Божіей чрезъ общенародное пѣніе въ храмѣ, а не присутствовалъ безучастнымъ зрителемъ; тогда само собою пало бы обвиненіе духовенства, что „простой народъ не наученъ сознательно молиться Богу“, что „духовенство не научило народъ истинамъ православной вѣры, которую исповѣдуетъ русскій народъ уже около тысячи лѣтъ“²⁾!...

Не мало протестовъ со стороны пастырей церкви приходится встрѣчать въ періодической печати противъ „канцелярскихъ повинностей церковнаго клира и отвѣтственности за нихъ“ на что сѣтуетъ въ своей статьѣ и о. Ал. Смирягинъ... „На причтахъ церковныхъ,—пишетъ одинъ пастырь,—лежитъ обязательство вести довольно сложное церковное письмоводство; работа эта тѣмъ сложнѣе, чѣмъ многолюднѣе приходъ, чѣмъ, слѣдовательно, у причта больше его прямого дѣла. Чего только не приходится писать и отписывать духовенству! Тутъ и метрическія и приходо-расходныя книги, списки новобран-

¹⁾ См. его статью: „почему православные отпадаютъ въ сектанство?“ журн. Мис. Обоз. 1906 г. № 7—8 стр. 63.

²⁾ Уважаемый сотрудникъ нашъ повидимому желаетъ замѣны нашего богослуженія на славянскомъ языкѣ вполнѣ русскимъ языкомъ, признавая славянскій богослужбный языкъ *отжившимъ* и *неудобопонятнымъ*. Едва ли съ этимъ согласится многіе не только наши пастыри, но и міряне. По нашему мнѣнію, можно желать обновленія малопонятныхъ или неудобопонятныхъ богослужбныхъ словъ и выраженій, но только въ славянскихъ же формахъ, имѣющихъ у насъ общецерковный характеръ. Нельзя забывать, что нашъ славянскій языкъ, унаследованный нами отъ свв. Кирилла и Меѳодія, имѣетъ значеніе общецерковнаго богослужбнаго языка не только для нашихъ вѣрующихъ, но и для всѣхъ православныхъ славянъ. *Ред.*

цевъ, подлежащихъ отбыванію воинской повинности, списки родившихся и умершихъ для докторовъ, метрическія выписи по требованію любого учрежденія и лица; и все это требуется представлять аккуратно, во-время—иначе всяческія кары ждутъ неисправнаго!... Нѣтъ ни одного учрежденія, которое *обязано* было бы отвѣчать священнику на его запросъ, недоумѣнный вопросъ,—и нѣтъ ни одного учрежденія, которое не могло бы требовать отъ „господина приходскаго священника“ нужныхъ ему свѣдѣній... Словно у священника цѣлая канцелярія писцовъ, или у него нѣтъ больше никакого дѣла“¹⁾... „Пусть отойдутъ,—воскликаетъ другой пастырь,—отъ рукъ нашихъ нашу энергію поѣдающіе, мелкіе, назойливо досадительные, нашему дѣлу далекіе—кропотливые труды, переряжающіе насъ изъ священныхъ облаченій въ одежду ремесленниковъ канцелярскаго стола... (Разумѣемъ канцелярію брачныхъ обысковъ, метрич. сношеній съ свѣтской администраціей по санитарнымъ, воинскимъ дѣламъ и т. п.). Въ этой одеждѣ мы—подъ вѣчнымъ подозрѣніемъ, не понятны, болѣе того—непріятны нашимъ мірянамъ. Этимъ колеблется нашъ авторитетъ. Какъ сильно? У каждаго приходскаго пастыря найдется не одинъ томъ скорбной хроникки изъ этой области“!...²⁾ И не безпричины эти вопли православнаго духовенства на канцелярскія обязанности, ибо, помимо той массы *прямого* пастырскаго труда, который каждый священникъ несетъ на своихъ плечахъ безъ всякаго вознагражденія, онъ *на свой счетъ* обязанъ расходовать немало канцелярскихъ принадлежностей и при этомъ не забывать: что если за массой *прямыхъ* своихъ обязанностей не отошлетъ своевременно, на примѣръ, становаму приставу „карточку о смертности отъ заразительныхъ болѣзней“, то *подлежитъ строгой ответственности*... Это весьма печальное и ненормальное положеніе дѣла прямо не вяжется съ сознаніемъ, чтобы исполненіе этой мелкой, кропотливой канцелярщины входило въ составъ „великихъ пастырскихъ обязанностей: *„части церковь Господа и Бога, которую Онъ пріобрѣлъ Себѣ Кровію Своею“*!... (Дѣян. 20,—28) И на собра-

¹⁾ „Рук. для сел. наст.“ 1905 г. № 26 стр. 221.

²⁾ „Рук. для сел. наст.“ 1905 г. № 19 стр. 40.

ни 4-го Отдѣла Предсоборнаго Присутствія, бывшаго 20-го марта настоящаго года, при обсужденіи вопроса „касательно канцелярскихъ повинностей церковнаго клира“, собраніе нашло „желательнымъ возможное сокращеніе ихъ“... „Статистическія справки причтъ обязанъ давать лишь такія, которыя имѣютъ связь съ метрической книгой, причемъ графу о причинѣ смерти, какъ заполняемую въ большинствѣ случаевъ произвольно, наобумъ, что можетъ вводить статистику въ заблужденіе, исключить изъ книги. Всякія другія, напр. по сельскому хозяйству и т. п., будутъ ли они требоваться разными статистическими комитетами отъ приходскихъ священниковъ непосредственно или чрезъ епархіальнаго архіерея, для причта не обязательны къ исполненію“¹⁾ ²⁾. Дай Богъ, скажемъ и отъ себя, чтобы добрыя благожеланія Предсоборнаго Присутствія скорѣе бы сняли съ пастырей обвиненіе, что они „все болѣе и болѣе отдаляются отъ народа и превращаются въ чиновниковъ—требоисправителей и канцеляристовъ“!... Не пастыри „сами себя“ отдалили отъ народа, а отдалили ихъ „безобразно сложившіяся условія жизни ихъ“.

Не болѣе отрадныя мысли и чувства вызываютъ и другія сѣтованія въ статьѣ: „виноваты ли мы“, какъ-то: о многочисленности церковныхъ сборовъ, которыми обременены пастыри, о законоучительскихъ обязанностяхъ по многимъ школамъ и завѣдываніи ими, о сельскомъ хозяйствѣ, о воспитаніи своихъ дѣтей и проч., и всѣ эти сѣтованія сводятся къ одному заключенію: дѣйствительно, пастыри церкви въ настоящее время на столько отягчены многочисленными обязанностями и находятся въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ жизни, что они не имѣютъ ни времени, ни возможности всецѣло отдаться своей паствѣ... Въ настоящее время и пастыри привыкли уже смотрѣть, что аккуратное исполненіе обязанностей священника—это быть аккуратнымъ лишь „на бумагѣ“, т. е. во время

1) „Колоколъ“—1906 г. 28 марта № 69.

2) Не мало только удивляетъ насъ то обстоятельство, что въ проектѣ реформированнаго прихода форма исповѣданъ росписей распята не только на уменьшеніе и облегченіе канцелярской работы для духовенства, а еще труднѣе, обильнѣе и многосложнѣе противъ существующей въ настоящее время... См. „Церк. Вѣд.“ 1906 года 8 іюля № 27: „Проектъ приходской книги“. *Авт.*

представить при должныхъ рапортахъ всѣ взносы и церковныя сборы благочинному, во время отписать всѣмъ частнымъ учрежденіямъ и лицамъ на ихъ запросы и „требованія“, исправно вести метрическія, исповѣдныя, приходо-расходныя книги, богослужебный журналъ и проч. и проч. канцелярскія обязанности, а между тѣмъ жизнь,—„дни лукавы“,—настоячиво зовуть пастыря къ „живому дѣлу“.. Нынѣ болѣе чѣмъ когда либо требуется отъ пастыря, чтобы онъ „близко стоялъ“ къ паствѣ своей, вникалъ въ жизнь прихожанъ, горячимъ и убѣдительнымъ словомъ согрѣвалъ сердца ихъ, и какъ свѣтильникъ верху стоящій, освѣщалъ и расширялъ темный и тѣсный кругозоръ религіозно-нравственныхъ понятій своихъ духовныхъ чадъ... Нынѣ болѣе чѣмъ когда либо требуется, чтобы пастырь церкви, какъ „добрый пастырь“, шелъ впереди своихъ овецъ, „глашалъ“ ихъ по имени и велъ на добрыя пажити... „Свобода вѣры“ требуетъ отъ пастыря, чтобы онъ былъ теперь прежде всего хорошій миссіонеръ и проповѣдникъ, образцовый по жизни „предстоятель“ своимъ духовнымъ чадамъ, усердный къ Богу молитвенникъ, „Истово“ и „не принужденно, но охотно“ совершающій и исполняющій для пасомыхъ Божія службы, св. таинства и требы, и чтобы „былъ всегда готовъ всякому, требующему отчета въ упованіи, дать отвѣтъ съ кротостію и благоговѣніемъ“ (1 Петр. 3,—15),—печальная же дѣйствительность говоритъ совершенно противное... Намъ пишетъ въ письмѣ одинъ товарищъ—священникъ: „Больно тебѣ писать, дорогой другъ, но пишу: засосала глушь, затянула сѣрая обыденная жизнь... Вѣришь-ли: не только книгу или газету почитать некогда, или заняться чтеніемъ библіи и освѣжить свои скудныя, но такъ необходимыя въ наши дни, миссіонерскія познанія,—отдохнуть некогда... Кажется, скоро разучусь мыслить, чувствовать, говорить... Самъ знаешь нашу жизнь: совершаю богослуженіе, требы съ ихъ утомительными поѣздками на хутора, главное же—заѣла эта отписка волостнымъ правленіямъ, да цѣлыхъ три школы въ приходѣ!... Ты можешь понять и посочувствовать!... Страшное слово: „книгу почитать некогда“, а если принять во вниманіе, что у большинства пастырей и выписать „не-за-что“ себѣ что-

либо для чтенія, то картина дѣйствительно получится достойная не обвиненія и осужденія православныхъ пастырей. а полного сочувствія и сожалѣнія!... Намъ припоминаются слова изъ стихотворенія „Доля семинариста“:

„Похоронятъ тебя на кладбищѣ,—
 Такъ пройдешь ты свой пастырскій путь...
 Всѣ забудутъ тебя, — развѣ нищій
 На могилку зайдетъ отдохнуть!..

Такова доля пастырей: не падай духомъ, а трудись до могилы!... Будемъ же и мы надѣяться, что, предстоящій Соборъ Православной Русской Церкви улучшитъ наше положеніе и облегчитъ тяжелыя условія жизни!...

Священникъ Николай Загоровскій.

О ВЫБОРАХЪ ЦЕРКОВНЫХЪ СТАРОСТЬ.

Нерѣдко приходится слышать сѣтованіе духовенства на неизбѣжныя ненормальности и нерѣдкіе случаи прѣзвела, встрѣчающіеся при выборѣ прихожанами церковныхъ старость къ своимъ храмамъ. Замѣчено, что прихожане часто выбираютъ къ сей должности людей строптивыхъ, совсѣмъ не радѣющихъ объ интересахъ церкви, своеправныхъ, всегда готовыхъ стать въ открытую оппозицію по отношенію къ причту и епархіальному начальству.

Партійные счеты, разныя общественно-бытовыя неудовольствія, не имѣющія ни малѣйшей связи съ дѣлами церкви, выплываютъ здѣсь наружу; все болѣе и болѣе въ прихожанахъ проглядываетъ неуклонное намѣреніе взять въ свои руки распоряженіе церковными суммами. Дѣйствующая нынѣ инструкція даетъ слишкомъ большую свободу, граничащую съ произволомъ, прихожанамъ при выборѣ церковныхъ старость.

„Право избирать церковнаго старосту къ приходской церкви принадлежитъ исключительно проживающимъ въ предѣлахъ прихода лицамъ не моложе 25 лѣтъ“ (§ 8). Ничего не говорится въ инструкціи о нравственныхъ качествахъ выборщиковъ, ни о ихъ преданности церкви, ни о христіанскомъ бла-

гочестіи и религіозности,—участвовать въ выборахъ можетъ всякій прихожанинъ.

И вотъ приходится въ дѣйствительности наблюдать такую картину выборовъ: являются для участія въ выборахъ люди самые индифферентные къ храму и его интересамъ, лица—никогда не посѣщающія богослуженій, не дающія ни одной копѣйки въ церковную кассу, личности самой низкой репутаціи и поведенія.

Рѣдко обходится безъ криковъ, шума, страстныхъ споровъ. брани и т. п. выходокъ, оскверняющихъ святость храма. Каждая партія выставляетъ своихъ кандидатовъ, руководясь родственными чувствами, пріятельскими отношеніями и другими побужденіями. Прихожане селъ рѣдко соглашаются держать на должности старосты долго одно и то же лицо, хотя бы послѣднее было безупречно, мотивируя свои дѣйствія неосновательными и пошлыми доводами: „онъ уже нажился“. Иные смотрятъ на должность церковнаго старосты, какъ на доходное мѣстечко въ смыслѣ наживы за счетъ церковныхъ суммъ: „пускай еще другой руки погрѣе“... говорили прихожане, выражая свое неудовольствіе имѣть прежняго старосту.

Несправедливо также инструкція лишаетъ мѣстный причтъ имѣть право голоса при выборахъ, хотя бы для выраженія протеста при проведеніи кандидата нежелательнаго и неподходящаго къ должности старосты. Если группа прихожанъ—вожаковъ недовольна причтомъ, или-же склонна къ захвату распоряженій церковными суммами, то часто выставляютъ на должность старосты человѣка „бѣдоваго“, т. е. дерзкаго, нахальнаго, который вполнѣ самовластно поступаетъ въ расходѣ церковныхъ суммъ, игнорируетъ указаніе настоятеля храма, не желаетъ поддерживать причтъ въ квартирномъ положеніи и т. д. Самоволіе доходитъ до того, что нѣкоторые старосты не позволяютъ надѣть ту или другую ризу, не желаютъ дать срочный взносъ и т. д.

§ 13 инструкціи говоритъ о томъ, что благочинный долженъ слѣдить „чтобы выборы совершались въ должномъ порядкѣ, безъ криковъ и споровъ, нарушающихъ благочиніе въ храмѣ и чтобы не принимали участія въ выборахъ нетрезвые“... Такъ

какъ выборы происходятъ въ воскресные и праздничные дни, то нетрезвые въ такіе дни—въ особенномъ изобиліи; крики, шумъ, брань и споры постоянные спутники выборовъ старость; если это явленіе наблюдается въ городахъ среди болѣе или менѣе культурныхъ жителей, то что сказать о селахъ, имѣющихъ фізіономію торговыхъ мѣстечекъ съ безшабашнымъ людомъ? Здѣсь попадаются типы, которые желая пролѣзть къ церковному сундуку, устраиваютъ искусственную агитацію, спаиваютъ водкой своихъ сторонниковъ для увеличенія ихъ дерзости и нахальства, вербуютъ своихъ единомышленниковъ изъ самыхъ отбросовъ общества. Что удивительнаго послѣ этого, если въ с. Васищевѣ Харьк. у. выборы разрѣшились дракой и самой отчаянной схваткой предъ алтаремъ, и создали рѣдкій процессъ въ судебной хроникѣ ¹⁾).

Въ интересахъ церкви, намъ кажется, необходимо:

- 1) вынести выборы изъ храма.
- 2) производить выборы закрытой баллотировкой.
- 3) въ выборахъ участвуютъ по одному человѣку на десять дворовъ по уполномочію послѣднихъ.
- 4) не допускать къ участию въ выборахъ лицъ равнодушныхъ къ религіи, ведущихъ безнравственную жизнь.
- 5) предоставлять право голоса причту.

Сельскій свящ. Ин. Гораинъ

1908 г. 21 февраля.

МИССИОНЕРСКІЙ ЛИСТОКЪ.

НА МИССИОНЕРСКИХЪ КУРСАХЪ У СЕКТАНТОВЪ.

Проживая въ городѣ Харьковѣ, я давно слышалъ о существованіи въ этомъ городѣ сектантскихъ миссіонерскихъ курсовъ, на которыхъ умственно формируются будущіе апологеты и пропагандисты сектантства. Мнѣ лично хотѣлось побывать въ сектантскомъ „ареопагѣ“ и практически ознакомиться со способами преподаванія сектантской „мудрости“. Но всѣ мои попытки проникнуть „во святое святыхъ“ сектантской науки,

¹⁾ См. вѣстник. X. Г. В. 17 Янв.

долгое время, оканчивались неудачно. Отъ главарей и вожаковъ сектантства, къ которымъ мнѣ пришлось обращаться за содѣйствіемъ, я получалъ отказъ въ категорической формѣ: „постороннимъ нельзя“. И только недавно мнѣ удалось осуществить свое давнишнее желаніе. Сектантскій миссіонеръ Г. общалъ мнѣ свое содѣйствіе. Заручившись согласіемъ руководителей курсовъ, онъ зашелъ за мною на квартиру и мы вмѣстѣ отправились на глухую окраину города, гдѣ помѣщается зданіе миссіонерскихъ курсовъ. Пройдя нѣсколько глухихъ и темныхъ переулковъ, мы вошли въ большой домъ, въ освѣщенномъ залѣ котораго по срединѣ и по бокамъ были разставлены столы и скамьи для курсистовъ, а впереди устроена кафедра для преподавателей. На стѣнахъ зала развѣшены бумажныя дощечки съ избранными текстами изъ евангелія. На скамьяхъ за столами сидѣли сектанты—курсисты въ количествѣ 50—60 человекъ, среди которыхъ я узналъ многихъ представителей провинціальныхъ сектантскихъ общинъ: пресвитеровъ, діаконовъ, пріѣхавшихъ поучиться (употребляю сектантское выраженіе) „Божественной мудрости“. Кромѣ пресвитеровъ и діаконовъ составъ курсовъ дополняли молодые экзальтированные фанатики секты, подготовляющіеся къ миссіонерской дѣятельности. На столѣ предъ каждымъ курсистомъ лежала библія на русскомъ языкѣ и журналъ для записи уроковъ. Предъ открытіемъ занятій всѣ сектанты преклонили колѣни и пресвитеръ З. прочиталъ импровизированную молитву на текстъ: „Господи! открой мнѣ очи мои и увижу чудеса закона Твоего“ (псал. 118). Молитва эта показалась мнѣ въ высшей степени характерной, а поэтому постараюсь насколько возможно, воспроизвести ея главный текстъ: „Господи! (молился сектантскій пресвитеръ) просвѣти умы курсистовъ свѣтомъ Твоихъ Божественныхъ истинъ, вложи въ сердца ихъ огонь Твоего святого вдохновенія, чтобы они словомъ Твоимъ, какъ огнемъ могли жечь сердца человѣческія. Господи! открой въ устахъ ихъ родники Божественнаго краснорѣчія, въ которыхъ могли бы утолить свою духовную жажду несчастные сыны нашей бѣдной страждущей Россіи“ и т. д. По окончаніи молитвы курсисты заняли свои мѣста. Пресвитеръ

З. взошелъ на кафедру и объявилъ курсистамъ, что темой настоящаго урока будетъ „критическій разборъ православнаго ученія о причащеніи“; послѣ этого онъ произнесъ краткую вступительную рѣчь, въ которой, въ общихъ чертахъ, изложилъ положительное сектантское ученіе „о причащеніи“.

Рѣчь сектантскаго импровизатора показалась мнѣ слишкомъ скучной, искусственной и необоснованной ни на какихъ научныхъ богословскихъ авторитетахъ. Основная мысль этой казуистической рѣчи сводилась къ тому, что причащеніе есть не таинство, а простой символическій обрядъ, установленный Спасителемъ въ воспоминаніе Его страданій и въ знакъ общенія вѣрующихъ между собою (Лука 22—19). Самую же идею причащенія къ тѣлу Христову, по миѣнію сектантскаго „мудрователя“, нужно понимать въ возвышенномъ духовномъ смыслѣ; на языкѣ священныхъ писаній, говорилъ онъ, тѣломъ Христовымъ называются церковь (Божественный союзъ людей) (1 Кор. 12—27). Къ этому истинному и спасительному тѣлу Христову мы причащаемся взаимною христіанскою любовію, а къ чашѣ страданій Христовыхъ мы приобщаемся въ своихъ страданіяхъ за имя Христово и т. п. (Фил. 3—10). Послѣ вступительной рѣчи сектантскаго „пресвитера“ на кафедру взошелъ сектантскій миссіонеръ П. и началъ читать „лекцію“ по обличенію православнаго ученія о таинствѣ причащенія. „Лекція сектантскаго „лектора“ была въ изобиліи пересыпана библейскими текстами и искусственными цвѣтистыми фразами, схваченными напрокатъ въ раціоналистической богословской литературѣ запада, а также казуистическими и софистическими тонкостями изворотливой сектантской мысли. „Дорогіе во Христѣ братья, говорилъ онъ, православная церковь, основываясь на буквальномъ пониманіи словъ Спасителя: „сіе есть Тѣло Мое“, „сія есть Кровь Моя“ (Мар. 26 гл. и Лук. 22), простой символическій обрядъ преломленія хлѣба возвела въ культъ величайшаго таинства, на которомъ покоятся все надежды и упованія, такъ называемыхъ, православныхъ христіанъ. Но какой же смыслъ заключается въ приведенныхъ словахъ Спасителя? „Буква убиваетъ, а духъ животворитъ“ (2 Кор. 3—6) говоритъ апостолъ Павелъ и въ этихъ краткихъ словахъ

даетъ намъ руководство къ правильному пониманію св. писанія. „Буква“, буквальный смыслъ писанія убиваетъ нашу душу и нашъ пытливый умъ и отдаляетъ насъ отъ Царствія Божія. „Духъ животворитъ“, духовный мистическій смыслъ писанія какъ небесная роса оживляетъ нашу духовную природу и способствуетъ произростанію въ нашемъ сердцѣ духовныхъ плодовъ вѣры и любви. Возвышенный духовный смыслъ заключается и въ приведенныхъ словахъ Спасителя о причащеніи. Вспомнимъ при какихъ историческихъ условіяхъ и обстоятельствахъ своей земной жизни произнесъ Спаситель эти слова, послужившія для многихъ камнемъ претыканія, соблазна и заблужденія. Въ земной жизни Спасителя наступалъ важный историческій моментъ. Приближалось время пострадать Богочеловѣку и пролить свою искупительную кровь за грѣхи всего міра. Ученики Его все еще находились подъ вліяніемъ общихъ еврейскихъ предразсудковъ о чувственномъ царствѣ Мессіи и не понимали истинной цѣли пришествія въ міръ своего Учителя. Желая подготовить своихъ учениковъ къ предстоящимъ своимъ страданіямъ, Христосъ въ послѣдній разъ собралъ ихъ, чтобы отпраздновать вмѣстѣ съ ними обрядъ ветхозавѣтной пасхи. Во время вечери, когда ученики ѣли и пили, Іисусъ Христосъ взялъ хлѣбъ, преломилъ его и раздавая ученикамъ сказалъ: „сіе есть Тѣло Мое“, также взялъ чашу съ винограднымъ виномъ и подавая ученикамъ сказалъ: „сіа есть Кровь Моя“. Нужно замѣтить, что въ ту отдаленную историческую эпоху, когда жилъ Христосъ, на востокѣ принято было излагать свои чувства и мысли въ формѣ притчъ, аллегорій и другихъ символическихъ образовъ. Господь нашъ Іисусъ Христосъ, живя на землѣ и проповѣдуя людямъ свое Божественное ученіе, часто облечалъ свои Божественныя чувства и мысли въ притчи и аллегоріи. (Еван. Мар. 13 гл. Лук. 15 гл. Іоан. 4—10—15.) Образныя и символическія выраженія употребилъ Христосъ и на тайной вечери при установленіи обряда преломленія хлѣба: взявъ хлѣбъ и преломивъ его, Онъ сказалъ: „сіе есть Тѣло Мое“... Слово „есть“ тутъ надо понимать въ переносномъ иносказательномъ смыслѣ—знаменуетъ, означаетъ, символизируетъ, а смыслъ всей рѣчи Христа

таковъ: „хлѣбъ есть символъ Тѣла Моего, которое должно страдать за грѣхи всего міра.“ Чаша сія есть символъ Крови Моей, которая прольется за грѣхи всего міра.“ Этотъ простой символическій обрядъ преломленія хлѣба мы совершаемъ, когда вспоминаемъ страданія и смерть своего Спасителя, а что слово „есть“ часто употребляется въ евангеліи въ переносномъ смыслѣ „знаменуетъ“, это можно доказать многочисленными выдержками изъ св. писанія: „Святель есть сынъ человѣческій“, Сѣмя есть слово Божіе“ (Мат. 13 гл. 37—38). „Я есть путь, истина и жизнь“ (Іоан. 14—6). „Я есть истинная виноградная лоза“ (Іоан. 15—1). Въ духовномъ возвышенномъ смыслѣ понималъ и самъ Іисусъ Христосъ свое ученіе о причащенія. Въ евангеліи Іоанна 6 гл. рассказывается: когда Іисусъ Христосъ излагалъ людямъ свое Божественное ученіе о причащеніи, то въ числѣ его слушателей находились невѣжественные іудеи, которые буквально поняли его слова: „Тѣло Мое есть истинная пища, а Кровь Моя есть истинное питіе“ (55 ст.) и въ ужасѣ воскликнули: „Какъ Онъ можетъ дать намъ ѣсть Плоть Свою!“ Спаситель отвѣчалъ имъ: „Духъ животворитъ, а плоть не пользуетъ нимало, слова, которыя Я говорю вамъ суть духъ и жизнь“ (63 ст.). Постараемся глубоко выискнуть во внутренній смыслъ Божественныхъ глаголовъ Спасителя „духъ животворитъ“ т. е. возвышенное, духовное, евангелическое пониманіе причащенія оживляетъ наши омертвѣлыя души и прививаетъ ихъ къ истинной виноградной цвѣтущей лозѣ—ко Христу (Іоан. 15 гл. 1—4 ст.). „Плоть не пользуетъ ни мало“, т. е. чувственное плотское „православное“ пониманіе причащенія не приближаетъ къ царствію Божію и нисколько не вліяетъ на духовное развитіе и нравственное совершенствованіе человѣка. „Слова, которыя я говорю Вамъ, суть духъ и жизнь“, заключаетъ свою рѣчь Спаситель. То есть въ Божественныхъ словахъ моихъ о причащеніи ищите не буквальный, а духовный таинственный смыслъ. Такъ же возвышенно и духовно смотрѣли на причащеніе первые ученики Христа св. Апостолы. Въ книгѣ „Дѣянія Апостольскія“ рассказывается, что по воскреснымъ днямъ они собирались вмѣстѣ для молитвы и, вспоминая смерть своего Божественнаго Учи-

теля, совершали обрядъ преломленія хлѣба, но въ то же время они были далеки отъ православнаго церковнаго культа Плоти и Крови Христовой.

Древніе христіане твердо вѣрили, что человѣческая миссія Христа на землѣ окончена и Его человѣческой „плотской“ образъ утратилъ для насъ всякую цѣнность и всякое значеніе; отнынѣ для насъ дорогъ и цѣненъ только Божественный образъ Христа и Его правственный примѣръ, который Онъ оставилъ вамъ для подражанія (1-е Петр. 2—21 ст.). Такія возвышенныя древне-христіанскія мысли свое реальное выраженіе нашли въ посл. апостола Павла (1-е Кор. 5 гл. 16 ст.), гдѣ апостоль пишетъ: „отнынѣ мы не знаемъ Христа по плоти“. Изъ этихъ словъ апостола мы заключаемъ, что въ новомъ заветѣ не можетъ быть и рѣчи о культѣ плоти и крови Христовой. Въ настоящее время всѣ свои чувства и мысли мы должны отвлекать отъ видимыхъ осязательныхъ обрядовъ къ невидимому небесному и Божественному. Всѣ свои надежды и упованія мы должны возлагать не на внѣшніе обряды (православная Евхаристія), а на невидимое, т. е. Господа Иисуса Христа, вознесшагося на небеса (Рим. 8—24). Православное ученіе о причащеніи является несостоятельнымъ не только предъ свѣтомъ евангелія, но и предъ судомъ логики (законъ правильнаго мышленія). По ученію Христа и св. Апостоловъ кровавая голгоетская жертва одинъ разъ была принесена за грѣхи всего міра. Она не повторима и мы должны только пользоваться ея благодѣтельными послѣдствіями—„мы освящены единократнымъ принесеніемъ Тѣла Христова“ (Евр. 10—10.)—(Ев. 9—26). Православная же церковь вопреки Апостольскому ученію на каждой литургіи приносить эту жертву—„Тѣло Христово преломляетъ и Кровь Христову проливаетъ“. Гдѣ же согласіе православной церковной практики съ ученіемъ св. апостоловъ?

Православная церковь въ своемъ догматическомъ ученіи отвергаетъ ученіе Лютера о вездѣсущи Тѣла Христова. По ученію православной Церкви Христосъ, какъ Богъ, вездѣсущъ и наполняетъ своимъ Божествомъ весь міръ, а какъ человѣкъ, по законамъ физики, долженъ находиться въ одномъ мѣстѣ. Если такъ, то мы логически не понимаемъ, какимъ чудомъ

Тѣло Христово находится на небѣ, на многихъ жертвенникахъ на землѣ и въ душѣ всякаго вѣрующаго причастника? Гдѣ же тутъ логика и здравый человѣческій смыслъ? Да я увѣненъ, ораторствовалъ сектантскій софистъ, что простымъ логическимъ возраженіемъ можно поставить въ затруднительное положеніе самаго лучшаго православнаго богослова. Много и другихъ казуистическихъ и софистическихъ возраженій приводилъ сектантскій „Хилонъ Хилонидъ“ въ опроверженіе православнаго ученія о Евхаристіи. Наконецъ былъ объявленъ перерывъ. Всѣ „курсисты“ обратились въ сторону, гдѣ сидѣлъ я, и вызывающе смотрѣли на меня, какъ бы дѣлая мнѣ безмолвный вызовъ на диспутъ; отъ этихъ фанатичныхъ пронизывающихъ взглядовъ дѣлалось на душѣ жутко и холодно. Мысленно призвавъ на помощь Бога, я всталъ и вѣжливо попросилъ у руководителей курсовъ позволенія сказать смѣлое и свободное слово по вопросу о таинствѣ причащенія. Послѣ долгихъ колебаній и споровъ, благодаря усиленной и общей просьбѣ самихъ курсистовъ, мнѣ дали это разрѣшеніе. Я взошелъ на кафедру и обратился ко всему сонму представителей сектантской „учености“ со словами: „евангельскіе христіане!“ Я только что слышалъ, какъ ваши руководители подвергали критическому разбору православное ученіе о таинствѣ причащенія. Какъ православный христіанинъ считаю нравственнымъ долгомъ указать вамъ на ваши промахи, недостатки и на ваше заблужденіе. Начну сначала. Вы обвиняете православную церковь въ томъ, что она вѣритъ въ буквальный смыслъ словъ Спасителя: „сіе есть Тѣло Мое“... „сія есть Кровь Моя“... и на основаніи этихъ словъ Спасителя считаетъ причащеніе величайшимъ и непостижимымъ таинствомъ. Ваши руководители утверждаютъ, что слова Спасителя о причащеніи нужно понимать иносказательно и смотрѣть на нихъ, какъ на простую евангельскую притчу; въ подтвержденіе своихъ словъ они ссылались на тѣ историческія условія и обстоятельства, среди которыхъ были произнесены эти слова нашимъ Спасителемъ. Но справедливо-ли это обвиненіе? Постараемся снова глубоко безпристрастно и всесторонне вникнуть въ тѣ историческія обстоятельства, при которыхъ Спаситель установилъ таин-

ство причащеніе и произнесъ эти святія слова, въ которыхъ „суть духъ и жизнь“, по выраженію евангелія (Іоан. 6—63). Онъ произнесъ ихъ въ кругу своихъ близкихъ и любимыхъ учениковъ, которыхъ называлъ друзьями своими (Іоан. 15—14), въ послѣдніе часы предъ Своими страданіями и смерью, когда, по свидѣтельству самихъ Апостоловъ, Онъ ни о чемъ не бесѣдовалъ съ ними въ притчахъ и аллегоріяхъ, а говорилъ прямо и просто (Іоан. 16—29). Вотъ что повѣствуютъ намъ евангелисты: Матѳей, Маркъ и Лука объ установленіи таинства причащенія. Всѣ они свидѣлствуютъ, что на послѣдней вечери Господь Іисусъ Христосъ взялъ хлѣбъ, благословилъ, преломилъ и раздавая его ученикамъ, сказалъ: „примите ядите: сіе есть Тѣло Мое за васъ ломимое, сіе творите въ Мое воспоминаніе,“ затѣмъ взялъ чашу съ винограднымъ виномъ и, возблагодаривъ Отца Небеснаго за любовь къ падшему человечеству, подалъ ее Своимъ ученикамъ, говоря: „пейте отъ нея всѣ: ибо сія есть Кровь Моя за многихъ изливаемая во оставленіе грѣховъ“ (Мат. 26—26—28), (Луки 22 гл. 26—28.), (Марк. 14 гл. 22—24.). Въ Божественныхъ словахъ Спасителя о причащеніи заключается прямой ясный смыслъ, свидѣтельствующій о томъ что въ таинствѣ евхаристіи, подъ видомъ хлѣба и вина, вѣрующіе принимаютъ истинное Тѣло и истинную Кровь Божественнаго Страдальца. Первые ученики Христа св. Апостолы, всею дѣятельностію которыхъ руководилъ Духъ Божій „Духъ истины“ (Іоан. 16—13.), смотрѣли на причащеніе не какъ на простой символическій обрядъ, а какъ на величайшее таинство христіанской церкви. Всѣ они глубоко и свято вѣрили, что въ таинствѣ причащенія заключаются не образы, не символы Тѣла и Крови Христовой, а истинное и дѣйствительное Тѣло, истинная и дѣйствительная Кровь Божественнаго Агнца, закланнаго за грѣхи міра на жертвенникѣ крестномъ. Вѣрованіе древней апостольской церкви ясно выражено въ первомъ посланіи апост. Павла къ Корин.; предостерегая коринѣскихъ христіанъ отъ общенія съ язычниками въ ихъ идоложертвенныхъ трапезахъ, апостоль писалъ: „возлюбленные мои! убѣгайте идолослуженія“ (14). Чаша благо-

словенія, которую мы благословляемъ, не есть ли приобщеніе Крови Христовой? Хлѣбъ, который преломляемъ, не есть ли приобщеніе Тѣла Христова? (16). Не можете пить чашу Господню и чашу бѣсовскую; не можете быть участниками въ трапезѣ Господней и въ трапезѣ бѣсовской (21). Этими словами апостоль напоминаетъ христіанамъ несомнѣнную и общеизвѣстную евангельскую истину, что, приобщаясь чашѣ Господней, они приобщаются Крови Христовой, а приобщаясь освященному хлѣбу или трапезѣ Господней, приобщаются Тѣлу Христову, и при этомъ апостоль призываетъ ихъ самихъ во свидѣтели Божественной истины словами: „говорю вамъ, какъ разсудительнымъ, разсудите о томъ, что говорю“. Въ 11-й гл. 1-го посл. Кор. Апостоль Павелъ буквально излагаетъ повѣствованіе евангелистовъ объ установленіи Евхаристіи. Онъ пишетъ: „Ибо я отъ самого Господа принялъ то, что и вамъ передалъ, что Господь Іисусъ Христосъ въ ту ночь, въ которую преданъ, взялъ хлѣбъ и возблагодаривъ, преломилъ и и сказалъ: „Пріимите, ядите, сіе есть Тѣло Мое, за васъ ломимое, сіе творите въ Мое воспоминаніе. Также и чашу послѣ и сказалъ: „сія чаша есть новый завѣтъ въ Моей Крови, сіе творите, только когда будете пить въ Мое воспоминаніе (24—25). Ибо, когда вы ѣдите хлѣбъ сей и пьете чашу сію, смерть Господню возвѣщаете, доколѣ Онъ пріидеть. Посему, кто будетъ ѣсть хлѣбъ сей или пить чашу Господню недостойно, виновенъ будетъ противъ Тѣла и Крови Господней (26—27).

Въ дальнѣйшемъ развитіи своихъ мыслей апостоль угрожаетъ гнѣвомъ Божіимъ, тѣмъ равнодушнымъ христіанамъ, которые безъ страха и священнаго благоговѣнія вкушаютъ трапезу Господню и этимъ навлекаютъ на себя страшное осужденіе: „ибо кто естъ и пьетъ недостойно, тотъ ѣсть и пьетъ осужденіе себѣ, не разсуждая о Тѣлѣ Господнемъ (29 ст.). Такую грозную кару можно высказывать только за неуваженіе къ несомнѣнно великой христіанской святынѣ, какою въ дѣствительности и является для христіанъ таинство причащенія. На протяженіи многихъ вѣковъ исповѣдывали свою вѣру въ таинство причащенія всѣ св. отцы и великіе учителя христіанской церкви, начиная со временъ апостоль-

скихъ, а также и цѣлыя вселенскіе соборы 1-й, 2-й и 3-й. Чтобы не быть голословнымъ, постараюсь привести научныя доказательства изъ исторіи. Представители всей христіанской церкви, собравшіеся со всего міра на 1-й Вселенскій Соборъ, исповѣдывали: „на Божественной трапезѣ мы не должны просто видѣть предложенный хлѣбъ и чашу, но, возвышаясь умомъ, должны вѣрою разумѣть, что на священной трапезѣ лежитъ Агнецъ Божій, взявшій на себя грѣхи всего міра (Іоан. 1—29), и истинно приѣмая честное Тѣло и Кровь Его, должны вѣровать, что это залогъ нашего воскресенія“. (См. комментарий на соб. акты Геласія Кизическаго). 3-й Вселенскій соборъ единодушно принялъ и одобрилъ посланіе св. Кирилла Александрійскаго къ Несторію, гдѣ между прочимъ говорится: „Возвѣщая смерть по плоти Единороднаго Сына Божія Господа Иисуса Христа и исповѣдуя воскресеніе Его и вознесеніе на небеса, мы совершаемъ въ церквахъ безкровное жертвоприношеніе, и такимъ образомъ приступаемъ къ благословеннымъ тайнамъ и освящаемся, причащаясь Св. Пречистаго Тѣла и честной Крови Христа Спасителя, принимая Его Тѣло не какъ плоть обыкновеннаго человѣка, но воистину животворящее и собственное Тѣло Бога Слова“ ¹⁾ (см. 1-й актъ Ефеск. собор.). 7-й Вселенскій соборъ, обличая заблужденіе еретиковъ, свидѣтельствовалъ: „Никто изъ трубъ св. Духа, т. е. св. Апостоловъ и другихъ великихъ христіанскихъ учителей, безкровную жертву (Евхаристію), совершающуюся въ воспоминаніе страданія Бога нашего и домостроительства Его, не называлъ образомъ Тѣла Его. Ибо они не приняли отъ Господа такъ говорить и возвѣщать, а слышали Его благоговѣствующимъ: „если не будете ѣсть Плоти Сына Человѣческаго и пить Крови Его, то не будете имѣть въ себѣ жизни“. (Іоан. 6 гл. 53—54). „Пріимите, ядите, сіе есть Тѣло Мое (Мат. 26), а не сказалъ пріимите ядите образъ (символъ) Тѣла Моего или образъ Крови Моей. Итакъ ясно, что ни Христось, ни Апостолы, ни Отцы церкви, безкровную жертву (евхаристію), приносимую священниками, не называли образомъ (символомъ), но самымъ пречистымъ Тѣломъ и пречистою

¹⁾ Дѣян. Вселенск. соборовъ. т. 1-й, изд. 2. Казань 1891 г., стр. 233.

Кровію Спасителя“ ¹⁾ (см. 6-й актъ 7-го Вселенск. соб.). Такъ же смотрѣли на таинство причащенія и другіе отцы и учителя христіанской церкви. Ученикъ св. апостола Іоанна Богослова св. Игнатій еп. Антиохійскій, обличая еретиковъ (докетовъ), писалъ: „докеты удаляются отъ таинства евхаристіи и молитвы, не исповѣдуя, что евхаристія есть Плоть Господа нашего Іисуса Христа, пострадавшаго за грѣхи наши, которую Отецъ воскресилъ по Своей благодати...“ (Посл. къ Смира. 7 г.). Извѣстный апологетъ древней церкви св. мученикъ Іустинъ писалъ въ своей апологіи: „мы приемлемъ сіе (Евхаристію) не какъ простой хлѣбъ и не какъ простое питье, но какъ Плоть и Кровь воплотившагося Господа Іисуса Христа ²⁾. (См. 1 аполог. стр. 97—99). Св. Иринеи Ліонскій, обличая еретиковъ, писалъ: „какъ они, еретики, могутъ признавать, что хлѣбъ, надъ которымъ совершенно благодареніе, есть Тѣло Господа Іисуса и сія чаша есть чаша Крови Его,—если не признаютъ, что Онъ Сынъ Божій Творецъ міра? (см. книга 4 противъ ересей). Св. Кириллъ Іерусалимскій пишетъ: „когда Самъ Іисусъ Христосъ сказалъ о евхаристическомъ хлѣбѣ: „сіе есть Тѣло Мое“, кто послѣ того осмѣлится сомнѣваться? Когда самъ Онъ сказалъ о евхаристической чашѣ: „сія есть Кровь Моя“, кто послѣ того осмѣлится сказать, что это не Кровь Его. Итакъ, если Самъ Богъ удостоилъ насъ быть причастниками, Божественнаго естества (2-е Петр. 1—4), то съ непоколебимой увѣренностію мы принимаемъ сіе, какъ Тѣло и Кровь Христову“. (4 Тайн. поученіе). Макарій Магнись, Іерусалимскій пресвитеръ, пишетъ: „въ Евхаристіи—не образъ Тѣла и не образъ Крови, какъ нѣкоторые ослѣпленные возмашали, но воистину Тѣло и Кровь Христовы ³⁾ (Пол. 36). Св. Григорій еп. Нисскій говоритъ: „воплотившійся Сынъ Божій даетъ намъ причащеніе Своей Плоти и Крови силою благословенія, претворяя въ оное (т. е. въ Свою Плоть и Кровь) естество видимыхъ предме-

¹⁾ Та же книга, стр. 179.

²⁾ Соч. древне-христіанск. апологетовъ въ переводѣ Преображенскаго 1-я апологія Іустина, стр. 97—99.

³⁾ Камень вѣры Стеф. Яворск. въ трактат. о причащеніи.

товѣ“ (большое огласительное слово). Знаменитый христіанскій подвижникъ востока св. Ефремъ Сиринъ говоритъ: „всякій умъ и всякое слово превосходитъ то, что сотворилъ для насъ Единородный Сынъ Божій Іисусъ Христосъ. Намъ грубымъ въ пищу и питіе Онъ даровалъ огонь и Духа, т. е. Тѣло Свое, а также и Кровь Свою“ ¹⁾. Великій учитель христіанской церкви св. Іоаннъ Златоустъ пишетъ: „помысли, христіанинъ, какой чести ты удостоенъ? Какою наслаждаешься трапезою? На что съ трепетомъ взираютъ Ангелы, по причинѣ сіянія отсюда исходящаго, тѣмъ мы питаемся, съ тѣмъ сообщаемся и дѣлаемся однимъ тѣломъ и одною плотію со Христомъ. Какой пастырь питаетъ овецъ собственными членами? Но что я говорю пастырь? Часто бываютъ такія матери, которыя новорожденныхъ младенцевъ отдаютъ кормилицамъ. Но Христосъ не потерпѣлъ сего. Онъ питаетъ насъ своею Кровію и чрезъ сіе соединяетъ насъ съ Собою“ ²⁾ (см. 82-я бес. на евангел. Матѣ.). Св. Іоаннъ Дамаскинъ пишетъ: „ужели Богъ—Слово не можетъ содѣлать хлѣбъ Своимъ Тѣломъ, а вино и воду Своею Кровію? Онъ сказалъ въ началѣ „да произраститъ земля зелень травную (Бытіе 1—11), и земля, возбуждаемая и укрѣпляемая словомъ Божиимъ, и донныѣ производить свое прозябаніе. Такъ и здѣсь Богъ сказалъ: „сіе есть Тѣло Мое, сія есть Кровь Моя, сіе творите въ Мое воспоминаніе“, и по Его всесильному повелѣнію такъ бываетъ и будетъ до того времени, когда Онъ придетъ, ибо такъ сказано: „доколѣ Онъ придетъ“ (1 Коринѣ. 11—26). Хлѣбъ и вино суть не образы Тѣла и Крови Христовой, а самое Божественное Тѣло Господа. Ибо самъ Господь сказалъ: „сіе есть Тѣло Мое“, а не образъ Тѣла Моего. „Сія есть Кровь Моя“, а не образъ Крови (точное изложеніе православной вѣры, книга 4-я гл. 12). Точно также вѣровали и исповѣдывали свою вѣру въ это Божественное таинство и другіе великіе отцы и учителя церкви. О всеобщности всѣхъ христіанскихъ вѣрованій въ это таинство говорятъ всѣ древніе литургіи. Во всѣхъ древнихъ литургіяхъ, на-

¹⁾ Творен. св. Ефрема Сирива часть 38, стр. 609.

²⁾ Твореніе Іоан. Златоуст., бесѣда 60 и бесѣда 82 на еванг. Матѣ.

начиная съ литургіи ап. Іакова, употребляющихся не только въ церкви православной, но и въ обществахъ неправославныхъ, напр.: у Несторіанъ, Евтихіанъ, Армянъ, Сирійцевъ и въ церкви Римской, находится молитва къ Богу Отцу предъ освященіемъ Св. Даровъ, чтобы Онъ преложилъ, премѣнилъ, претворилъ Духомъ Святымъ хлѣбъ въ честное Тѣло Іисуса Христа, а вино въ честную Кровь Его. Такое полное согласіе всѣхъ древнихъ литургій въ такомъ важномъ предметѣ, какъ ученіе о Евхаристіи, неоспоримо свидѣтельствуотъ о томъ, что всѣ древніе христіане глубоко вѣрили въ Причащеніе, какъ въ величайшее и непостижимое таинство христіанской церкви, а если такъ, то неужели вы думаете, что въ продолженіе двухъ тысячелѣтій вся христіанская церковь въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей находилась въ страшномъ заблужденіи по вопросу о Причащеніи? Неужели только вы, сектанты, и наши предки баптисты, появившіеся въ XVI вѣкѣ въ Германіи, могли правильно понять и уяснить евангельское ученіе о Причащеніи? Нѣтъ, такая нечестивая и богохульная мысль могла бы оскорбить Божественное достоинство Спасителя, который сказалъ: „на семь камнѣ я создамъ церковь Мою и врата ада не одолѣютъ ея (Матѳ. 16—18). Не могли впасть въ такое страшное заблужденіе древніе отцы и учителя христіанской церкви, потому что всѣми ихъ мыслями, словами и дѣйствіями руководилъ Духъ Божій, который предохранялъ ихъ отъ всякой лжи и настаивалъ на всякую истину (Іоан. 16—13), (Матѳ. 28—20). Не могла и церковь Христова въ продолженіе многихъ вѣковъ хранить въ своемъ ученіи живую ложь, потому что церковь, по слову апостола, есть столица, хранилище и утвержденіе всякой истины (1-е Тим. 3—15), а поэтому приходится съ увѣренностью сказать, что не церковь, а вы сектанты находитесь въ страшномъ заблужденіи. Вы порвали всякую связь съ ученіемъ древней вселенской церкви. Вы отвергли вѣковую культурную работу христіанской мысли, которая развивалась и совершенствовалась подъ благотворными лучами вѣчнаго евангельскаго солнца правды и подъ руководствомъ Духа Божія, Духа безусловной и несомнѣнной истины. По своему гордому самомнѣнію и по

своей духовной слѣпотѣ человѣческую ложь вы возвели на пьедесталь евангельской истины, ну да объ этомъ послѣ, а сейчасъ съ Божьей помощью постараемся разобрать хитро-сплетенныя мудрованія вашихъ руководителей.

Миссіонеръ Гр. Щелковъ.

(Окончаніе будетъ).

Архіерейскія богослуженія.

26-го марта, въ среду, Преосвященный Епископъ Евгений совершалъ Преждеосвященную литургію въ Каѳедральномъ соборѣ.— Великій канонъ въ этотъ день читали: Высокопреосвященный Арсеній въ Крестовой церкви, а Преосвященный Евгений въ Каѳедральномъ соборѣ.

— 28-го марта, въ пятницу, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній изволилъ совершать Преждеосвященную литургію въ церкви Харьковскаго духовнаго училища при участіи ключаря собора протоіерея І. Гончаревскаго, священника о. Давида Попова, благочиннаго священника о. Петра Вошнякова и священника о. Филиппа Пестрякова. Читанія и пѣснопѣнія на богослуженіи были исполнены учениками. Въ концѣ литургіи Владыка велъ съ учениками бесѣду о происхожденіи поста и о его значеніи и о значеніи воспоминаній, соединяемыхъ съ каждою недѣлею великаго поста. Бесѣда Владыки была кратка, ясна и воодушевлена; ученики слушали бесѣду со вниманіемъ и участіемъ, отвѣчая на вопросы Владыки. Послѣ литургіи, преподавъ благословеніе ученикамъ и всѣмъ присутствовавшимъ въ храмѣ, Владыка зашелъ въ квартиру г. смотрителя училища, гдѣ ему былъ предложенъ чай.—Преосвященный Евгений совершалъ въ этотъ день литургію въ монастырѣ. Въ этотъ же день, въ 6 час. веч., послѣдованіе акаѳста служили: Высокопреосвященный Арсеній въ монастырѣ, а Преосвященный Евгений—въ Каѳедральномъ соборѣ.

— 30-го марта, въ воскресенье, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній совершалъ литургію въ Покровскомъ монастырѣ, а Преосвященный Евгенийъ въ Каѳедральномъ соборѣ.

— 2-го апрѣля, въ среду, Преосвященный Епископъ Евгенийъ совершалъ Преждеосвященную литургію въ Покровскомъ монастырѣ.

— 4-го апрѣля, въ пятницу, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній изволялъ совершать Преждеосвященную литургію въ Каѳедральномъ соборѣ въ сослуженіи архимандритовъ Аѳанасія и Аркадія и соборнаго духовенства. Въ концѣ литургіи Владыка сказалъ краткую, проникнутую глубокимъ чувствомъ проповѣдь о постѣ, умиленности и глубоководности великопостныхъ богослуженій, молитвъ и пѣснопѣній и о томъ, съ какимъ расположеніемъ души мы должны вступить въ предстоящую седмицу страстей Господнихъ. На богослуженіи присутствовало много молящихся, въ числѣ ихъ г. Харьковскій Генераль-губернаторъ, командующій армейскимъ корпусомъ и другіе высокопоставленныя лица.

Преосвященный Епископъ Евгенийъ въ этотъ день совершалъ литургію въ Покровскомъ монастырѣ.

— 5-го апрѣля, въ Лазареву субботу, въ 4 час. пополудни, послѣ малой вечерни, Преосвященнымъ Евгениемъ, при участіи всего градскаго духовенства, былъ совершенъ крестный ходъ съ вербою изъ каѳедральнаго собора въ Покровскій монастырь. При ясной весенней погодѣ и большомъ стеченіи народа, стоявшаго и шедшаго по сторонамъ и бросающаго цвѣты и вѣтви на дорогу, крестный ходъ имѣлъ очень торжественный видъ.

Всенощное бдѣніе въ этотъ день совершали: Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній въ Крестовой церкви, а Преосвященный Евгенийъ—въ каѳедральномъ соборѣ.

— 6-го апрѣля, въ недѣлю Вай, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній совершалъ литургію въ каѳедральномъ соборѣ при участіи: архимандритовъ—Аѳанасія и Аркадія, каѳедральнаго протоіерея о. С. Любвицкаго, ключаря протоіерея І. Гончаревскаго и соборныхъ священниковъ о. Г. Виноградова и о. Л. Тердохлѣбова. Въ концѣ литургіи Владыка сказалъ проповѣдь о входѣ Господа Іисуса Христа въ Іерусалимъ. Въ ней Владыка ярко явобразилъ необычную торжественность встрѣчи, сдѣланной Іисусу Христу еврейскимъ народомъ, объяснилъ причину радости народа и причину скорби Спасителя, особенное же вниманіе остановилъ

на измѣнячивость чувствъ еврейскаго народа, который радостный и дружественный кликъ „осана въ вышнихъ“! чрезъ нѣсколько дней смѣнилъ злобымъ крикомъ „распи его“! Владыка съ особымъ чувствомъ предостерегалъ своихъ слушателей отъ возможности и въ нихъ подобной измѣнячивости релігіозной вѣры и любви къ своему Спасителю.—Послѣ литургии Владыка служилъ молебень о мирѣ и вскорененіи кривоверыи и нестроений.

Преосвященный Епископъ Евгеній въ этотъ день совершалъ литургію въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря.

Протоіерей І. Гончаревскій.

Служеніе Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнаго Арсенія, Преждеосвященной литургіи въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ.

Въ пятницу на 3-ей недѣлѣ Великаго поста Его Высокопреосвященство, Высокопреосвященный Арсеній, Архіепископъ Харьковскій, совершилъ литургію Преждеосвященныхъ Даровъ въ Харьковскомъ Епархіальномъ Женскомъ Училищѣ.

Прибывъ въ Училище въ 10 ч., Его Высокопреосвященство былъ встрѣченъ о. предсѣдателемъ Совѣта, прот. І. Пичетой, г-жей начальницей Училища Е. Н. Гейцыгъ и преподавателями Училища и направился въ Церковь, гдѣ былъ встрѣченъ о. инспекторомъ классовъ, державшимъ св. крестъ. При входѣ Владыки въ Церковь, воспитанницы пропѣли: „Достойно есть“... Взойдя на солею и приложившись къ мѣстнымъ иконамъ, Его Высокопреосвященство направился на амвонъ посреди Церкви, гдѣ началъ облачаться, а хоръ воспитанницъ въ это время пропѣлъ догмативъ: „Кто Тебе не ублажитъ“.. Въ сослуженіи литургіи Владыкой участвовали: предсѣдатель Совѣта, прот. І. Пичета, ключарь собора, прот. І. Гончаревскій, духовникъ училища, прот. П. Вышемирскій и инспекторъ классовъ, священ. І. Котовъ. Благоговѣйное служеніе Владыки, стройное и умиленное пѣніе учащихъ, хорошее чтеніе доставили большое духовное утѣшеніе всѣмъ молящимся въ храмѣ.

По окончаніи литургіи Высокопреосвященный Арсеній обратился къ воспитанницамъ съ словомъ, въ которомъ высказалъ то релігіозно-духовное утѣшеніе, которое получилъ онъ при служеніи литургіи въ училищномъ храмѣ, поблагодарилъ воспитанницъ за хорошее пѣніе и указалъ на значеніе поста и Литургіи Преждеосвященныхъ Даровъ въ особенности.

Преподавъ за сямъ воспитанникамъ благословеніе, Его Высокопреосвященство прошелъ въ квартиру начальницы, гдѣ предложенъ былъ чай, а затѣмъ въ 1-мъ часу отбылъ изъ Учывища.

Освященникъ Іоаннъ Котовъ.

Освященіе новаго храма въ слободѣ Рубцовой, Изюмскаго уѣзда.

8-го февраля сего 1908 года совершено освященіе новаго, двухпрестольнаго храма въ слоб. Рубцовой, Изюмскаго уѣзда, выстроеннаго стараніемъ прихожанъ подъ опытнымъ руководствомъ настоятеля онаго священника о. Алексѣя Попова. Новый храмъ деревянный, прекрасной архитектуры; своею обширностію и свѣтлостію производитъ пріятное впечатлѣніе; полъ въ немъ устроенъ изъ плитокъ, изразцовый; вкюности рѣзной, лпзовый безъ позолоты и красокъ,—очень красивъ. Освященіе совершено съ благословенія Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Арсенія благочиннымъ 1-го округа, Изюмскаго уѣзда, протоіереемъ о. Стефаномъ Кохановымъ при участіи одиннадцати священниковъ и трехъ діаконъ. Торжество освященія началось наканунѣ, 7-го февраля, перенесеніемъ изъ стараго храма въ новоустроенный, отстоящій отъ послѣдняго версты на двѣ, святаго Антиманса и другихъ святостей. Передъ перенесеніемъ протоіерей Кохановъ обратился къ прихожанамъ, въ большемъ количествѣ наполнившимъ старый храмъ съ краткой, но сильной рѣчью, восторгнувшей слезы изъ глазъ присутствовавшихъ. Указавъ на то, что насталъ моментъ разстаться прихожанамъ съ своимъ старымъ храмомъ, въ которомъ ихъ отцы, ихъ дѣды и ихъ прадѣды возносили молитвы въ своихъ радостяхъ и печаляхъ, просили себѣ милостей у Господа Бога по ходатайству покровителя святаго храма сего и вси сей—Іоанна Милостиваго и что, какъ всякая разлука съ чѣмъ либо дорогимъ нашему сердцу бываетъ тягостна, а тѣмъ болѣе съ такимъ священнымъ мѣстомъ, какъ храмъ, протоіерей Кохановъ находитъ утѣшеніе для прихожанъ въ сознаніи совершенія ими великаго дѣла, долженствующаго увѣковѣчить ихъ память среди ихъ потомства, именно устройства прекраснаго храма. По перенесеніи святыхъ, въ новомъ храмѣ совершена была всеобщая, а на другой день въ 5 ч. утра освященіе првдѣла и ранняя литургія, которую совершали пять іереевъ во главѣ съ настоятелемъ храма о. Алексѣемъ Поповымъ. Въ 11 часовъ началось освященіе главнаго алтара и всего храма и непосредственно по освященіи—

поздняя литургія, которую совершилъ благочинный протоіерей Кохановъ съ шестью священниками. Въ свое время протоіерей Кохановъ сказалъ приличествующее случаю слово, въ которомъ, выразивъ похвалу прихожанамъ за сооруженіе прекраснаго храма, могущаго быть украшеніемъ и города, что особенно цѣнно въ настоящее время, время всеобщаго упадка духа релігіозности въ народѣ и охлажденія къ церкви, протоіерей Кохановъ предостерегаетъ прихожанъ отъ увлеченія современными заблужденіями, совѣтуетъ сторониться личностей, сѣющихъ въ народѣ недоуольство существующими порядками и обѣщающихъ народу несбыточныя блага, совѣтуетъ въ недоумѣнныхъ вопросахъ обращаться къ своему пастырю, у котораго всегда найдется истинное разрѣшеніе смущающихъ ихъ вопросовъ... Въ заключеніе прот. Кохановъ высказалъ пожеланіе, чтобы любовь ко храму Божію не оскудѣвала средь прихожанъ и при современныхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ. Послѣ литургій былъ отслуженъ краткій молебенъ, въ концѣ котораго провозглашено многолѣтіе Государю Императору и всему Царствующему Дому, Высокопреосвященнѣйшему Архіепископу Арсенію, съ благословенія котораго совершалось торжество освященія, настоятелю храма о. Алексѣю Попову, много потрудившемуся въ дѣлѣ устроенія храма, прихожанамъ и всѣмъ жертвователямъ на сооруженіе оваго.

Чинъ освященія храма, обставленный торжественнымъ богослуженіемъ и крестнымъ ходомъ вокругъ храма со святыми мощами, по глубокому впечатлѣнію, на всѣхъ произведенному, надолго останется въ памяти и сердцахъ на немъ присутствовавшихъ. Торжество закончилось въ домѣ настоятеля о. Алексѣя Попова, предложившаго трапезу духовенству, участвовавшему въ совершеніи освященія храма, почетнымъ прихожанамъ, принимавшимъ близкое участіе въ сооруженіи оваго и постороннимъ гостямъ, почтившимъ своимъ посѣщеніемъ настоящее торжество. За трапезой сказано было много рѣчей, въ которыхъ ораторами была охарактеризована личность настоятеля Рубцовскаго храма о. Алексѣя Яковлевича Попова, какъ неутомимаго дѣятеля, устроившаго за свое, сравнительно недолголѣтнее настоятельское служеніе (священствуетъ около 20 лѣтъ) два прекрасныхъ храма, двѣ образцовыя въ архитектурномъ отношеніи и цѣнныхъ по стоимости церковно-приходскія школы, при чемъ особенное вниманіе было обращено на то обстоятельство, что средства на означенныя сооруженія, при началѣ работъ, обыкновенно были только въ зачаточномъ со-

стояніи, потребныи же суммы для продолженія и окончанія работъ изыскивались в умѣло расходовались опытнымъ и энергичнымъ настоятелемъ храма о. Алексѣемъ Яковлевичемъ Поповымъ.

Слободы Долгенькой *Священникъ Димитрій Навродскій.*

Памяти незабвеннаго товарища—сослуживца Петра Алексѣевича Тораюкаго, къ годовщинѣ его кончины.

Одиннадцатаго апрѣля настоящаго 1908 г. исполнился годъ какъ на Купянскомъ городскомъ кладбищѣ происходило отпѣваніе и погребеніе мѣстнаго старожила, надворнаго совѣтника, Петра Алексѣевича Тораюкаго, 27 лѣтъ прослужившаго въ скромной должности надзирателя—репетитора учениковъ Купянскаго духовнаго училища. Подъ его нравственнымъ вліяніемъ прошли многія поколѣнія духовенства Харьковской епархіи, и потому онъ безусловно заслуживаетъ того, чтобы въ годовщину его безвременной кончины вспомнить о немъ добрымъ словомъ на страницахъ нашего уважаемаго журнала. Покойный Петръ Алексѣевичъ умеръ на 49 году жизни, проболѣвъ всего дни три. Рѣдкій онъ былъ человекъ по своимъ душевнымъ качествамъ. Что это дѣйствительно правда,—скажетъ, увѣренъ я, всякій, знавшій его и какъ товарища по ученію, и какъ воспитателя, и какъ сослуживца и просто какъ знакомаго. Уже по одному тому его можно такъ назвать, что онъ 27 лѣтъ прожилъ въ стѣнахъ училища въ самой тяжелой и безпокойной должности надзирателя за учениками при всѣхъ неблагоприятныхъ условіяхъ казенной—школьной жизни для человека такихъ почтенныхъ лѣтъ, какихъ былъ покойный.

Петра Алексѣевича я хорошо и давно зналъ: я учился въ Купянскомъ училищѣ, когда онъ только поступилъ еще на службу и затѣмъ 15 лѣтъ былъ его сослуживцемъ.

Сынъ священника Старобѣльскаго уѣзда слободы Бѣлокуракиной, почившій родился въ 1858 году и, окончивъ курсъ Харьковской Духовной Семинаріи студентомъ въ 1879 году, онъ въ слѣдующемъ же году поступаетъ на службу въ Купянское духовное училище, гдѣ и проходитъ вся его жизнь. Всего себя онъ отдаетъ училищу и ученикамъ: въ жизнь и обстановка становятся ему родными, онъ свыкается съ ними, сживается, привязывается къ нимъ всей душой, очень рѣдко удѣляя время даже на поѣздки къ роднымъ. Характера покойный Петръ Алексѣевичъ былъ добраго, тихаго, невозмутимаго и никого не возмущавшаго. Никогда онъ

ни на кого и ни на что не жаловался, никогда, хотя видимо, не былъ чѣмъ-либо недоволенъ,—всегда былъ благодушенъ, спокоенъ и молчаливъ,—послѣднее было отличительнымъ свойствомъ его характера. Что бы ни случилось съ нимъ: радость или самое тяжелое горе,—онъ былъ всегда одинаковъ. По его наружному виду никто не могъ опредѣлять его душевнаго состоянія,—это была глубокая—непроницаемая тайна для всѣхъ его всегда окружавшихъ и хорошо знавшихъ лицъ.

За 27-лѣтнюю жизнь въ Кулиискѣ—въ училищѣ, у него, естественно, было много знакомыхъ, со всѣми онъ былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, но никому, даже самому близкому къ нему человѣку, онъ никогда не высказывалъ того, что бывало у него на душѣ: какое горе, или радость, что такъ естественно бываетъ съ каждымъ изъ насъ. Никто никогда не зналъ, что его радуетъ, что озабочиваетъ; весело ли у него на сердцѣ или грустно,—всегда одинаковый въ отношеніяхъ со всѣми, всегда равный и постоянный въ своихъ словахъ и дѣйствіяхъ, всегда, повидимому, спокойный и ничѣмъ не озабоченный и всегда обязательно молчаливый, онъ въ обычныхъ разговорахъ его сослуживцевъ и знакомыхъ, которые часто бывали въ общей надзирательской комнатѣ, и вообще, гдѣ бы ни былъ онъ въ обществѣ,—никогда не принималъ участія. И это выходило у него не потому, чтобы онъ не зналъ, что говорить, или не умѣлъ, какъ сказать,—нѣтъ это исключительно было результатомъ его душевной настроенности: онъ всегда былъ самоуглубленъ и не считалъ нужнымъ дѣлаться съ кѣмъ-либо своими чувствами и мыслями.

Всю жизнь онъ прожилъ въ училищѣ—въ общей надзирательской комнатѣ—столовой, въ которой бывало всегда людно, а довольно часто бывали и посторонніе посѣтители, всегда былъ среди своихъ сослуживцевъ, преподавателей и учениковъ и въ то же время былъ всегда одинокъ—съ своимъ только душевнымъ міромъ, въ который никогда никого не посвящалъ, и потому ему никто никогда не могъ посочувствовать въ его горѣ или радости. Кто зналъ покойнаго Петра Алексѣевича, тотъ вполне согласится, что подобнаго ему человѣка въ жизни очень рѣдко можно встрѣтить. Въ обращеніи съ учениками П. А. былъ мягокъ—добръ и снисходителемъ: онъ вполне понималъ дѣтскую душу, дѣтскій характеръ, дѣтскія привычки и обычныя дѣтскія шалости и относился къ нимъ, какъ я должно относиться къ дѣтямъ, снисходительно, но въ то же время, чтобы они не думали, что надзиратель Петръ

Алексѣевичъ слишкомъ ужъ добръ и что можно, поэтому, дѣлать, что въмъ вздумается, шалить, какъ угодно въмъ, П. А. всегда покрывалъ на палуновъ своимъ высокимъ—товкимъ, не по его сложенію и фигурѣ, едва слышнымъ голосомъ, что всегда доставляло удовольствіе маленькимъ проказникамъ—ученикамъ. Ученики сами, а въхъ за 27 лѣтнее надзирательствованіе Пэтра Алексѣевича было у него далеко не мало, видѣли такое гуманное отношеніе къ нимъ П. А., в каждый изъ нихъ безъ сомнѣннй, скажетъ, что это правда. За эти его душевныя качества ученики любили и уважали его, видя въ немъ многіе воспитателя еще своихъ отцовъ и старшихъ братьевъ,—эта любовь и расположеніе къ нему учениковъ и сослуживцевъ его выразилась въ торжественномъ празднованіи его 25-лѣтняго юбилея въ должности надзирателя, когда сослуживцы почтили его обѣдомъ и поднесеніемъ цѣннаго подарка, а ученики святого образа Христа Спасителя.

В. Смирнскій.

(Продолженіе будетъ).

Напоминаніе Высокопреосвященнаго Архіепископа Тверскаго Алексія.

Архіепископъ Тверской Алексій обратился къ церковнымъ старостамъ епархіи съ слѣдующимъ распоряженіемъ: „Въ виду того, что въ некоторые церковныя старосты самовольно, или же подъ дѣйствіемъ незаконнаго вмѣшательства въ церковное дѣло злонамѣренныхъ прихожанъ, въ веденіи церковнаго хозяйства не подчиняются Высочайше утвержденной инструкціи и нарушаютъ данную ими присягу, вмѣстѣ съ наступленіемъ новаго трехлѣтія въ ихъ служеніи св. церкви, считаю благовременнымъ напомнить всѣмъ церковнымъ старостамъ, что свое святое служеніе церкви Божіей они должны совершать по закону, въ страхъ Божіемъ, въ послушаніи Богоучрежденной власти и своимъ пастырямъ. Такъ какъ, въ частности, болѣе всего нарушаются тѣ статьи Высочайше утвержденной инструкціи, въ которыхъ предписано церковнымъ старостамъ безотлагательно вносить установленныя Святѣйшимъ

Синодомъ и Епархіальнымъ Начальствомъ обязательные сборы съ церковныхъ доходовъ на духовно-учебныя и другія потребности (ст. 37), а также вмѣняется имъ въ непремѣнную обязанность пріобрѣтать восковыя свѣчи, деревянное масло и ладонъ съ епархіальнаго свѣчнаго завода (ст. 23), нахожу нужнымъ подтвердить церковнымъ старостамъ, что-бы они ни подъ какимъ предлогомъ не уклонялись отъ исполненія свхъ статей, имѣя въ виду, что, во 1-хъ, всѣ церковныя сборы и прибыли епархіальнаго свѣчнаго завода поступаютъ на просвѣтительныя и благотворительныя учрежденія, т. е. на доброе дѣло, во 2-хъ, Богу нужно въ церковь приносить съ усердіемъ частую жертву, хотя-бы и малую, какъ то: свѣчу изъ чистаго пчелинаго воска, каковая выдѣлывается только на епархіальномъ заводѣ, чистое лампадное масло и благовонный ладонъ. О. о. благочиннымъ и настоятелямъ церквей вмѣняю въ обязанность внушать церковнымъ старостамъ вести церковное хозяйство, по долгу службы, согласно присягѣ, и быть руководителями ихъ, а въ случаяхъ явнаго и упорнаго нарушенія инструкціи со стороны послѣднихъ, немедленно доносить мнѣ.

(„Твер. Еп. Вѣд.“ № 8).

Собраніе законоучителей въ г. Н.-Новгородѣ.

19-го февраля состоялось собраніе законоучителей г. Н.-Новгорода. Собраніе остановило свое вниманіе на томъ обстоятельстве, что въ послѣднее время въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ явился обычай устраивать вечера для учащихся наканунѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней. Такихъ вечеровъ въ февралѣ мѣсяцѣ было въ разныхъ заведеніяхъ 5. Въ нѣкоторыхъ учебныхъ заведеніяхъ не состоялись вечера наканунѣ праздниковъ по протесту законоучителей. Родительскій комитетъ одного учебнаго заведенія устроилъ ученвческій вечеръ наканунѣ праздника въ нешкольномъ зданіи послѣ того какъ начальство этого заведенія не согласилось на устройство вечера въ школьномъ зданіи. Собраніе законоучителей признало устройство вечеровъ для учащихся наканунѣ праздниковъ вреднымъ для религіознаго воспитанія учащейся молодежи и подрывающимъ дѣло христіанскаго наученія, совершать которое призваны законоучители, и постановило просить Преосвященнаго принять свои архипастырскія мѣры къ прекращенію указаннаго печальнаго явленія, такъ какъ отдѣльными усилія законоучителей не всегда въ этомъ дѣлѣ могутъ увѣнчаться успѣхомъ. Затѣмъ былъ заслушанъ докладъ о новомъ планѣ преподаванія

Закона Божія въ кадетскихъ корпусахъ, гдѣ въ основу изученія положено широкое пользованіе Библіей. О.о. запоучителя остались въ общемъ очень довольны идеями, положенными въ основу преподаванія Закона Божія въ кадетскихъ корпусахъ, тѣмъ болѣе, что, какъ оказалось, нѣкоторые изъ нихъ прибѣгаютъ уже къ ознакомленію учащихся съ текстомъ Св. Писанія. (Ниж. Церк.-Общ. Вѣст. № 9).

Разныя извѣстія и замѣтки.

Телеграмма протоіерей І. Восторгова.

Протоіерей І. Восторговъ телеграфруетъ „Новому Вр.“: Усердно прошу напечатать въ вашей газетѣ, а другіе органы духовныя и свѣтскіе прошу перепечатать настоящую телеграмму. По порученію Святѣйшаго Синода и съ Высочайшаго соизволенія ознакомился я на мѣстѣ съ религіозными нуждами переселенцевъ трехъ епархій Восточной Сибири и Дальняго Востока. Нужды въ полномъ смыслѣ вопіющія, въ Приморской области только за одинъ годъ населеніе увеличилось сразу на одну третѣ. Пятьсотъ тысячъ новоселовъ ежегодно вливаются въ Сибирь.

Уже началась переселенческая кампанія текущаго года. Волна переселенія не ослабѣваетъ, а увеличивается. Новые поселки удалились отъ желѣзной дороги въ глубь страны, селятся на берегу океана, церквей и причтовъ нѣтъ. Изъ пятидесяти мѣстъ сразу молятъ владивостокскаго архіерея прислать священниковъ, чтобы переселенцы могли договѣть, но священниковъ не хватаетъ даже около городовъ. Отрадно видѣть, что религіозныя интересы стоятъ у переселенцевъ на первомъ планѣ. Всѣ жаждутъ имѣть храмы и причты. Трогательно то, что при всей бѣдности и лишенія, помѣщаясь сами въ землянкахъ, переселенцы прежде всего въ избранномъ поселкѣ отводятъ мѣсто для храма, церковной школы и домовъ причта, собираютъ деньги и немедленно приступаютъ къ постройкѣ, обязываются приговорами содержать причты. Лично я посѣтилъ, служилъ и проповѣдывалъ среди новоселовъ. Трудно изобразить ихъ духовную радость при молитвѣ, этотъ подъемъ

духа духовно наголодавшихся людей; грѣшно не отвѣтить на такую жажду, страшно толкнуть ихъ на путь равнодушія религіознаго или сектантства. Средствъ на храмы на мѣстѣ мало, казна отърываетъ новые причты, строятъ церкви, но успѣть за жизнью не можетъ. Открыто теперь новыхъ причтовъ до 20, а нужно не менѣе 50, и это самое малое. Десять тысячъ руб. довольно для построения церкви, школы и домовъ причта; лѣсъ дается ларовой, трудъ, перевозку, работы земляныя даютъ сами крестьяне. За пять т. р., свободно можно выстроить храмъ, за 400 р., только чрезъ хозяйственное управленіе Святѣйшаго Синода, можно пріобрѣсти совершенно удобную походную церковь съ иконостасомъ, переноснымъ, разборнымъ престоломъ, облаченіемъ, утварью, кивгами, словомъ, со всѣмъ необходимымъ. Откликнитесь, добрые, вѣрующіе люди, помогите, духовно нуждающимся новоселамъ; съ тоскою многіе изъ нихъ говорятъ, что пять лѣтъ не видѣли священника, не ѣли освященной пасхи, многіе по этой причинѣ бросаютъ избранныя мѣста и уходятъ, какъ ушли новоселы лѣваго берега Амура, около Хабаровска, а мѣсто это высокой государственной важности. Умоляемъ ради переживаемыхъ святыхъ дней поста, покаянія, грядущихъ дней страстной седмицы, великихъ воспоминаній, ради грядущихъ дней Свѣтлой Пасхи, откройте сердца для любви благотворительности, помогите братьямъ нашимъ! Одной земли въ Сибири имъ недовольно: не о хлѣбѣ единомъ живѣтъ человѣкъ. Великое совершите дѣло помощью пожертвованія на храмы, со спеціальнымъ назначеніемъ на извѣстную епархію или избранное село, а также вообще жертвы на церкви въ Сибири деньгами, новою или уже бывшею въ употребленіи утварью; можно пересылать въ хозяйственное управленіе Св. Синода или въ Москву (синаодальная контора, прокурору Степанову), или непосредственно архіереямъ сибирскихъ епархій, особенно Благовѣщенской, Владивостокской, Омской, Оренбургской и Томской, или наконецъ всякому архіерею любой епархіи въ Россіи. Казенными отпусками не поспѣть за жизнью. На помощь должны придти частныя жертвы. Еще и еще молимъ васъ и просимъ, добрые, вѣрующіе, любящіе нашъ народъ люди, помогите, отзовитесь на вопіющую духовную нужду; это будетъ подвигъ и жертва святой вѣры, христіанской любви, истиннаго, разумнаго патриотизма. Газеты прошу открыть сборъ на церковно-строительныя нужды среди новоселовъ Сибири.

Высочайше назначенная ревизія духовныхъ академій.

Высочайше повелѣно поручить архіепископу херсонскому Дмитрію провзвести обследованіе Петербургской, Московской, и Казанской духовныхъ академій; а архіепископу волыискому Антоцію — Кіевской академіи. Въ помощъ же имъ повелѣно назначить достаточно освѣдомленныхъ въ строѣ и задачахъ духовныхъ академій лицъ по выбору Св. Синода. Въ субботу 15 марта Св. Синодъ, заслушавъ въ своемъ засѣданіи это Высочайшее повелѣніе, сдѣлалъ соответствующія распоряженія. Высокой важности событіе это находится въ тѣсной связи съ выработываемой нынѣ Св. Синодомъ реформой духовныхъ семинарій и училищъ. Въ послѣднее 25-лѣтіе въ духовныхъ академіяхъ совсѣмъ не было синодальныхъ ревизій, между тѣмъ какъ раньше онѣ не разъ производились.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Открыта подписка на 1908 годъ.

МАЛЮТКА

журналъ для самыхъ маленькихъ дѣтей. Годъ изданія двадцать третій.

24 книжки въ годъ: 12 книжекъ журнала Малютка и 12 Сказки Кота Ученаго для малыхъ и большихъ дѣтей. 36 премій-игрушекъ, для вырѣзыванія, склеиванія, раскрашиванія, вышиванія и т. п.

Кромѣ того для первыхъ 6000 подписчиковъ особая премія:

Робинзонъ Младшій

К. Н. I.

Со 118-го роскошнаго нѣмецкаго юбилейнаго изданія. Со множествомъ рисунковъ и художественною оберткой въ краскахъ для переплета. Въ теченіе цѣлаго столѣтія книга эта, переведенная на всѣ безъ исключенія европейскіе языки и выдержавшая множество изданій, была самымъ любимымъ дѣтскимъ чтеніемъ.

Подписная цѣна: со всѣми приложеніями 4 руб., безъ сказокъ и Робинзона 2 руб. 50 коп.

Адресъ для иногороднихъ: Москва, редакція журнала Малютка. Въ Москвѣ подписка принимается въ конторѣ Н. Печковской.

Журналъ „БѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектантствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митрон. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Пипнокентій Борисовъ“. Біографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гетте съ переводъ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквахъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средне-вѣковая мистика и отношеніе ея къ католичеству“. Историческое изслѣдованіе А. Бертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами? В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Богослово“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—Статьи объ антихриствѣ. Профес. А. Д. Ыльяева.—„Клятва Руць“. Преосвященнаго Пипнокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Тамбовскаго).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“. Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія монизма“. Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Линицкаго.—„Законъ причинности“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. И. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. Н. Страхова.—„Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Снегирева.—Чтенія по космологіи Профес. В. Д. Кудрявцева.—„Законъ жизни“ Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній: Сенеки, Лейбница, Канта, Каро, Жана, Фюлье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛѢ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ», свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

■ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Рectorъ Семинаріи, Протоіерей Алексій ЮШКОВЪ.
Дѣйств. Статск. Совѣт. Константинъ ИСТОМИНЪ.